

М.Ф. Гетманец, И.О. Гетманец

СТАТЬИ О
МАКАРЕНКО
ПЕДАГОГЕ И ПИСАТЕЛЕ

Харьков “Майдан” 2013

ББК
Г

Рецензенты:

Евдокимов В.И., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Украинской национальной академии педагогических наук.

Силаев А.С., доктор филологических наук, профессор, Харьковский национальный педагогический университет.

Гетманец М.Ф., Гетманец И.О.

Статьи о Макаренке педагоге и писателе. — Харьков: Майдан, 2013. — 170 с.

В книге собраны статьи, опубликованные в своё время в печати, а также новые исследования авторов. Некоторые из них в лексике отражают штампы советского времени, однако содержание их представляет большой интерес для понимания мировоззрения А.С. Макаренко вообще и его эстетических взглядов, в частности. Статьи отличаются смелой постановкой сложных проблем макаренковедения, а также научно-исследовательским подходом к их решению.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В этом издании собраны статьи, которые в своё время были опубликованы в журналах, учёных записках и газетах. В них оценивается педагогическое и литературное наследие А.С. Макаренко с позиций XXI века, когда преодолены эмоционально-идеологические подходы, обусловленные временем, а его педагогическое учение признано достоянием общечеловеческой культуры. Статьи посвящены в одинаковой мере Макаренко-писателю и Макаренко-педагогу, хотя акцент сделан на Макаренко-педагоге. Педагог и писатель настолько органически слиты в его жизненной судьбе и научно-художественном наследии, что отделить одно от другого фактически невозможно. В своё время А.П. Чехов, врач по профессии, шутя, сказал: «Медицина — моя жена, а литература — любовница». Макаренко так сказать не мог бы, потому что цель и предназначение педагогики и литературы идентичны. Афоризм, приписываемый Сталину, поэтому подзабытый сейчас, «Писатель — инженер человеческих душ» ещё в большей мере применим к профессии педагога. Вместе с тем Макаренко часто задумывался над тем, что важнее в его жизни, — педагогика или литература. В его устных выступлениях и письмах встречается такое высказывание: «Я — педагог, а не писатель». И всё же о профессии писателя он мечтал с детства, очень гордился статусом писателя и громкую славу при жизни завоевал как писатель. Умирая в московской электричке от разрыва сердца, он успел пассажирам выдать из груди слова: «Я — писатель Макаренко».

В советское время Макаренко входил в обиход классиков советской литературы, его творчество было представлено в школьных и вузовских программах, однако объективный анализ его показал, что Макаренко как художник не раскрыл полностью свой талант, что единственным художественно зрелым произведением его является «Педагогическая поэма». Именно в нём воплощены основные гуманистические принципы его педагогической теории и главный из них: «Как можно больше уважения к человеку и как можно больше требований к нему». Широко образованный и глубоко мыслящий педагог-писатель обладал большим творческим потенциалом, выступал в роли публициста, критика, драматурга, однако все его произведения подчинены педагогическим целям. Творческая судьба Макаренко типична для всех выдающихся педагогов: Песталоцци, Коменский, Руссо, Дестервег, Ушинский, Толстой, Сухомлинский и многие другие утверждали свои педагогические идеи с помощью художественной литературы.

Макаренко является признанным педагогом-классиком, потому что он придал новый импульс развитию педагогической мысли, отразившей вызовы и эволюцию общественного сознания в XX-ом веке. Его теория воспитания получила признание во всём мире, а продолжающиеся дискуссии вокруг некоторых его идей свидетельствуют лишь о её жизненности и актуальности.

В сборнике опубликованы две новые статьи, в которых рассматриваются сложные и недостаточно изученные проблемы: национальные особенности педагогики Макаренко и значение деятельности Гётца Хиллига в развитии макаренковедения.

Само собой разумеется, в статьях, опубликованных в годы советской власти, отразился идеологический дух времени, однако осовременивать их авторы сочли нецелесообразным, так как на содержании их он не отразился.

А.С. МАКАРЕНКО — ПИСАТЕЛЬ. ВЗГЛЯД С ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСТАНЦИИ

В последние десятилетия слава А.С. Макаренко-педагога основательно затмила славу Макаренко-писателя. Между тем при жизни на первое место ставились заслуги Макаренко-писателя. В 1938 году он был удостоен правительственной награды «за выдающиеся заслуги в области литературы». И в последний путь его провожала литературная общественность. «Литературная газета» посвятила памяти писателя целую полосу, на которой был опубликован некролог Президиума Союза советских писателей, соболезнования друзей, воспитанников, а также Союза писателей Украины, Белоруссии, Азербайджана, г. Харькова. Откликов на смерть Макаренко как педагога со стороны официальных учреждений Наркомпроса и научно-педагогических учреждений не было. «Учительская газета» перепечатала в номере от 3 апреля 1939 года лишь некролог Президиума Союза писателей. И только съехавшиеся со всех концов страны многочисленные воспитанники Макаренко — летчики, инженеры, студенты вузов, курсанты военных училищ — были живым олицетворением педагогического подвига, который в будущем всколыхнет педагогику не только в СССР, но и далеко за его пределами.

Счастливую писательскую судьбу предсказывали Макаренко многие известные деятели литературы. Широко известна высокая оценка педагогической и литературной деятельности Макаренко, данная Горьким. Менее известен

отклик на «Педагогическую поэму» И. Бехера: «Педагогической поэме» Макаренко, — говорил немецкий писатель, — принадлежит почетное место среди современных произведений. Это — славная, глубоко человеческая победа советской литературы, литературы, которая, кстати говоря, еще не понята нами во всей ее человеческой, общественной, исторической силе» [1, с. 97]. Еще более восторженно отзывался о произведении Макаренко французский писатель Луи Арагон: «Я думаю, — писал он, — ни одна история всеобщей литературы, даже самая пристрастная, даже отмеченная антисоветскими предубеждениями, не сможет отныне обойти молчанием «Педагогическую поэму», не нарушая приличий. Ибо книга эта беспрецедентна; это книга нового типа. И с этим нельзя не считаться. Ничто не в силах остановить ее заражающего влияния, и ничто не может лишить ее будущего» [2, с. 505]. Можно было бы привести ряд других подобных высказываний.

Однако факт остается фактом: интерес к литературному творчеству писателя-педагога в настоящее время в значительной мере ослабел. Программы научных конференций разных уровней не предусматривают даже секций о Макаренко как писателе. Весьма показателен и такой факт: составители собрания сочинений Макаренко в 8 томах каждому тому дали подзаголовок «Педагогические сочинения» и подвели под эту рубрику буквально все, им написанное, даже повести, пьесы, литературно-критические статьи, письма, которые и по содержанию и по жанровым особенностям таковыми не являются. Это свидетельствует о том, что для некоторых российских педагогов проблемы «Макаренко-писатель» фактически не существует. Думается, что подобный чисто научно-педагогический подход к наследию писателя-педагога не только умаляет вклад Макаренко в развитие культуры, но обедняет и представление о нем как о педагоге, так как талант педагога дополнял в нем талант писателя.

Один из самых авторитетных современных макаренковедов, руководитель научно-исследовательской лаборатории

Макаренко-Referat в Марбургском университете Германии Гётц Хиллиг в 1988 году опубликовал статью под названием «Das letzte Jahr» («Последний год») с подзаголовком «Vom Scheitern des Schriftstellers Макаренко» («О крахе писателя Макаренко») [3]. В 1989 году он переиздал её в переводе на русский язык с изменённым подзаголовком: «Или о том, как случилось, что писатель Макаренко не мог остаться писателем». Несмотря на редакционные нюансы, смысл этих подзаголовков один и тот же: Макаренко как писатель умер ещё до своей физической смерти. Хотя в ней речь идет о последнем годе жизни и деятельности Макаренко, но его творческие неудачи рассматриваются не как временные, эпизодические, а как итог его писательской карьеры.

Некоторые российские и украинские литературоведы закрепили творчество писателя-педагога за эпохой тоталитаризма, исключили его из школьных и вузовских программ по русской литературе и таким образом признанное в культурном мире выдающееся произведение «Педагогическую поэму» отлучили от массового читателя.

В связи со всем сказанным представляется актуальным и важным вернуться к проблеме «Макаренко-писатель» и попытаться объективно оценить его наследие с исторической дистанции. Само собой разумеется, мы должны отрешиться от устоявшихся в советское время представлений о Макаренко как о классике литературы, так и от постсоветских обвинений его в идеализации тоталитарного режима. Объективно оценивая его литературно-педагогическое наследие с исторической дистанции, нельзя не признать, что в нём есть и ошибочное, временное и то, что представляет общечеловеческую ценность, вечное.

Литературная деятельность Макаренко продолжалась недолго — немногим более пяти лет. Вместе с тем он испробовал свои силы во многих областях литературного творчества: в документально-очерковом жанре, в романистике, драматургии, критике, публицистике, кинодраматургии. Признавая разностороннюю литературную одаренность Макаренко, следует прямо сказать, что талант его как писа-

теля наиболее ярко проявился в «Педагогической поэме». Не случайно приведенные выше отзывы относятся именно к этому произведению. Другие его произведения — роман «Честь», повесть «Флаги на башнях», пьесы и другие — не оставили заметного следа в литературе.

Общеизвестно, что целью литературы является познание человека, что эстетическая значимость и новаторская сущность творчества писателя определяется открытиями в сфере человеческого бытия. М. Горький неизменно подчеркивал эту сторону литературы: «Книга, — говорил он, — обладает способностью доказывать мне о человеке то, что я не вижу, не знаю о нем» [4]. Эту же мысль афористически сформулировал И. Бехер: «Все новое в литературе начинается с изображения человека» [1, с. 143]. В «Педагогической поэме» исследуется одна из вечных проблем человеческого бытия — человек и общество. Социологи утверждают, что в обществе существуют три разновидности совокупностей людей, оказывающих формирующее воздействие на личность: социальные общности (семья, нация, класс), объединения (партии, общества и др.) и трудовые коллективы. Макаренко как педагог и как писатель первым в мировой литературе раскрыл взаимодействие личности и трудового коллектива, придав этой проблеме подлинно социально-философский смысл. Показывая на специфическом жизненном материале многогранные связи и зависимости между человеком и коллективом, писатель раскрыл новые важные стороны социального детерминизма личности. Это художественное открытие Макаренко-писателя следует отнести к несомненным завоеваниям реализма XX века в изображении человека.

Некоторые авторы у нас и за рубежом высказывают мысль о том, что трактовка проблемы личности и коллектива в педагогической системе и литературном творчестве Макаренко испытала давление сталинизма, что личность у него якобы нивелирована, подавлена, принесена в жертву коллективу. Встречаются обвинения писателя-педагога в конформизме, в подчинении его педагогической системы

требованиям партии и государства. Однако к его литературному и научно-педагогическому творчеству необходимо подходить исторически, а также учитывать эволюцию мировоззрения, которое в 20-е годы, в период написания «Педагогической поэмы», было ещё свободным от политической догматики. В эти годы Макаренко ещё мог свободно мыслить и выстраивать свою теорию воспитания без оглядки на партию. Любопытная деталь: в этом произведении нет ни Ленина, ни Сталина, а вот во «Флагах на башнях» (1938) Ленин упомянут дважды, а Сталин не только трижды упомянут, но зримо присутствует в виде скульптуры в комнате совета командиров и к нему постоянно обращаются в своих помыслах коммунары. У нас есть достаточно оснований утверждать, что концепция человека, которую вынашивал Макаренко-педагог и которую он воплотил в «Педагогической поэме», не соответствовала тому идеалу человека, который создавался официальной властью в период сталинизма. Тоталитарному режиму нужен был человек, оглуленный верой в вождя, обезличенный винтик в бюрократической государственной машине. Идеал Макаренко — личность, осознающая свое место и роль в исторических деяниях народа, способная самостоятельно мыслить и активно бороться, уважающая себя и коллектив.

Одной из главных проблем педагогических поисков Макаренко была проблема гармонии личности и коллектива, стремление создать такие условия, чтобы в коллективе раскрывались лучшие человеческие качества личности, чтобы не допустить насилия коллектива над личностью. Как известно, отношения в коллективе горьковцев характеризуются подлинным демократизмом: выборность органов самоуправления, сменяемость командиров, открытость и гласность при решении всех вопросов и в то же время — дисциплина, без которой невозможна разумная организация любого общества, большого или малого. В «Педагогической поэме» очень обстоятельно раскрывается процесс раскрепощения личности, процесс преодоления того, что разрушало личность несовершеннолетнего правонаруши-

теля. Педагог не допускает во взаимоотношениях колонистов проявлений культа физической силы, унижения человеческого достоинства, кастовой замкнутости, любых форм подавления личности.

Что же привлекало зарубежных читателей и педагогов в наследии советского педагога, которое длительное время считалось идеологически чуждым «западной цивилизации»? Почему педагогические идеи Макаренко, возникшие, казалось бы, на чуждой Западу социально-политической почве, преодолели «железный занавес» и получили признание во всем мире? Это объясняется прежде всего тем, что Макаренко как педагог и как писатель открыл такие стороны бытия личности в социуме, которые имеют общечеловеческое значение. Какие бы преграды не ставились между странами и народами, как бы ни противопоставлялись социальные системы, общественные идеалы и философские концепции — поиски и находки в любой сфере жизни, имеющие общечеловеческое значение, рано или поздно становятся достоянием всего человечества. Подтверждение этого непреложного закона можно наблюдать на многих примерах духовной жизни на протяжении всей истории человечества.

Макаренко ошибочно полагал, что коллектив — феномен социалистического (советского) общества, что открытые им принципы взаимодействия личности и коллектива невозможны в условиях буржуазного общества. В одной из своих публицистических статей он писал: «Попробуйте в любом советском окружении сказать неожиданно: коллектив заводов Круппа. Даже неискушенный в социологии советский гражданин услышит нечто дикое в сопоставлении слов «коллектив» и «Крупп»... Такой организм невозможно представить себе в мешанине буржуазного мира» [6, с. 13]. Учение Макаренко о личности и коллективе потому и было воспринято на Западе, что объективно отражало явления, происходившие в реальной действительности «буржуазного мира». Коллектив оказался всеобщей социальной и педагогической категорией, ранее существовав-

шее довольно размытое понятие «среда» получило конкретное наполнение. Человек как социальное существо и как личность проявляет свою сущность в коллективе в любом обществе. Другое дело, что общественная организация, а точнее — общественный строй, накладывает свой отпечаток на характер взаимоотношений личности и коллектива, придает им специфические особенности.

Идеал человека, который утверждала педагогическая система Макаренко и который получил художественное воплощение в «Педагогической поэме», соответствовал в значительной мере общечеловеческим гуманистическим ценностям. В этом, думается, состоит главная причина огромного интереса в западном мире к педагогическому и литературному наследию советского педагога.

В связи с этим заслуживает особого внимания проблема нового человека, которая настойчиво афишировалась не только в творчестве Макаренко, но и в советской литературе. Некоторые западные педагоги высказывали мысль о том, что никакого нового человека не было и быть не могло, так как революционная действительность не в состоянии изменить природу человека, что так называемый «новый человек» всегда остается самим собой — «старым Адамом». В научной социологии и в педагогике вывод об изменении человека под влиянием социальных обстоятельств является аксиомой. Коренные изменения в обществе всегда выдвигали проблему воспитания «нового человека», и само понятие «новый человек» появилось задолго до 1917 года (достаточно вспомнить Руссо, Чернышевского и др.). Не случайно это понятие приобрело актуальность и в наше время, когда происходит коренная социальная перестройка общества: говорят «новый русский», «новый украинец».

Макаренко не идеализирует своих воспитанников, безжалостно обнажает в их облике «уродливое», но видит в них представителей новой жизни и делает всё, чтобы сделать их нормальными людьми. В одной из глав «Педагогической поэмы», события которой относятся ко времени «завоева-

ния Куряжа», рассказывается о марше колонны горьковцев от железнодорожного вокзала в Харькове в Куряж. Колонна проходит через поселок Подворки, который возник при бывшем монастыре и казался автору олицетворением старого мира. «Вот здесь, на улицах Подворок, — пишет Макаренко, — я вдруг ясно понял великое историческое значение нашего марша, хотя он и выражал только одно из молекулярных явлений нашей эпохи. Представление о колонии имени Горького вдруг освободилось у меня от предметных форм и педагогической окраски... Остались только чистые люди, люди нового опыта и новой человеческой позиции на равнинах земли. И я понял вдруг, что наша колония выполняет сейчас хотя и маленькую, но острополитическую задачу, подлинно социалистическую задачу» [7, с. 365]. Макаренко верил в социализм и считал, что он формирует новую, социалистическую личность, однако это нисколько не умаляет общечеловеческой сущности его идеала. Сейчас с высоты обретенного исторического опыта видно, что в толковании проблемы воспитания нового человека проявлялись лжетеории идеологов партии: говорилось о социалистической личности, о формировании новой общности людей — советский народ и др. «Вера в новую личность человека, — пишет известный философ А. Ципко, — усилившая неприязнь ко всему традиционно-му, а вместе с тем и к национальному, только подталкивала к левацким перегибам и насилию над здравым смыслом, а вместе с тем и над жизнью» [8, с. 47].

Следует сказать, что писатели, понукаемые критикой, немало потрудились над созданием упрощенных, нравственно примитивных «героев времени». Однако в творчестве выдающихся художников слова человек изображался во всей сложности и противоречивости его натуры. Григорий Мелехов из «Тихого Дона» Шолохова является одним из самых ярких свидетельств того, какой сложной была психология простого человека и какой трагедией для него обернулась «правда» социализма. «Педагогическая поэма» давала правдивое представление о сложности человека

времени и вместе с тем была проникнута искренней верой в расцвет его лучших человеческих качеств.

Как известно, значение литературного наследия любого писателя определяется не только новизной и актуальностью идей, но и художественным мастерством. Макаренко в «Педагогической поэме» проявил себя талантливым художником слова, писателем с оригинальным творческим обликом, который позволил ему занять почетное место в истории литературы. Он существенно обновил традиционный для мировой литературы жанр романа воспитания. Своего рода вызовом было даже авторское определение жанра — поэма, которое до сих пор смущает литературоведов своей необычностью. Некоторые исследователи, признавая метафорический смысл названия, пытаются найти приметы жанра поэмы в структуре книги, однако большинство исследователей видят в «Педагогической поэме» оригинальную романную форму, в которой смешались признаки автобиографической повести, очерка, памфлета и некоторых других жанров. Особенно сильно проявилось в произведении публицистическое начало, давшее основание некоторым литературоведам отнести его к публицистическому роману. Публицистический пафос проявился в непосредственном «присутствии» в повествовании самого автора, который горячо отстаивает свои педагогические идеи и ведет непримиримую борьбу с консерваторами в науке и чиновниками в учреждениях наркомпроса. Этой же цели служит и установка на документальную точность: автор делает все, чтобы убедить читателя в достоверности изображенных событий и в правильности своей педагогической системы. Горький в своё время обратил внимание на такие две особенности творческой манеры Макаренко, как искусство портретирования и юмор. В трудах исследователей России и Украины довольно обстоятельно раскрыты и другие грани мастерства Макаренко-художника.

«Педагогическая поэма» по-прежнему остаётся одним из самых читаемых произведений в мире. По свидетельству

российского макаренковеда А.А. Фролова, она издана во всех странах Европы и на 17 языках Азии [10, с. 24]. В связи с «вечной» социальной проблемой воспитания человека и отношения его со средой (коллективом) она никогда не перестанет быть актуальной.

В советское время в один ряд с «Педагогической поэмой» ставили повесть «Флаги на башнях», которую ещё современная критика резко осудила за фальшивую идеализацию жизни. Особенно острой и во многом справедливой была статья критика Ф. Левина «Четвёртая повесть А. Макаренко», которая вызвала болезненную реакцию Макаренко. Как известно, повесть написана на документальном материале: в ней изображена жизнь Трудовой коммуны имени Ф. Дзержинского, которой Макаренко руководил много лет. Причиной творческой неудачи писателя было то, что философскую основу повести составил пропагандистский постулат Коммунистической партии о построенном в СССР социалистическом обществе и о рождении нового советского человека. Идеино-художественная концепция произведения — счастливый детский коллектив в счастливом социалистическом обществе — обусловила грубую идеализацию действительности, противоречащую законам реализма. Заслуживает внимания то, как опровергал Макаренко упрёк критика Ф. Левина в идеализации: «Все это страшно возмущает, Вы не допускаете мысль, что такая рассказанное мною — сказка...

Приходится мне раскрыть карты с опасностью на всю жизнь остаться «фактографом». «Флаги на башнях» — это не сказка и не мечта, это наша действительность. В повести я описал коммуну им. Дзержинского, которой руководил 8 лет. В повести нет ни одной выдуманной ситуации, очень мало сведенных образов, нет ни одного пятна искусственно созданного колорита» [9, с. 205]. Как известно, еще со времен Аристотеля считается, что литература в отличие от истории отражает не то, что было, а то, что могло бы быть, то есть обобщает явления действительности. Правда факта и правда искусства — разные вещи, по-

этому ссылка Макаренко на достоверность, документальную точность изображения лишена научных оснований. О чем бы писатель ни писал, изображенные им характеры и обстоятельства рассматриваются в широком социально-историческом измерении, в свете общечеловеческих нравственных законов. Ситуация с повестью «Флаги на башнях» напоминает историю со вторым томом «Мертвых душ» Гоголя. Писатель верил в возможность перевоспитания крепостников, видел в реальной жизни отдельных просвещенных помещиков, которые облегчали участь крепостных, заменяя барщину оброком, и попытался нарисовать положительный образ помещика. Однако из его попыток ничего не вышло: созданный им образ помещика Костанжогло оказался нетипичным, искусственным. Не случайно великий писатель-реалист, почувствовав фальшь, сжёг второй том. Макаренко, задавшийся целью показать образцовый, идеальный, счастливый коллектив как типичное явление «эпохи победившего социализма», изначально обрекал себя на неудачу. В связи с этим он и вызвал на себя шквал критики. Повесть «Флаги на башнях» и полемика вокруг неё обстоятельно проанализированы в современной научной литературе и впервые объективно оценена негативная критика её, которая советскими литературоведами рассматривалась как тенденциозная и злопыхательская [11].

Повесть «Флаги на башнях» представляет интерес для педагогов и для читателей, потому что в ней рассказано о жизни знаменитой на весь мир детской трудовой коммуны, показаны «в натуре» принципы воспитания, которые дали выдающиеся результаты. Однако коммуна имени Дзержинского была уникальным воспитательным учреждением при особом военном ведомстве — НКВД, поэтому порядки, существовавшие в ней, не были типичными, а педагогическая система в определенном смысле эксклюзивной. Макаренко-писатель вошёл в историю литературы как автор одного талантливого произведения — «Педагогической поэмы», ставшей достоянием мировой культуры,

потому что в ней воплощены гуманистические идеи, отразившие развитие педагогической мысли в XX-ом веке, раскрыты закономерности отношений человека и общества на уровне коллектива, указаны пути совершенствования жизни людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехер И. Любовь моя поэзия. // О литературе и искусстве. — М., 1965. — 276 с.
2. Арагон Луи. Молодые люди. // Собр. соч. в 11 т. — т. 10. — М., 1961. — С. 407—510.
3. Хиллиг Г. Последний год. О поражении Макаренко-писателя (на нем. яз.) // Hundert Jahre Anton Makarenko. — Bremen, 1988. — 301 S.
4. Горький М. О том, как я учился писать. // Собр. соч. в 30 т. — т. 24. — С. 466—499.
5. Бехер И. — Указ. соч. — С. 143.
6. Макаренко А.С. О личности и обществе. // Педагогические сочинения в 8 томах — т. 7. — М., 1986. — С. 11—15.
7. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. // Педагогические сочинения в 8 томах. — т. 3. — М., 1984. — С. 7—450.
8. Ципко А. Истоки сталинизма. // «Наука и жизнь». — 1988. — № 12. — С. 44—50.
9. Макаренко А.С. Максим Горький в моей жизни. // Педагогические соч. в 8 т. — т. 4. — М., 1984. — С. 8—18.
10. Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире. 1939—2005 гг. — Нижний Новгород, 2006. — 416 с.
11. Гетманец М.Ф., Гетманец И.Я. «Я — писатель Макаренко». — Харьков: Майдан, 2011. — 232 с.

*Русский язык и литература
в учебных заведениях Украины. — № 3, 2008.*

ГЁТЦ ХИЛЛИГ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МАКАРЕНКО

Гётц Хиллиг (1938) — выдающийся немецкий учёный-педагог, посвятивший фактически всю свою жизнь изучению и пропаганде научно-педагогического наследия А.С. Макаренко, руководитель всемирно известной лаборатории Макаренко-реферат в Марбургском университете ФРГ. Живя далеко от родины великого педагога, он сделал так много по собиранию документального материала, по переоценке личности Макаренко и его педагогического учения, что открыл новый этап в макаренковедении. Он является автором более 300 статей о жизни и деятельности Макаренко, составителем 25 книг публикаций материалов *Opuscula Makarenkiana*, издателем 8 томов двуязычного собрания сочинений педагога в 20 томах, инициатором международного сотрудничества макаренковедов. Как учёный и человек он проявил невиданное трудолюбие, целеустремлённость и научную добросовестность в собирании и изучении документального материала, в постижении сложной обстановки, складывавшейся в разное время вокруг Макаренко на его родине и за границей. Независимость от цензурных ограничений и идеологического прессинга позволяла ему открыто полемизировать с догмами советского макаренковедения и «открывать» подлинного Макаренко. Эти качества вызвали доверие к нему многих учёных бывшего СССР и со временем сложилось творческое сотрудничество с ними, оказавшееся очень плодотворным.

Роли Г. Хиллига как макаренковеда касались многие исследователи (В. Малинин, А. Фролов, В. Кумарин, И. Зязюн, С. Невская, М. Гетманец, Л. Цыбулько и др.), однако это были либо общие оценки его деятельности, либо конкретные отзывы о его отдельных трудах. На очереди дня стоит задача всесторонней и объективной оценки поистине беспрецедентного вклада немецкого учёного в изучение научно-педагогического наследия Макаренко. В настоящей статье мы коснёмся малоизвестных фактов творческого общения Г. Хиллига с украинскими макаренковедами и некоторых недостаточно освещённых аспектов его исследований.

Первые контакты Г. Хиллига были установлены с заведующим кафедрой педагогики Львовского университета Ф.И. Науменко, который в 1960—80-ые годы возглавлял наиболее авторитетный центр по изучению наследия Макаренко, периодически издававший труды макаренковедов СССР под названием «А.С. Макаренко». По его рекомендации были установлены контакты в Харькове с М.Ф. Гетманцем, Н.Н. Оксой, Л.Д. Поповой, Б.Н. Наумовым, а также с полтавскими исследователями.

Следует отметить, что в советское время общение с зарубежными гражданами властями не поощрялось и строго контролировалось соответствующими органами. Когда при первой встрече в харьковской гостинице «Интурист» Г. Хиллиг попросил показать макаренковские места в городе, мы были озадачены тем, что не имели разрешения на это. О Куряжской колонии и речи быть не могло, поэтому решено было показать место расположения Коммуны имени Дзержинского и дом, в котором жил Макаренко, который находится вне территории Коммуны. Однако мы не учли того, что здесь был оборонный завод, режимное предприятие, поэтому после отъезда гостя по требованию органов госбезопасности пришлось писать отчёт о том, зачем возили иностранца к заводу, чем он интересовался и о чём мы с ним говорили.

Н. Окса передал Г. Хиллигу для публикации копии некоторых архивных материалов, совершенно законно по-

лученных и не содержащих никаких секретов, однако на границе они были изъяты, и он в Харькове имел серьёзные неприятности.

Отношение учёных-педагогов к деятельности Г. Хиллига на территории бывшего СССР с самого начала не было однозначным. В советское время многие относились к нему с подозрением, видя в нём тенденциозного буржуазного интерпретатора педагогической теории Макаренко. Отзывы о его публикациях имели хлёсткие названия: «Фальсификаторы», «Воспоминания недобитого белогвардейца» и т. п. Те же, кто относился к нему с доверием, испытывали на себе слежку органов и вели себя осторожно и сдержанно. Коренные изменения произошли в первой половине 90-х годов XX века, когда произошел распад Советского Союза, наука освободилась от политики, и установилось открытое сотрудничество отечественных исследователей с возглавляемой им лабораторией «Макаренко-реферат».

Лаборатория была открыта в 1968 году при Научно-исследовательском центре сравнительной педагогики в Марбургском университете (ФРГ) по образцу лаборатории «Коменски-реферат», существовавшей в Праге. Основателем её был Леонгард Фрёзе (1924—1994), немец из семьи поселенцев Запорожской области Украины, переехавшей в Германию в соответствии с советско-германским договором 1939 года. Он окончил среднюю школу в Запорожье, был наслышан о беспризорных, о детских колониях, о нелёгком труде педагогов (вне всякого сомнения, и о Макаренко). В начале войны Германии против Советского союза был призван в Вермахт, получил тяжёлое ранение на Восточном фронте (ампутирована левая нога) и после демобилизации продолжил учёбу в университете, решив посвятить себя профессии педагога. Изучал право, философию и педагогику в университетах Бреслау (Вроцлав), Геттингена и Базеля. Как учёный-педагог он проявил особый интерес к педагогической теории Макаренко, что было обусловлено, как полагают немецкие авторы, близостью её концепциям трудового воспитания известных немецких

педагогов Георга Кершенштайна (1851—1932) и Вильгельма Лайа (1862—1928). Мы же полагаем, что этот интерес был обусловлен также воспоминаниями детства и реальной действительностью Германии военных и послевоенных лет, появлением множества детей-сирот и беспризорных. В совершенстве владея русским языком, Л. Фрёзе глубоко освоил труды Макаренко и пришёл к убеждению, что его педагогика «принадлежит не только России, но всему миру». Идеями Макаренко он заинтересовал группу молодых ученых, среди которых были Г. Хиллиг, З. Вайтц, И. Виль, составившие ядро лаборатории. Руководителем её стал Г. Хиллиг, который ещё в 1965 году после окончания Франкфуртского университета был приглашён Л. Фрёзе в Марбург для работы в Научном центре сравнительной педагогики. Под руководством Г. Хиллига лаборатория развернула широкомасштабные исследования и стала признанным мировым центром изучения наследия Макаренко, поднявшим макаренковедение на качественно новый уровень. Деятельность лаборатории имела три направления: разработка научной биографии Макаренко, подготовка научного издания его трудов, исследование восприятия педагогических идей Макаренко в Советском Союзе и на Западе.

Прежде всего Г. Хиллигу удалось обогатить биографию Макаренко многими новыми фактами и оживить его основательно обезличенный облик. Настоящей сенсацией явился тот факт, что сотрудники лаборатории разыскали брата Макаренко — Виталия Семёновича Макаренко (1895—1883), бывшего белого офицера армии Деникина, жившего во Франции, провели с ним ряд встреч и убедили написать воспоминания. По справедливому замечанию Г. Хиллига, впервые было получено «свидетельство из самого близкого семейного окружения Макаренко, это материалы, которыми исследователи раньше не располагали». Его воспоминания «Мой брат Антон Семёнович» — уникальный документ, в котором широко освещены не только жизнь и деятельность брата до революции, но и эпоха, в которой

он жил. Не будет преувеличением сказать, что если бы деятельность лаборатории ограничилась только публикацией этих воспоминаний, её заслуга перед наукой всё равно была бы неоценимой.

Автор воспоминаний — широко образованный интеллигент, хорошо осведомлённый в вопросах истории, философии, социологии, а также литературы и искусства. Он обладал хорошей памятью, искусством глубокого осмысления явлений жизни и талантом рассказчика, поэтому его живое и искреннее повествование вызвало большой интерес. Более того, духовный мир брата воспринимался как зеркальное отражение духовного облика Антона Семёновича, поэтому проливал дополнительный свет на него как на личность.

Впервые читатель смог отчётливо представить семейную атмосферу, детство и юность Антона Семёновича, его внутренний мир, процесс становления его мировоззрения. При всей любви к брату, признании его заслуг и таланта Виталий Семенович не скрывает его некоторых отрицательных черт и сомнительных поступков. Это дало повод некоторым советским макаренковедом выступить с резкой критикой этих воспоминаний, однако прошло время и отношение к ним изменилось.

Воспоминания брата обострили интерес к биографии Антона Семеновича, и к столетию со дня его рождения по инициативе Г. Хиллига был издан на немецком языке объёмистый коллективный труд макаренковедов Германии, России, Украины, Чехословакии, Венгрии, Польши «Hundert Jahre Anton Makarenko. Neue Studien zur Biographie» (1988), в котором впервые освещались некоторые неизвестные факты личной жизни и педагогической деятельности Макаренко. К числу их можно отнести анализ взаимоотношений братьев Макаренко (Г. Хиллиг), обучение Макаренко в Институте организаторов народного просвещения (Н. Окса), Макаренко и социализм (Ф. Патаки), женщины в жизни Макаренко (Л. Пэха, К. Ширяева), проблема национальной идентификации Макаренко (Г. Хиллиг).

В начале 1990-ых годов поисковая работа Хиллига стала особенно активной, так как в это время были открыты все советские архивы и сняты ограничения доступа к ним иностранных граждан. Когда в условиях наступившего экономического кризиса деятельность советских макаренковедов фактически прекратилась, Г. Хиллиг часто посещал Москву, Киев, Харьков, Полтаву и свободно собирал архивные материалы. Вторым по значимости его открытием после воспоминаний брата явился семейный архив Макаренко, хранившийся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (теперь — РГАЛИ) в Москве. Согласно завещанию вдовы Макаренко Галины Стахивевны, умершей в 1962 году, семейный архив разрешалось открыть только через 30 лет — в 1993 году. Г. Хиллиг ввёл в научный обиход множество новых документов, которые не только расширили, но во многом изменили наши представления о Макаренко. Особую ценность представляют дневниковые записи, переписка с многочисленными корреспондентами, рукописи статей и художественных произведений. Совместно со Светланой Невской Г. Хиллиг издал два тома переписки Макаренко с женой под названием «Ты научила меня плакать», два тома материалов «Неизвестный Макаренко» и др.

О том, какую сложную и кропотливую исследовательскую работу выполнял Г. Хиллиг, свидетельствует его труд «Друзья и враги Макаренко» («Verblaste Gesichter, vergessene Menschen... 28 Portrats von «Freunden» und «Feinden» A.S. Makarenko», 1999), в котором в результате напряжённых разысканий восстановлены биографии 28 прототипов персонажей «Педагогической поэмы». Как известно, в записной книжке Макаренко сохранилась запись, относящаяся к замыслу «Педагогической поэмы», в которой названы действительные исторические лица, разделенные на друзей и врагов. Можно только удивляться энергии и целеустремленности иностранного ученого, разыскавшего следы давно ушедших из жизни людей, проследившего их жизненный путь вплоть до самой смерти. Кроме того, ему удалось обнаружить в личных делах МВД, семейных

архивах, периодической печати их фотографии и напечатать в книге 47 фотопортретов.

К данному труду примыкает специальное исследование жизненных судеб трёх наиболее известных украинских ученых-педагогов И.А. Соколянского, А.С. Залужного и А.И. Попова, которые, по словам Макаренко, относились к педагогическому олимпу и с которыми он открыто или скрыто полемизировал в «Педагогической поэме».

Особая тема разысканий Г. Хиллига — работа Макаренко в аппарате НКВД Украины. Им изданы многие документы НКВД, считавшиеся совершенно секретными, которые освещают не только деятельность Макаренко в этом ведомстве, но и царившую в нём атмосферу. В 2000-м году он совместно с Александром Абариновым издал книгу «Испытание властью», посвященную киевскому периоду жизни Макаренко (1935—1937). Ценность книги состоит в том, что сравнительно небольшой отрезок жизненного пути педагога-писателя освещается не только по архивным источникам НКВД, но также на основе писем, дневниковых записей, воспоминаний друзей, что позволило авторам раскрыть внутренний мир, душевное состояние Макаренко, ставшего чиновником наркомата. В связи с этим хотелось бы только усомниться в адекватности материалу названия книги — «Испытание властью». Никакой властью Макаренко не располагал, он был заместителем начальника Отдела трудовых колоний, рядовым чиновником, преимущественно сочинителем служебных бумаг, чем очень тяготился. Сами же авторы книги приводят красноречивые признания Макаренко в униженности своего положения: «Я сделался бюрократом, и с каждым часом проникаюсь все большей и большей ненавистью к этой специальности. Физически я ничего не делаю, но бумаги извожу очень много. Ненавижу бумагу, машинисток, почту», — писал он своему другу К.С. Кононенко 20 августа 1935 года. Кроме служебной, семейно-бытовой и прочей информации, в книге приведены некоторые свежие факты о его литературной деятельности, в частности, о завершении третьей части «Педагогической

поэмы», о переводе ее на украинский язык. Важный интерес представляют сведения о том, что Макаренко после смерти Горького в 1936 году оформился в члены Союза Советских писателей Украины и принимал активное участие в его работе (членом Союза Советских писателей СССР он стал по инициативе Горького еще в мае 1934 года). Подобно Николаю Островскому и другим писателям он состоял в секции русскоязычных писателей Украины.

Трудно переоценить и другие работы Г. Хиллига: «Самоутверждение или конформизм? К вопросу идейно-политического становления А.С. Макаренко», «Макаренко в год «большого террора», «Легенды смутного времени (1938—1941)», «Страдания «украинизированного» завкола» и другие.

Несомненной заслугой Г. Хиллига было также то, что он деятельность Макаренко рассматривал в конкретных социально-исторических условиях Украины и фактически впервые в широком аспекте поставил проблему «Макаренко и Украина». В результате многолетней работы в архивах, внимательного изучения украинской периодики 1920—30-х годов, общения с исследователями бывшего Советского Союза немецкий ученый настолько глубоко вошел в реалии жизни советской Украины тех лет, что это позволило ему, как никому ранее, воссоздать деятельность Макаренко в живом контексте украинской действительности

Г. Хиллиг впервые собрал статьи о педагогической деятельности Макаренко в колонии имени Горького и коммуны имени Дзержинского из газет, тематических сборников, журналов Харькова, Киева, Полтавы и опубликовал ксерокопии их в книге «Ukrainica» (1982). Изданию предпослано посвящение львовскому учёному, одному из самых активных исследователей Макаренко в советское время: «Фёдорову Науменко — Нестору советского макаренковедения». Впервые читатель смог в полной мере представить, как отражалась деятельность Макаренко в зеркале современной ему прессы, узнать некоторые, давно забытые факты. Так, в книге перепечатаны работы профессора Полтавско-

го педагогического института Григория Ващенко, которого некоторые украинские педагоги пытаются представить антиподом Макаренко, хотя роль их в теории и практике воспитания неизмерима. В 20—30 годы профессор высоко ценил Макаренко и его педагогическую систему, а переехав в годы Второй мировой войны на Запад, стал одним из самых яростных его критиков.

В исследованиях Г. Хиллига органически соединены биографические факты и анализ ситуации в стране, документальные материалы и их интерпретация. Главная их ценность состоит в публикации неизвестных ранее архивных источников, в создании документальной базы для разработки научной биографии Макаренко. Следует отдать должное автору: стремясь к максимальной объективности, он в сложных, не вполне понятных ему вопросах обращался к помощи русских и украинских исследователей, поэтому нередко работы публикуются в соавторстве. Не последнюю роль играли и чисто человеческие качества немецкого учёного: коммуникабельность, уважительное отношение к коллегам, стремление увлечь их поисковой работой. Это в полной мере относится и к учёным европейских стран, которых Г. Хиллиг активно привлекал к сотрудничеству. По его инициативе была создана Международная макаренковская ассоциация, которую он по праву возглавлял много лет и которая успешно функционирует в XXI-ом веке, пропагандируя и развивая идеи Макаренко, утверждая в мире их общечеловеческую значимость.

Деятельность Г. Хиллига как макаренковеда — это поистине научный подвиг, а его труды — величественный памятник Антону Семёновичу Макаренко, в котором он предстаёт великим учёным и живым человеком.

ПЕДАГОГИКА А.С. МАКАРЕНКО: ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ

Педагогика, как и всякая наука, имеет общечеловеческое значение, так как в ней обобщены всеобщие законы воспитания, открытые человечеством в процессе познания мира. Вместе с тем она, как никакая другая наука, несет в себе и нечто индивидуальное, отражающее исторический опыт конкретного этноса или нации, обычаи, традиции, менталитет народа. Вот почему в трудах классиков педагогической мысли мы отчетливо видим сочетание общечеловеческих идей, обусловленных гуманистическим сознанием трудового народа и закрепленных в древнейших памятниках, — Библии, Коране, Торе и других, и идей более узкого, конкретно-национального характера. Характерный пример — воспитание молодого поколения в Спарте. Есть существенные различия в системах воспитания у разных народов и в новое время. К сожалению, проблеме особенностей национального воспитания педагогическая наука не уделяла должного внимания, а применительно к педагогической теории Макаренко она вообще не ставилась.

В советское время цель воспитания официальной педагогикой определялась в абстрактной и политизированной форме. Достаточно вспомнить пресловутый «Моральный кодекс строителей коммунизма», состоящий из 12 пунктов, в котором смешаны постулаты марксизма и заповеди Библии. Первый пункт — «Преданность делу коммунизма,

социалистической родине и странам социализма». Цель воспитания — гармонически развитая личность, сочетающая духовное и физическое совершенство. Вожди партии объявили, что в СССР победил социализм, сформировался новый человек, а на смену нациям пришла некая новая социалистическая общность людей, в которой нивелированы национальные различия. Советская педагогика «творчески» развивала эти идеи, хотя абсурдность их стала совершенно очевидной после распада Советского союза. Безусловно, эти идеологические догмы не могли не найти отражения в педагогических сочинениях Макаренко, однако, по нашему убеждению, в чисто риторической форме, не извратив сути его педагогического учения. В его педагогике речь идет о воспитании людей с ориентацией на общечеловеческие нравственные ценности с учетом конкретных исторических условий Советского государства и национальных особенностей народа. В чем же состоят эти национальные акценты педагогической теории Макаренко? Как они проявляются у других классиков педагогики?

Как известно, Комиссия ЮНЕСКО 1988 год в честь 100-летия со дня рождения Макаренко объявила годом Макаренко и назвала его имя в числе четырех педагогов, «определивших способ педагогического мышления в XX веке: Джон Дьюи, Георг Кершенштайнер, Мария Монтессори и Антон Макаренко». В XIX веке в социологии и философии утвердилась мысль о том, что человек — продукт природы и общества, а в педагогике соответственно обозначились два направления: одно отдавало предпочтение природе, наследственности, другое — обществу, социальным обстоятельствам. В XX веке особенно усилился интерес к проблеме «Человек и общество», именно в этом направлении шли поиски педагогической мысли. В трудах названных педагогов человек рассматривается как субъект определенной социальной структуры в конкретном национальном социуме.

Американский философ и педагог Джон Дьюи (1859—1952) считал, что цель воспитания — формирование лич-

ности, способной реализовать себя в обществе свободного предпринимательства. Выступая за практическую направленность воспитания, он утверждал: «Истинно то, что полезно». Обучение детей, по его мнению, должно сводиться к игровой и трудовой деятельности с заботой о здоровье, отдыхе и карьере будущего семьянина и члена общества. В своих трудах «Мое педагогическое кредо», «Введение в философию воспитания», «Школа и общество» и др. он рассматривает школу как воспитывающую и обучающую среду, в которой воплощены духовные и социальные основы общества. Школа должна быть, считает он, обществом в миниатюре. Большое значение Дьюи придавал роли семьи, вовлечению в воспитательный процесс родителей. Он был организатором «Ассоциации родителей и учителей», идеи которой нашли поддержку во многих странах.

Педагогические идеи Дьюи показались привлекательными деятелям советского просвещения Н. Крупской и А. Луначарскому, которые решали задачу создания новой советской школы. В 1928 году он был приглашен в СССР для консультаций и оказания помощи наркомпросу. Однако в 1930-е годы его педагогическая теория была отвергнута как буржуазно-прагматическая, а труды и даже имя запрещены. Причина изменения отношения к нему была чисто политическая: участие ученого в международной комиссии по защите Л. Троцкого. И все-таки некоторые его идеи вошли в теорию и практику советской школы, несмотря на то, что в них отражены не только общие, но и чисто американские идеалы воспитания: практицизм, деловитость, культ семьи.

Выдающийся немецкий педагог Георг Кершенштайнер (1854—1932) известен как теоретик школы нового типа — трудовой. В своей книге «Трудовая школа» он обосновывает идею гражданского воспитания, считая, что задача школы заключается «в основном не в расширении умственного кругозора, а скорее в последовательной подготовке к прилежному, добросовестному, основательному, тщательному выполнению работы, в постоянном приучении

к безусловному повиновению и верному исполнению долга и неуклонному следованию за авторитетом при выполнении своих служебных обязанностей». Мы специально привели такую длинную цитату, чтобы показать, как глубоко вошли его идеи в сознание немецкого народа и оказали влияние на формирование национального характера. Его педагогика отражает, несомненно, общечеловеческие идеалы, однако она несет в себе и национальные особенности воспитания, сложившиеся вековые традиции.

Национальные особенности отчетливо видны также в педагогике выдающегося итальянского педагога Марии Монтессори (1870—1952), теория воспитания которой в свое время получила признание во многих странах мира. Она создавала школы по своей системе воспитания в Италии, США, Франции, Великобритании, Дании, Нидерландах, Индии и других странах. Подвергая резкой критике современную ей школу за догматизм и муштру, игнорирование индивидуальных особенностей личности, она отстаивала принцип свободного воспитания. Хотя ее теория недооценивала роль общества в воспитании детей, однако усиленный интерес к проблеме свободного самовыявления личности, гуманистическая направленность воспитания имели важное практическое значение.

Как уже было отмечено, национальные особенности педагогической теории Макаренко фактически не исследовались. Советские педагоги да и сам Макаренко оперировали понятием «советский человек», лишенным национальных примет, тем не менее его педагогика не могла не отразить национальные задачи воспитания. Его взгляды на цель воспитания в наиболее сконцентрированном виде изложены в выступлении на встрече со студентами и преподавателями Харьковского педагогического института 9 марта 1939 года (за 20 дней до смерти). Перечисляя актуальные проблемы воспитания, Макаренко спрашивает: «А решен ли вопрос о целях и задачах воспитания? Этот вопрос тоже требует уточнения. Мы говорим, что мальчик должен быть прилежным, развитым, аккуратным, дисциплинированным,

смелым, честным, волевым и еще много хороших слов» [VII, с. 348]. Из этого ряда он особо выделяет честность, считая, что она должна быть не такой, как у человека буржуазного общества. Несмотря на традиционную для того времени риторику о превосходстве советского воспитания, разговор о честности был, очевидно, не случайным. Он видел проявление порока бесчестности, неуважения к чужой собственности не только в среде воспитанников, но и среди простого народа. С болью в сердце и горьким юмором он рассказывает в «Педагогической поэме» о том, как крестьяне растащили ферму братьев Трепке.

В распоряжение колонии имени Горького власти передали когда-то образцовую помещичью усадьбу братьев Трепке под Полтавой. Когда Макаренко и завхоз Калина Иванович прибыли сюда, то увидели страшную картину разрухи. «Мощный хозяйственный организм, — пишет Макаренко, — не умер от дряхлости и болезней: он был насильственно прикончен в полном расцвете сил и здоровья». А простой человек Калина Иванович эту мысль выразил по-своему: «Дикари, ты понимаешь, мерзавцы, адиоты! Тут вам такое добро — палаты, конюшни! Живи ж, сукин сын, хозяйствуй, кофий пей, а ты, мерзавец, такую вот раму сокирою бьешь. А почему? Потому что тебе нужно галушки сварить, так нет того — нарубить дров... Что б ты подавился тою галушкой, дурак, адиот! И сдохнешь таким, понимаешь, никакая революция не поможет».

И в повести «Флаги на башнях», где, согласно концепции Макаренко, жизнь протекает по принципам социализма, происходят постоянные кражи: из раздевалки исчезли два пальто, украли серебряные часы заведующего колонией, на заводе пропадает машинное масло, воруют инструменты. Очень показательно, что для «буржуазных» педагогов Д. Дьюи и Г. Кершенштайнера этой проблемы не существует. В России и в Украине проблема воспитания честности была и остается очень актуальной. Пренебрежение к чужой собственности в силу определенных социальных условий жизни настолько укоренилось в сознании людей,

что библейская заповедь «не укради» фактически подвергнута забвению. Во время революции 1917 года жгли помещичьи усадьбы, разрушали хозяйственные постройки из ненависти к эксплуататорам — классовым врагам. Но после распада СССР разрушали и расхищали то, что создавалось десятилетиями их же тяжелым трудом. Разрушены не только колхозы, но и многие заводы, детские сады и даже санатории. Вот характерный факт, описанный в харьковской газете «Время». Вблизи Харькова был известный кардиологический санаторий «Рай-Еленовка». Возникли трудности с его финансированием, и пока решалась эта проблема, жители ближайших мест растянули все, что только можно: двери, оконные рамы, телевизоры, холодильники, кровати и даже сантехнику. Откуда у людей такое варварское отношение не то что к общественному добру, но к вещам, созданным человеческими руками для всеобщего блага? Подобные разрушительные инстинкты нельзя было оправдать даже во время революции.

В наше время бесчестность проявляется в банальном воровстве, в коррупции, разрушающей Украину изнутри, ее экономику, мораль, культуру. Эту болезнь талантливый и мудрый писатель-юморист Михаил Жванецкий охарактеризовал словами: «Что охраняю, то и имею». Вот самые свежие примеры. В образцовом педагогическом вузе создана галерея «Гордость университета» и возле нее стоит охрана, потому что экспонаты крадут. Это происходит в нижних ярусах государственной пирамиды, а вот что делается наверху. Киевская газета «Факты» сообщила, что в здании Совета министров Украины картины известного украинского художника Николая Глущенко, предоставленные музеем для украшения интерьера, заменены копиями. Ясно, что это сделали не сантехник, не уборщица и не охранник, потому что вынести их незаметно невозможно, а заказать копии художнику-профессионалу им явно не по зарплате. Второй человек в государстве — премьер-министр, обокрав страну, бежал за границу. Чужая страна — США осудила его за мошенничество, а Украина даже не возбудила уголовного дела.

Ректор Украинского университета государственной налоговой службы пойман на взятках, задержан охранительными органами и почему-то смог бежать в США. В средствах массовой информации ежедневно приводится множество примеров хищений, и это вызывает серьезную тревогу за судьбу Отечества. Сейчас часто спрашивают: «Вы верите в то, что красота спасет мир?» Эти слова, приписываемые Достоевскому, стали просто красивой фразой. Украину может спасти не красота и даже не образование, а мудрая и твердая власть, которая способна установить диктатуру Закона, а честность возвести в элементарную норму жизни.

После честности Макаренко называет такие черты, как деловитость, точность, способность ориентировки в сложной обстановке («очень быстро, точно, очень спокойно, уверенно, без крика, без истерики, без паники, без визга»). Здесь он перекликается с идеями Дьюи и Кершенштайнера, однако эти педагогические принципы трактует с национальным акцентом. Бездумное и безоговорочное подчинение авторитету, которое культивирует Кершенштайнер, ему неприемлемо. Он противопоставляет этому принципу «умение командовать и умение подчиняться». Хотя Макаренко жил в условиях авторитарного режима, подавлявшего личность, этот принцип отражал демократический дух народной жизни и свободолюбивый характер народа.

В педагогических воззрениях Макаренко отмечена еще одна черта, имеющая национальную подоснову, — чувство единения людей, «уважение к каждому трудящемуся, уважение к своему маленькому коллективу и к коллективу всего советского общества, уважения к трудящимся всех стран». Если отбросить идеологические штампы, то ее можно определить как чувство коллективизма. Нет сомнения в том, что, развивая идею коллектива, Макаренко основывался и на опыте национальной жизни, в которой во все времена играла огромную роль община, а в эпоху Запорожской сечи — братство.

Задолго до Макаренко педагогика доказала влияние среды (обстоятельств) на формирование характера челове-

ка, однако среда оставалась понятием абстрактным и размытым. К пониманию среды как конкретной структуры педагогическая мысль подошла в XX веке. Для Дьюи — это «воспитывающая и обучающая среда», для Кершенштайнера — это особое сообщество: «Учитель образует вместе со своими учениками самое интимное сообщество, основанное на взаимном доверии и понимании». Макаренко назвал это сообщество «коллективом» и придал ему не только педагогическое, но и социальное значение. Идея коллектива является основой его педагогической теории и не случайно она стала в центре внимания исследователей его наследия.

Педагогика Макаренко, воплотившая общечеловеческие гуманистические идеи, отразила также национальные особенности воспитания и поставила перед воспитательной системой Украины и России конкретные задачи, решение которых остается актуальным и в наши дни. Эта проблема требует серьёзного научного обсуждения и дальнейшего углублённого исследования.

ДУХОВНЫЙ МИР А.С. МАКАРЕНКО

С высоты XXI века стало очевидным, что научно-педагогическое наследие Антона Семёновича Макаренко стало достоянием общечеловеческой культуры, а его имя заняло почётное место в ряду наиболее выдающихся педагогов мира. Автор большого историографического труда «А.С. Макаренко в СССР, России и мире. 1939—2005» А.А. Фролов приводит факты, свидетельствующие о том, что его педагогическое учение получило признание педагогов различной идеологической ориентации во всех странах мира [4]. Примечательно, что мировым центром макаренковедения стала не Украина и не Россия, где жил и работал Макаренко, а Германия — Марбургский университет, в котором ещё в 1968 году была создана лаборатория Makarenko-Referat по изучению и пропаганде наследия педагога-писателя. При составлении «Библиотеки педагогов-классиков» немецкие учёные поставили Макаренко в один ряд с Платоном, Я.А. Коменским, Д. Локком, Ж.Ж. Руссо, И.Ф. Гербертом, И.В. Гёте, Ф.Д. Шлейермахером, Т. Литтом [4, с. 23].

Продолжающиеся дискуссии вокруг педагогической теории Макаренко свидетельствуют о том, что она оказалась новаторской и затронула основные принципы воспитания человека, утвердившиеся в мировой практике. Однако есть ещё педагоги, которые пытаются представить Макаренко практиком, добившимся успехов только в узкой сфере

перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Цель данной статьи — раскрыть духовный мир выдающегося педагога и показать, что его педагогическая система возникла на прочном фундаменте общечеловеческой культуры и была востребована новым этапом духовного развития человечества в XX-ом веке.

Несмотря на то, что в открывшихся в последние десятилетия источниках содержится много фактов, характеризующих интеллектуальный облик Макаренко, уровень его образованности и культуры, этот материал до сих пор остается не систематизированным и не обобщенным. Между тем достаточно было бы привести список имен философов, историков, педагогов, писателей, драматургов, композиторов, встречающихся в письмах, статьях, выступлениях, записных книжках, воспоминаниях брата, чтобы убедиться в том, каким широким был круг его духовных интересов. В связи с этим заслуживает внимания также личная библиотека писателя-педагога, переданная в свое время его вдовой в Кременчугский музей. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют в какой-то мере проследить процесс духовного развития Макаренко, охарактеризовать его интеллектуальный мир на определенных этапах жизни.

К юным годам относится информация, содержащаяся в воспоминаниях брата — Виталия Семеновича. «Сколько я ни помню А. (Антон — М.Г., И.Г.), — пишет Виталий Семенович, — я вижу его постоянно с какой-нибудь книгой. Он обладал колоссальной памятью, и его способность ассимиляции была, впрямь, неограниченна. Без преувеличения можно сказать, что в то время он, конечно, в Крюкове был самым образованным человеком на все 10 000 населения. Что он читал — я затрудняюсь сейчас вспомнить все научные книги, прочитанные им, так как в то время эти книги были для меня недоступны по содержанию, — тут была и философия, и социология, и астрономия, и естествознание, и художественная критика, но, конечно, более всего он читал художественные произведения, где он про-

чел буквально все, начиная от Гомера и кончая Гамсуном и Максимом Горьким» [1, с. 32—33].

Среди прочитанных научных книг, свидетельствует брат, на первом месте была история. Он перечисляет запомнившиеся ему имена историков — Ключевский, Платонов, Костомаров, Милюков, Грушевский, Шильдер. Кроме того, он помнит, что Антон прочитал всех древних римских историков и историков французской революции.

После истории, на второе место ставит Виталий Семенович философию. «Боюсь впасть в ошибку, — пишет он, — я не называю имен авторов — скажу только, что он особенно увлекался Ницше и Шопенгауэром. Большое впечатление на него произвели произведения В. Соловьева и Э. Ренана и книга Отто Вайнингера «Пол и характер» [1, с. 33].

Из художественной литературы Антон Семенович читал буквально все, что появлялось в то время на книжном рынке. Из русских писателей в воспоминаниях названы: Горький, Андреев, Короленко, Чехов, Куприн, Вересаев, Чириков, Скиталец, Серафимович, Арцыбашев, Сологуб, Мережковский, Шеллер-Михайлов, Аверченко, Найденов, Сургучев, Тэффи, Блок, Брюсов, Бальмонт, Фофанов, Гиппиус, Городецкий. Западные писатели представлены такими именами: Кнут Гамсун, Г. Ибсен, А. Стриндберг, О. Уайльд, Дж. Лондон, Г. Гаутман, Б. Келлерман, Г. д'Аннунцио, А. Франс, М. Метерлинк, Э. Ростан. Виталий Семенович отмечает, что кумирами эпохи были Максим Горький, Леонид Андреев и Кнут Гамсун, к творчеству которых проявлял большой интерес и Антон Семенович.

К этому следовало бы добавить рано пробудившуюся у него любовь к музыке и театру. По свидетельству брата, Антон играл на скрипке (правда, не очень профессионально) и очень увлекался театром. При всяком благоприятном случае он из Кременчуга ездил в Киев, чтобы посмотреть спектакли киевских театров.

Приведенные сведения дают основания сделать вывод о том, что молодой Макаренко был довольно образованным интеллигентом, широко эрудированным в области

гуманитарных наук, а также художественной литературы и театрального искусства.

О том, с каким духовным багажом вступил Макаренко на поприще профессиональной деятельности, даёт представление документ 1922 года, хранящийся в Центральном государственном архиве России под названием «К заявлению А. Макаренко. Вместо коллоквиума». История его такова. Проработав два года в Полтавской колонии несовершеннолетних правонарушителей в хуторе Трибы, создав нормальное по тем временам воспитательное учреждение и присвоив ему имя Горького, Макаренко решил поступить в Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е.А. Литкенса в Москве, чтобы освежить знания в области педагогики и «огромный опыт двух лет, вызвавший много вопросов, обработать научным образом». В институт принимали на основании собеседования (коллоквиума). Не имея возможности приехать на экзамен, он написал заявление с просьбой о зачислении и приложил к нему краткую характеристику знаний по разным наукам под названием «Вместо коллоквиума». Этот документ настолько показательный, что приведем его с небольшими сокращениями.

«Вместо коллоквиума»

В области предметных дисциплин систематические знания получил я в Учительском институте.

Математикой никогда особенно не интересовался, поэтому арифметика, геометрия, алгебра, тригонометрия и физика мне знакомы только в пределах курса дореволюционного Учительского института.

Природоведение. Разумеется, совершенно свободно себя чувствую в области физиологии животных и растений. Анатомические знания слабы. Забыл многие частности из геологии. Астрономию знаю хорошо и занимаюсь практически в Полтавском музее. Впрочем, знания по аст-

рономии и космографии у меня продукт увлечения юности.

Солидные знания имею в общей *биологии*. Несколько раз прочитывал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева, знаком с новейшими [идеями] дарвинизма. Читал Мечникова и кое-что другое.

Химию практически не знаю, забыл многие реакции, но общие положения и новейшая философия химии мне хорошо известны. Читал Менделеева, Морозова, Рамзая. Интересуюсь радиоактивностью.

Географию знаю прекрасно, в особенности промышленную жизнь мира и сравнительную географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики, знаком с ее историей и зародышами будущих форм. Все это, разумеется, не из учебников. Очень интересуюсь Австралией и Новой Зеландией.

История — мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьева. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева. Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна. Специально интересуюсь феодализмом во всех его исторических и социологических проявлениях. Прекрасно знаком с эпохой Великой французской революции. Гомеровскую Грецию знаю после штудирования Илиады и Одиссеи.

По *социологии*, кроме социологических этюдов указанных исторических писателей, знаком со специальными трудами Спенсера, М. Ковалевского и Денграфа, а также с Ф-де Куланжем и де Роберти. Из социологии лучше всего известны исследования о происхождении религии, о феодализме.

В области *политической экономии и истории социализма* штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитал» не читал, кроме, как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина...

Логике знаю очень хорошо по Челпанову, Минто и Троицкому.

Читал все, что имеется на русском языке, по *психологии*. В колонии сам организовал кабинет психологических наблюдений и эксперимента, но глубоко убежден в том, что науку психологию нужно создавать сначала.

Самым ценным, что было до сих пор сделано в психологии, считаю работы Петражицкого. Читал многие его сочинения, но «Очерки теории права» не удалось прочесть.

Индивидуальную психологию считаю не существующей — в этом больше всего убедила меня судьба нашего Лазурского. Независимо от вышеизложенного, люблю психологию, считаю, что ей принадлежит будущее.

С *философией* знаком очень несистематично. Читал Локка, «Критику чистого разума» [Канта], Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона. Из русских очень добросовестно изучил Соловьева. О Гегеле знаю по изложениям.

Люблю изящную *литературу*. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не люблю, терпеть не могу Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького, и Ал. Н. Толстого. В области литературных образов много приходилось думать, и поэтому мне удалось самостоятельно установить их оценку и произвести сопоставление. В Полтаве пришлось довольно удачно поработать над составлением вопросника к отдельным произведениям литературы. Я думаю, что обладаю способностями (небольшими) литературного критика.

О своей специальной области — педагогике много читал и много думал. В Учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал 6 месяцев» [2, с. 9—10].

Что касается педагогики, то Макаренко, действительно, глубоко знал наследие выдающихся педагогов России и Запада. В «Педагогической поэме» и в ряде статей упоминаются Я. Коменский, Ж. Руссо, И. Песталоцци, Л. Толстой, К. Ушинский и др. В своей педагогической деятельности

он придавал большое значение психологии, поэтому наряду с этими именами упоминаются Дж. Дьюи, В. Вундт, И. Сеченов, П. Блонский и др.

К сожалению, проучился Макаренко в институте вместо года всего два неполных месяца — с 14.X по 27.XI 1922 года. Ситуация в колонии настолько осложнилась, что он был вынужден срочно прервать учебу. «Вследствие полученных мною сообщений от воспитанников и воспитателей Полтавской трудовой колонии, — писал он в заявлении, — считаю необходимым немедленно возвратиться в колонию, чтобы вовремя остановить процесс ее распада» [3, с. 13].

На основании этого документа можно сделать вывод о том, что, приступая к работе в качестве заведующего колонией, 32-х летний Макаренко был опытным, широко образованным, теоретически подготовленным педагогом, который, опираясь на достижения научной мысли и свой опыт, задумывался над поисками новых путей воспитания человека.

Не ограничиваясь приобретенным багажом, Макаренко постоянно рос и развивался как личность, о чем свидетельствует его личная библиотека, хранящаяся в Кременчугском Педагогико-мемориальном музее. Следует отметить, что до сих пор фактически никто из исследователей не проявил к ней интереса.

В собрании книг Макаренко на первом месте история, философия и художественная литература. По истории насчитывается свыше 150 книг. Здесь представлены труды известных историков — В. Ключевского, М. Покровского, П. Милюкова, Г. Миллера, Б. Грекова, а также забытого теперь Н. Рожкова, автора 12-томной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», вышедшей в 1928 году вторым изданием. Значительно место занимают книги по всемирной истории, по новой истории Европы, по развитию революционного движения в России. Полностью представлено многотомное издание В. Семенова «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», вышедшее в начале XX века, до Первой мировой

войны. Занимали Макаренко вопросы развития экономики, культуры, общественных отношений, о чем свидетельствуют такие издания, как «О воспроизводстве в античной общественной формации» А. Мишулина, «Подсечное земледелие в Восточной Европе» П. Третьякова, «Завалишенский клад куфических монет» Р. Фасмера, «Костромские курганы» П. Третьякова, «Отчет о раскопках в Ольвии» С. Семенова-Зусера и др. Складывается впечатление, что Макаренко действительно была известна вся историческая литература на русском языке. Следует подчеркнуть, что в библиотеке значительное место занимают книги по истории Украины — Грушевского, Костомарова, Яворницкого, Аркаса, Семенова-Зусера и др.

Об интересе Макаренко к философии свидетельствует тот факт, что в личной библиотеке есть книги, изданные при его жизни: К. Маркс. Нищета философии. — Петербург, 1920; К критике политической экономии. — Одесса, 1923; Ф. Энгельс. О России. — Харьков, 1924; Анти-Дюринг. — М., 1931; Гегель. Лекции по эстетике. Соч. т. 12. — М., 1938; Лукреций. О природе вещей. — М., 1936.

Значительное место занимают книги по педагогике, среди которых есть такие: «О воспитании при строе гармонии» Ш. Фурье, «Педагогическая хрестоматия» (Коменский, Локк, Руссо, Ушинский, Пирогов) 1907 года издания, «Современные педагогические течения в Западной Европе и Америке» (1913), «Хрестоматия по истории педагогики» в 4-х томах (1936), монография о С.Т. Шацком (1935) и др.

В библиотеке представлены сочинения таких русских писателей: Пушкина, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Горького, Тютчева, Помяловского, Чехова, Белинского, Писарева, Добролюбова, из современников — Федина, А. Толстого, Пришвина, Первенцева, Маяковского, Фурманова, Хлебникова, Эренбурга, Малышкина, Чуковского. Из украинской литературы — книги Шевченко, Бажана, Панча, Первомайского, Иваненко, Копыленко, Рыбака, Яновского. Можно предположить, что вдова передала в Музей не все книги, а оставила какую-то часть для себя. Об

этом свидетельствует тот факт, что отсутствуют книги Шолохова, любимого писателя Макаренко, нет книг Л. Толстого, Короленко, Некрасова, Лермонтова, которых он высоко ценил и на произведения которых часто ссылался.

Наличие в библиотеке значительного количества книг зарубежной литературы свидетельствует о том, что он хорошо знал западных писателей. Среди них такие имена, как Шекспир, Бальзак, Гейне, Гого, Ибсен, Дидро, Твен, Флобер, Фейхтвангер, Синклер, Дос Пассос, Шарль де Костер, Барбюс, Лонг.

О глубоко профессиональном интересе к литературе свидетельствуют не только сочинения писателей, но и книги критиков, ученых-литературоведов, посвященные творчеству писателей и отдельным историко-литературным проблемам. Вот некоторые из них: «Сочинения Белинского», «Избранные произведения» и «Литературно-критические статьи» Н. Добролюбова, «Избранные сочинения в двух томах» Д. Писарева. Интересовался он и трудами современных ему литературоведов: «Биография Л. Толстого в двух томах» П. Бирюкова, «Любовь к жизни Л. Толстого» В. Жданова, «Как работал Гоголь» В. Вересаева, «Тарас Шевченко» К. Паустовского, «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» Н. Гудзия, «Житие Алексия — Божия человека в древнерусской литературе и народной словесности» В. Адриановой-Перетц, «Слово о полку Игореве» с комментариями В. Ржиги и С. Шамбинаго. Есть в библиотеке и книги таких известных ученых, как Н. Марр, С. Балухатый, И. Нусинов, В. Кирпотин и др.

Как уже отмечалось, Макаренко очень любил театр, особенно оперу. «И оперу очень люблю, не камерную, а настоящую, с парчой, с оркестром в 90 человек, с бутафорией и плохой игрой», — писал он одной корреспондентке. В Мемориальном музее г. Кременчуга хранятся 44 театральные программки оперных спектаклей, которые он посетил. Складывается впечатление, что он прослушал весь оперный репертуар театров 30-х годов: русские оперы — «Садко», «Снегурочка», «Царская невеста», «Сказка

о царе Салтане» Римского-Корсакова, «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин», «Мазепа», балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик» Чайковского, «Борис Годунов» Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина, «Демон» Рубинштейна; западные — «Кармен» Бизе, «Свадьба Фигаро» Моцарта, «Гибель богов» Вагнера, «Трубадуры» Обри, «Фауст» Гуно, «Травиата» Верди, «Севильский цирюльник» Россини и др.

Есть в библиотеке биографические очерки, статьи и исследования, посвященные композиторам, которые свидетельствуют о том, что Макаренко проявлял углубленный интерес к их жизни и творчеству. Например: «Борис Годунов». Статьи и исследования», «Избранные статьи» Р. Вагнера, «Николай Андреевич Римский-Корсаков. Очерк его музыкальной деятельности», «Михаил Иванович Глинка. Очерк его жизни и деятельности» Н. Финдейзена, «Моцарт. Краткий очерк жизни и творчества» Ю. Кремлева и др.

В письмах Макаренко встречаются имена, кроме тех, что уже назывались, многих других писателей. Русских — Бабель, Белых, Бунин, Гайдар, Gladков, Жуковский, Ляшко, Островский А.Н., Тренёв, Серафимович, Соболев, Ставский, Сухово-Кобылин, Фадеев, Финк; нерусских — Бичер Стоу, Брандес, Жюль Верн, Данте, Руставели, Стендаль, Тагор.

Рассмотренный материал дает представление о богатстве духовного мира Макаренко, о высоком уровне его образованности и культуры. В первом поколении советских писателей трудно сравнить с ним кого-либо, в этом отношении недостижимым образцом для всех был только М. Горький.

Второй вывод состоит в том, что почву новаторской педагогической теории писателя-педагога составлял синтез его разносторонних знаний в области истории, философии, психологии, педагогики и художественной литературы, которую М. Горький называл «человековедением» — наукой о человеке. Ошибаются те, кто считает Макаренко практиком, пришедшим в педагогику как удачливый руководитель колонии беспризорных детей. За его плечами был не

только опыт педагога-практика, но и огромная работа по теоретическому осмыслению весьма обширного общекультурного наследия. Именно благодаря этому его педагогическая теория знаменовала собой новый этап в развитии педагогической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко Виталий. Мой брат Антон Семенович. — Марбург, 1985. — 202 с.
2. Макаренко А.С. Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения // Педагогические соч. в 8 т. — Т. 1. — М.: Педагогика, 1983. — С. 8—11.
3. ЦГА России, ф. 7954, оп. 2, ед. хр. 266.
4. Фролов А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире. 1939—2005 гг. — Нижний Новгород, 2006. — 416 с.

С УСТАНОВКОЙ НА ИСТОРИЗМ

Лабораторией по изучению наследия А.С. Макаренко при Марбургском университете (ФРГ) к 100-летию со дня рождения выдающегося советского педагога и писателя издан сборник статей «Столетие Антона Макаренко. Новые исследования к биографии». Наметившаяся тенденция к сотрудничеству между учеными-педагогами разных стран способствует плодотворному изучению жизни и творческой деятельности А.С. Макаренко, наследие которого вызывает огромный интерес во всем мире. Если попытаться в нескольких словах определить то, что характеризует в целом и составляет пафос всех его статей, то можно сказать так: установка на историзм. Сейчас уже ясно, что облик Макаренко в целом ряде исследований советских и зарубежных ученых обрисован во многом схематично, что до настоящего времени остаются и «белые пятна» в его биографии, и искажения в его изданных трудах. Вот почему стремление авторов сборника глубже изучить биографию Макаренко, полнее раскрыть ее жизненный контекст нельзя не приветствовать.

Статья Л. Фрезе, открывающая сборник, озаглавлена «К руководству: исторический Макаренко». Автор исходит из признания общечеловеческого значения наследия советского педагога, говорит о заинтересованности западных макаренковедов в объективном его изучении и пересмотре сложившихся концепций по этому вопросу. Принцип историзма реализуется на основе широкого привлечения новых

документов и фактов; доминирует стремление по-новому подойти к освещению важных сторон его жизни и творческой эволюции. Проблематика статей самая разнообразная: одни дают дополнительные сведения о личной жизни А.С. Макаренко, другие уточняют процесс его духовного развития, третьи вносят новые моменты в трактовку его идейно-политических позиций.

Польский макаренковед М. Библик в статье «Альма матер» обстоятельно освещает историю создания Полтавского учительского института и обстановку в нем в период обучения А.С. Макаренко. Обобщая различные материалы и привлекая некоторые малоизвестные факты, автор характеризует преподавательский персонал, студентов (к сожалению, лишь в самом общем виде), а также основные принципы обучения и воспитания в этом учебном заведении.

Ф.И. Науменко опубликовал две статьи, очень разные по методике исследовательского поиска. В работе «Эти первые...» исследуется небольшая и на первый взгляд мало-значительная проблема — сколько было воспитанников в начальный период существования колонии в Трибах. Сопоставляя сведения, содержащиеся в «Педагогической поэме», с документами, Ф.И. Науменко устанавливает значительные расхождения и справедливо выступает против рассмотрения художественного произведения как документального источника. Автор показывает, какие реальные черты нашли отражение в созданных писателем образах, и дополняет наши представления о прототипах героев «Педагогической поэмы».

Вторая статья Ф.И. Науменко посвящена проблеме авторства брошюры «Беспризорность и борьба с ней», остающейся дискуссионной в макаренковедении. Брошюра вышла в 1931 г. под именем Г.С. Салько. Однако в 70-е гг. марбургскими исследователями И. Виль и Г. Хиллигом было высказано предположение, что соавтором этой брошюры мог быть А.С. Макаренко. Ф.И. Науменко идет еще дальше: приводя целый ряд новых фактов биографического характера, сопоставляя педагогические идеи брошюры

с воззрениями Макаренко той поры, а также на основе данных лингвистического анализа он доказывает, что эту брошюру написал сам Антон Семенович. Этот вопрос нельзя считать решенным, нужны дополнительные изыскания, новые факты, чтобы подтвердить выдвинутую версию.

В последние годы активную поисковую работу ведет советский макаренковед Н.Н. Окса. В сборник вошли найденные им новые архивные материалы, проливающие свет на один из очень сложных, дискуссионных вопросов — о времени становления марксистского мировоззрения Макаренко. Автор обнаружил в одном из архивов Москвы протоколы занятий по философии, относящиеся к тому времени, когда Антон Семенович обучался в Центральном институте организаторов народного просвещения (осень 1922 г.). На занятиях обсуждался реферат Макаренко «Гегель и Фейербах». Зафиксированные в протоколах суждения педагога о творчестве немецких мыслителей позволяют судить об уровне философской образованности А.С. Макаренко. Н.Н. Окса анализирует документы, касающиеся деятельности А.С. Макаренко в Харьковской окружной комиссии помощи детям (1927—1928). Они содержат новые данные о его отношениях с этой организацией и о причинах сложившейся в эти годы неблагоприятной для него ситуации. В сборник вошли также интересные публикации советских макаренковедов И.Ф. Кривоноса, А.А. Фролова и К.М. Ширяевой.

Сотрудник Марбургской лаборатории З. Вайтц предпринял попытку проследить начальный этап формирования А.С. Макаренко как писателя на основе анализа его первых публикаций, относящихся к 20-м гг. Автору удалось показать, что в творчестве педагога уже в то время отчетливо выявились две линии — публицистическо-художественная и научно-педагогическая.

Несколько необычной для советского макаренковедения может показаться статья чешского ученого Л. Пэхи «Женщины в жизни Макаренко». Л. Пеха пишет об отношениях А.С. Макаренко с Е.Ф. Григорович и Г.С. Салько —

женщинами, которым суждено было сыграть значительную роль в его жизненной и творческой судьбе.

В работе «Образ социализма у Макаренко» венгерский макаренковед Ф. Патаки прослеживает процесс формирования социалистических воззрений Макаренко, эволюцию его представлений о социалистическом обществе и принципах социализма в политике, морали и педагогике. Автор показывает, что путь педагога к социализму был хотя и нелегким, но естественным и логичным, что вера его в социализм и его гуманистические принципы всегда была искренней и непоколебимой. Положительно оценивая выводы Ф. Патаки по этому вопросу, нельзя не отметить один весьма сомнительный, как нам представляется, тезис его статьи. Речь идет о стремлении представить А.С. Макаренко в дореволюционные годы человеком с аморфным мировоззрением, личностью, напоминающей «лишних людей» или некоторых чеховских героев. Вряд ли надо доказывать, что Макаренко — человек практического действия, ставший в 17 лет на путь служения народу, имевший вполне определенную жизненную программу и осуществлявший ее в своей педагогической деятельности (вспомним его реферат «Кризис современной педагогики»). В связи с этим нельзя согласиться с общим выводом Ф. Патаки о том, что образ Макаренко неразрывно связан с целым рядом героев — «лишних людей» и что он являет собой пример того, «как «лишний человек» может стать нужным и полезным человеком».

Статьи Г. Хиллига по объему составляют почти половину сборника, касаются важных, ключевых проблем макаренковедения. Автор пытается по-новому подойти к освещению таких вопросов, как Макаренко и коммунизм, отношение педагога к партии и государству, его национальное самосознание и др. В небольшой рецензии рассмотреть и оценить весь комплекс этих вопросов невозможно, поэтому выделим лишь то, что, с нашей точки зрения, является наиболее важным.

Отметим научную добросовестность ученого, самым внимательным образом изучающего наследие А.С. Мака-

ренко, опирающегося в своих исследованиях на конкретные факты и документы, стремящегося не поддаваться влиянию устоявшихся концепций. Вместе с тем в его работах легко обнаружить и слабые позиции, связанные с недостаточно глубоким пониманием социально-политической обстановки в СССР в 20—30-е гг., а также с известной неопределенностью его методологических позиций.

Среди статей Г. Хиллига, вошедших в сборник, наиболее значительной по проблематике является работа «Трудный путь к коммунизму», в которой предпринята попытка по-новому раскрыть процесс идейно-политической эволюции А.С. Макаренко. Привлекая ряд источников, оставшихся вне поля зрения советских исследователей, он не без оснований приходит к заключению, что «путь Макаренко к коммунизму» сглажен некоторыми советскими макаренковедом, в частности Е.З. Балабановичем. В то же время в названной статьестораживают два обстоятельства, которые дают повод усомниться в объективности освещения этой сложной проблемы. Во-первых, Г. Хиллиг строит свою аргументацию преимущественно на сведениях, почерпнутых из воспоминаний об А.С. Макаренко его брата Виталия Семеновича. Непредубежденному читателю ясно, что в них наряду с достоверными заключениями есть немало сомнительных, основанных на предположениях, а порой и на домыслах человека, который не скрывает своего отрицательного отношения к педагогической и писательской деятельности брата.

Бросается в глаза несколько агрессивный критический настрой автора по отношению к трудам советских исследователей. Порой создается впечатление, что Г. Хиллиг видит свою главную задачу не в поиске истины, а в том, чтобы опровергнуть, уличить в искажениях, «схватить за руку» Балабановича, Медынского, Нежинского и других, которые якобы сознательно исказили, извращали, приукрашивали и т. д. и т. п. Объективности ради автору следовало бы признать, что указанные советские макаренковеды были первыми серьезными исследователями жизни и творческой

деятельности Антона Семеновича, что они проделали колоссальную работу по собиранию фактов и их обобщению. Не все их выводы оказались правильными, но это объясняется отнюдь не «злым умыслом», а вполне естественными для «пионерских» работ изъянами.

Большое внимание уделяется в статье Г. Хиллига вопросу о социальном происхождении А.С. Макаренко. Ссылаясь на воспоминания его брата, автор утверждает, что Антон Семенович «вырос не в семье бедного рабочего (как он сам пишет в «Книге для родителей» в 1937 г., в своей повести «Честь» в 1937—1938 гг. и как пишут все его биографы)». Действительно, В.С. Макаренко в своих воспоминаниях стремится всячески доказать, что их семья жила зажиточно, что разговоры о бедности — «дешевая демагогия». Между тем приводимые им самим некоторые конкретные факты и нарисованные картины жизни их семьи в Белополье и в первые годы в Крюкове создают иное впечатление. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что воспоминания написаны очень пожилым человеком, вынужденно проживавшим на чужбине, а потому склонным к идеализации прежней жизни. Детские годы будущего педагога — а к ним восходят корни его мировоззрения — не были такими безоблачными в материальном отношении, как считает Г. Хиллиг. А.С. Макаренко рос и формировался отнюдь не в какой-то привилегированной среде, рано познал тяготы трудовой жизни.

Во втором разделе статьи рассматривается вопрос о влиянии революции 1905 г. на молодого Макаренко и о его политических взглядах в то время. В советской литературе получила распространение точка зрения, согласно которой события 1905 г. оказали воздействие на политическое развитие А.С. Макаренко, который сделал поворот в сторону большевистской партии. Пытаясь это опровергнуть, Г. Хиллиг ссылается на сведения, полученные им в устной беседе с В.С. Макаренко, согласно которым будущий педагог якобы разделял взгляды эсеров. В русском варианте статьи даже сказано, что он являлся кандидатом в члены

этой партии (см.: Хиллиг Г. Самоутверждение или конформизм? Марбург, 1987. С. 27).

Приведем некоторые любопытные факты, которые противоречат этим утверждениям. В октябре 1905 г. на станции Люботин (25 км от Харькова) началась забастовка рабочих-железнодорожников (кстати, чего им было бастовать, если они, как считает вслед за В.С. Макаренко Г. Хиллиг, жили зажиточно и были привилегированной прослойкой общества?). 10 декабря рабочие захватили железнодорожную станцию, отстранили администрацию, арестовали начальника станции, жандармов и создали так называемую «Люботинскую республику». Восстанием руководили большевики, о чем свидетельствуют документы жандармского ведомства. «После окончания сходки, — читаем в жандармском донесении, — толпа, насчитывающая около 3000 человек, с красными знаменами и пением революционных песен прошла улицами станционного района... На сходке продавались издания социал-демократической партии» (ЦГИА УССР. Ф. 336. Оп. 1. Д. 1048. Л. 14—16). На митингах звучали большевистские призывы свергнуть самодержавие и создать революционное правительство рабочих и крестьян (см.: 1905 год в Харькове. Харьков, 1925. С. 274). В разгар этих событий в декабре состоялся съезд учителей Южной железной дороги, в котором принимал участие и Макаренко. Трудно предположить, что в той обстановке съезд прошел не под большевистскими, а под эсеровскими лозунгами.

Не принимает Г. Хиллиг и сложившуюся в советском макаренковедении точку зрения на отношение педагога к Октябрьской революции. Он считает, что прямые высказывания А.С. Макаренко о его приверженности революции, на которые ссылаются Балабанович, Медынский и другие, относятся к 1936—1937 гг. и, по его мнению, сделаны они были под давлением политических обстоятельств. «Кроме того, — дополняет свой вывод автор, — в них Макаренко не выражал прямо своего мнения по политическим вопросам, и потому они мало о чем говорят». Странная

логика: воспоминания В.С. Макаренко о событиях 60-летней давности рассматриваются Г. Хиллигом как достоверные, а ретроспективные суждения самого Антона Семёновича о событиях 20-летней давности почему-то берутся под сомнение. Но дело даже не в этом. А.С. Макаренко начал свою деятельность с горячей верой в идеи Октября, в социализм, в нового человека и умер с этой верой. Она составляет пафос всей его деятельности и нашла отражение не только в документах 1936—1937 гг. Вспомним, например, его искреннее признание, относящееся к 1922 г.: «Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития...» Отношение к революции выражалось прежде всего в его делах, и в этом смысле прикровенность А.С. Макаренко идеалам Великого Октября сомнений не вызывает.

«Опровергая» советских макаренковедов, Г. Хиллиг под видом объективности пытается утвердить свое субъективное толкование и других вопросов. Так, он не считает искренним утверждение А.С. Макаренко, содержащееся в его известном заявлении при поступлении в Институт организаторов народного просвещения в 1922 г. о том, что он хорошо знаком с трудами В.И. Ленина. Автор высказывает сомнение: а читал ли Макаренко к этому моменту вообще что-либо из работ Ленина? Ему это кажется невероятным по двум причинам: 1) сохранившиеся в архиве педагога выписки из трудов В.И. Ленина (точнее, из брошюры Крупской) сделаны «лишь в 1925 году или еще позже»; 2) «отдельные работы Ленина, брошюры и сборники его трудов выходили большей частью в Петрограде и Москве, а не на Украине». Что касается выписок, то они, действительно, не могли быть сделаны раньше 1925 г., но это не дает никаких оснований полагать, что А.С. Макаренко не читал трудов В. И. Ленина до этого времени. Несостоятельность второго аргумента станет очевидной, если ознакомиться со справочником «Видання Творів В. І. Леніна на Україні (1894—1970)». Харків, 1971). В 1920 г. на Украине работы В.И. Ленина публиковались 210 раз, в том числе брошюра

«Задачи союзов коммунистической молодежи» была издана дважды тиражом 5 и 10 тыс. экземпляров. В 1921 г. количество изданных ленинских работ было еще большим, а названная брошюра переиздавалась трижды тиражом 3, 10 и 15 тыс. экземпляров. В 1924 г. речь В.И. Ленина на III съезде комсомола была опубликована в журнале «Пути просвещения» (№ 2), который вполне мог попасть в поле зрения А.С. Макаренко.

Странное впечатление производит освещение в работе Г. Хиллига службы А.С. Макаренко в НКВД Украины в 1935—1937 гг. Здесь автор нагнетает такие «документальные данные», что впору подумать о причастности педагога к репрессиям 1937 г. Настоящим «откровением» для него явилось то, что в служебном удостоверении А.С. Макаренко было записано: «Состоит на службе в НКВД УССР». Этот «неизвестный факт», — пишет он, — до сих пор не комментировался в советском макаренковедении». Почему «неизвестный факт», если о нем говорится во всех биографических очерках, а факсимиле служебного удостоверения воспроизведено в целом ряде изданий? Г. Хиллиг, хорошо осведомленный не только в научной литературе, но и в содержании архивных документов (он имел доступ, судя по цитируемым документам, и в архив МВД УССР), знает, кем служил А.С. Макаренко и что входило в круг его обязанностей. Но это не мешает ему приводить нелепые высказывания некоторых западных макаренковедов вроде: «Макаренко — защитник тайной полиции», «Агент НКВД» и др. Научная объективность требовала отметить эти измышления и дать единственно правильный ответ: А.С. Макаренко работал в НКВД Украины в должности помощника начальника отдела трудовых колоний, осуществлял руководство детскими трудовыми колониями и коммунами республики, такими, как колония им А.М. Горького и коммуна им Ф. Дзержинского.

В последнее время современников Сталина нередко обвиняют в конформизме, в отсутствии гражданского мужества, в активной поддержке сталинизма и т. д. Многие

авторы (особенно из числа молодых или иностранцы) совершенно неправильно представляют себе социально-политическую ситуацию в стране в 30-е гг. Они не могут понять того факта, что основная масса людей в то время действительно верила в правильность политики Сталина, видя в нем выдающегося руководителя государства. Даже А.М. Горький, всегда отличавшийся независимостью взглядов и особым чутьем к насилию, до последних дней с большим уважением относился к Сталину. Он писал в 1934 г. Н.К. Крупской: «...успешно изменяют мир к лучшему верные друзья и молодые ученики Владимира Ильича, гениальнейшего возбудителя революционной энергии... В какую могучую фигуру выковался Иосиф Виссарионович» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. М., 1956. С. 334).

К рассмотренной статье «Трудный путь к коммунизму» органически примыкает публикация Г. Хиллига, посвященная проблеме национального самосознания А.С. Макаренко. Эта проблема фактически не привлекала внимания советских исследователей, хотя она представляет определенный научный интерес, так как проливает свет не только на своеобразие художественного мышления А.С. Макаренко как писателя, но и на некоторые аспекты его политических воззрений, связанных с национальной политикой на Украине. Широко привлекаемый автором материал по данной проблеме позволяет полнее представить, если так можно сказать, национальные особенности педагогической и литературной работы Макаренко, в частности роль и место в ней украинского языка. К сожалению, опять приходится констатировать, что концепция Г. Хиллига сконструирована на сведениях, содержащихся в воспоминаниях брата, а они проникнуты неприязненным отношением к Украине и всему украинскому. Автор, характеризуя отношение А.С. Макаренко к украинскому, смешивает два несовместимых понятия — национальное и националистическое. Ни в одном из печатных или архивных источников мы не встретим у А.С. Макаренко неуважительного отношения к Украине, украинской культуре или украин-

скому языку, только в воспоминаниях брата приписывается Антону Семеновичу злобная филиппика против Украины и ее культуры. В то же время писатель-педагог ненавидел украинских националистов и вел с ними непримиримую борьбу. Это отражено в «Педагогической поэме» и ряде публицистических статей. Порочна сама попытка искать какое-то «роковое противоречие» в духовном облике Макаренки, связанное с национальной принадлежностью, по линии украинское — русское. В СССР совмещение в одной личности двух национальных культур и двух языков — обычное явление. Достаточно сослаться, например, на творческую практику Ч. Айтматова, Д. Кугультинова, В. Быкова и многих других современных писателей.

Оценивая сборник в целом, следует признать положительным тот факт, что исследовательская мысль в макаренковедении повернулась в сторону историзма и на основе объективного изучения источников пытается выработать новую, подлинно научную концепцию духовного становления А.С. Макаренки. Вместе с тем, как было показано, в работах некоторых западных исследователей наблюдается тенденция упредить исследовательскую работу готовыми выводами, что может привести к замене старых догм новыми. Приходится сожалеть, что советские макаренковеды в своих статьях касаются частных вопросов и занимают выжидательные позиции в трактовке ключевых проблем, которые активно исследуются учеными других стран. Даже беглый анализ статей одного из самых активных западных исследователей — Г. Хиллига показывает, что поставленные в них острые проблемы нуждаются в очень серьезном изучении и более глубоком их осмыслении. Совершенно очевидно, что истина может быть установлена только в результате коллективных поисков и плодотворных творческих дискуссий.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Г. ХИЛЛИГА «МАКАРЕНКО В ГОД «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Настоящее исследование известного ученого-макаренковеда Гётца Хиллига посвящено жизни и деятельности А.С. Макаренко в печально знаменитом 1937 году. Это был год, когда, отдав более тридцати лет педагогической деятельности, Макаренко решил сделать резкий поворот в своей жизни, стать писателем-профессионалом. Становление его на новом поприще происходило в условиях жесточайшего политического террора, когда подверглись репрессиям сотни и тысячи представителей творческой интеллигенции. Какой-либо «сомнительный» факт биографии, неосторожно сказанное слово, проживание родственников за границей, вздорный донос недоброжелателя могли стать поводом для ареста, суда и расстрела. Макаренко, который в силу своей натуры борца вел постоянную войну с консерваторами в педагогической науке и чиновниками от просвещения, имел немало личных врагов. К тому же его родной брат Виталий, в годы гражданской войны воевавший против советской власти, проживал в эмиграции. Накануне отъезда в Москву на Макаренко поступил донос одного из сотрудников коммуны им. Дзержинского, на котором высокий чин НКВД Украины написал резолюцию: «Я не верю ему ни на копейку. Это враг». Как смог выжить Макаренко в этих экстремальных условиях? — на этот вопрос попытался ответить автор настоящей работы.

Последние годы жизни педагога-писателя довольно основательно освещены в книге А.А. Фролова «А.С. Макаренко: московский период творчества (1937—1939 гг.). Хроника дел и мыслей», вышедшей в 1997 году в Нижнем Новгороде. Однако она представляет собой именно хронику, подборку документальных материалов, содержащих сведения о событиях, фактах личной жизни и творчества педагога-писателя. Г. Хиллиг же не только приводит факты, но на их основе анализирует внутреннее состояние Макаренко, проясняет психологические мотивы его деятельности как писателя, публициста, критика.

Г. Хиллиг, работающий в течение тридцати пяти лет в области макаренковедения, является одним из самых эрудированных специалистов, скрупулезно изучившим научное наследие педагога-писателя, архивные документы, советскую периодику тех лет. Это позволило ему реалистически осмыслить политическую обстановку в стране, ситуацию в педагогической науке и в литературе, глубоко проникнуть в смысл событий и фактов жизни Макаренко в 1937 году. 19 небольших глав книги — это 19 эпизодов его биографии, которые освещаются на основе документов строго объективно, без какой-либо идеализации личности педагога-писателя. Так, без попытки оправдания оценивается неблагоприятная деятельность Макаренко-рецензента, который в духе времени фактически выносил политические приговоры художественным произведениям. После его рецензии под красноречивым названием «Вредная повесть» молодая писательница Н. Гирей подверглась преследованию, и судьба ее как литератора была предreshена. В то же время Г. Хиллиг справедливо подчеркивает, что подобные рецензии были только в 1937 году, а в дальнейшем тональность их изменилась, стала более доброжелательной, без политического подтекста. С добрым юмором говорит автор о странных рекомендациях Макаренко касательно реорганизации писательского труда — создании «зарегистрированных писательских бригад», то есть бригадного метода творчества.

Вокруг личности Макаренко и его биографии накопилось немало мифов, особенно в мемуарной литературе. Г. Хиллиг осторожно обращается с сомнительными сведениями, подвергая их документальной перепроверке и оценке с позиций здравого смысла. Так, с легкой руки Р.А. Ковнатор в биографии Макаренко появился «факт» одобрения им рокового запрета партийным руководством страны в 1936 году педологии. Тщательно изучив дневниковые записи, свидетельства очевидцев и другие материалы, автор делает убедительный вывод, что высказывание Ковнатор, достоверность которого макаренковедками до сих пор не подвергалась сомнению, следует отнести к области мифов. Таким же образом Г. Хиллиг исследовал достоверность «факта» о приеме Макаренко Сталиным, введенного в макаренковедческую литературу К. Безрук. В работе есть немало новых сведений, небольших открытий, интересных размышлений, которые обогащают наши представления о деятельности и личности выдающегося педагога. Нельзя не отметить как достоинство данной книги и вообще всех работ Г. Хиллига сочетание глубокой научности и простоты стиля, оригинальности мысли и звучности слова. Нет сомнения в том, что настоящее исследование вызовет большой интерес не только у специалистов, но и у рядовых читателей.

*Гётц Хиллиг. Макаренко
в год «большого террора». —
Марбург, 1998.*

К ВОПРОСУ О «ВОЕНИЗАЦИИ» В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ А.С. МАКАРЕНКО

Военные игры всегда были спутниками детства, всегда занимали важное место в практике воспитания подрастающего поколения у разных народов. Интерес к военной игре идет из глубин истории и определяется обстоятельствами жизни человека, необходимостью воспитания в нём черт воина, мужественного и ловкого бойца. Общеизвестны принципы спартанского воспитания в Древней Греции, военного закалки молодежи в Запорожской Сечи, народный обычай биться стенка на стенку в России, и не только в ней. В начале XX века всемирного масштаба приобрело скаутское движение (англ. scout — разведчик), цель которого — увлечь молодежь спортивно-военными играми. Это движение получило официальную поддержку почти во всех цивилизованных странах и было приспособлено к конкретным задачам подготовки будущих воинов. В России первые скаутские отряды появились в 1909 году, а накануне Первой мировой войны по указу царя было основано общество «Русский скаут».

Есть смысл обратиться к этой проблеме, поскольку она не потеряла своей актуальности в наше время: элементы военизации используются в педагогической практике многих стран мира, по-прежнему активно действует скаутское движение. До недавнего времени военные игры были обязательными мероприятиями воспитательной работы в советских школах и пионерских лагерях, однако после тех

изменений, которые произошли в общественной жизни Украины, интерес к ним почти исчез.

Цель данной статьи — осветить, как возникла военная игра в педагогической практике А.С. Макаренко.

Как известно, А.С. Макаренко придавал огромное значение в колонии и им. Горького, а затем и в коммуне им. Дзержинского «военизации» как своеобразной детской игре. Несмотря на то, что за эту «военизацию» его постоянно критиковали педагоги-теоретики (в том числе и Н.К. Крупская), он всячески защищал ее, поскольку видел в ней эффективный фактор воспитательного процесса. Выступая за несколько дней до смерти перед учителями школ Ярославской железной дороги, он говорил: «Самый главный метод, за который меня всегда обвиняли, — это военизация. Меня называли жандармом, Аракчеев т. д. И все же я 16 лет не отказывался от «военизации» [1, с. 371].

Эта проблема интересна не только сама по себе, но еще и потому, что брат Макаренко Виталий Семенович, офицер русской армии, в своих воспоминаниях появление «военизации» считает своей заслугой. Он пишет, что элементы «военизации» он предложил ввести в то время, когда, оставив армию, начал работать учителем в Крюковском железнодорожном училище под руководством Антона Семеновича в 1917—1918 годах. «И зря все свидетели стыдливо обходят мою роль в этом деле», — пишет он [2, с. 174—175].

Большинство исследователей считает, что «военизация» в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского была введена самым Антоном Семеновичем и видит в ней его оригинальное педагогическое открытие. Об этом можно прочесть в любой работе, посвященной анализу педагогической системы Макаренко. Сам же Макаренко скромнее оценивал свою роль. Вот одно из характерных его высказываний по этому поводу: «Я был страшно рад, что все коллективные наши находки встретили полное одобрение Алексея Максимовича (Горького — М., И.Г.), в том числе и пресловутая «военизация», за которую и сейчас покусывают меня некоторые критики и в которой Алексей

Максимович за два дня смог разглядеть то, что в ней было: небольшую игру, эстетическое дополнение к трудовой жизни, все же тяжелой и очень бедной»[3, с. 16].

Высказанная Виталием Семеновичем претензия на его приоритетную роль в этом деле заставила нас основательно изучить проблему «военизации» и выяснить ее истоки. Сначала мы попытались выяснить, как сам Антон Семенович объясняет причины, побудившие его использовать элементы военного дела. Об этом говорится им в «Педагогической поэме» так: «Не знаю почему, наверное, из неизвестного мне педагогического инстинкта я набросился на военные занятия. Уже и раньше я проводил с колонистами занятия по физкультуре и военному делу. Я никогда не был специалистом- физкультурником, а у нас не было средств для приглашения такого специалиста. Я знал только военный строй и военную гимнастику, знал только то, что принадлежит к боевым действиям роты. Без всяких раздумий и без всякой педагогической судороги я занял детей упражнениями во всех этих полезных делах» [4, с. 127—128].

Описанные события имели место в 1923 году, хотя, как здесь сказано, военные занятия с колонистами проводились и ранее. Возникает вопрос: откуда мог знать Макаренко военный строй, военную гимнастику и то, что входит в программу боевых действий роты? Весьма вероятно, что определенные знания и навыки дала ему краткосрочная служба в Киеве как ратника ополченца 2-го разряда (декабрь 1916 — март 1917), какие-то воспоминания остались от занятий по военной подготовке, которые проводил брат Виталий во время совместной работы. Однако Антон Семенович и его брат умалчивают один важный факт: дело в том, что военная подготовка до Октябрьской революции входила в учебный план железнодорожных училищ и была обязательным предметом для мальчиков. Почему не говорил об этом Антон Семенович — нетрудно догадаться: в 20—30-е годы «старая», «царская» школа была антиподом «новой», «советской» школы, поэтому упоминание о каких-то позитивных традициях в прошлом было бы воспринято как проявление

«контрреволюции» в педагогике. Виталий Семенович умалчивает это по другой причине: ему важно показать свои заслуги, подчеркнуть свою особую роль в этом деле.

А теперь обратимся к документам. В Харькове с 1911 по 1917 издавался ведомственный журнал «Вестник Южных железных дорог», в котором изредка печатались материалы о деятельности железнодорожных училищ. Так, в 19-м номере за 1911 напечатано следующее сообщение: «С недавнего времени в железнодорожных школах Южных железных дорог введено систематическое обучение учащихся военной гимнастике и строю. Для этой цели училища снабжены по числу учащихся в них мальчиков деревянными ружьями-моделями, барабанами, специально заказанными по типу легких ротных барабанов. В качестве инструкторов военной гимнастики и строя приглашены жандармские унтер-офицеры» [5, с. 132]. Летом для учащихся проводились таборные сборы с целью закрепления военных навыков. По содержанию это были ротные учения, в которых усваивалось то, что «относится к боевому участку роты: рассыпной строй, встреча кавалерии, сторожевое охранение, прохождение церемониальным маршем». Первый лагерный сбор проходил с 27 мая по 3 июня 1911 года на станции Лозовая Харьковской губернии. Макаренко в то время работал в железнодорожном училище на станции Долинская и, безусловно, принимал участие в подготовке к сбору, поскольку он, кроме учительской работы, исполнял обязанности воспитателя («надзирателя») в школьном интернате. В перечне школ, которые должны были выставить на летний сбор по 25 учеников, значится и Долинское училище. В связи с этим воспоминания бывших учеников Долинского училища о том, что под руководством Антона Семеновича проводились строевые занятия и походы в степь, приобретают более конкретное значение.

Занятия военной подготовкой в железнодорожных школах имели широкий общественный резонанс. В августе 1911 состоялся «высочайший смотр» ученических отрядов в Петрограде, в котором принимали участие и воспитанники Долинского училища. Царь высоко оценил военную подго-

товку учащихся, вынес благодарность организаторам, а для детей по его распоряжению были организованы интересные экскурсии. После выступления дети осмотрели достопримечательности столицы, Царское Село, а на обратном пути сделали остановку в Москве, где посетили Кремль, музеи, Третьяковскую галерею. Не с этими ли событиями связан интерес у Макаренко к экскурсиям и путешествиям, которым он придавал большое значение в воспитательной работе?

Какова была роль Макаренко в описанных событиях, сказать трудно, но если признать самое минимальное, что он был в течение нескольких лет простым наблюдателем, то и тогда можно сделать вывод, что определенный военный опыт он имел. Весьма вероятно, что с учениками Долинского училища именно Макаренко ездил в Лозовую, Петербург и Москву, однако бесспорных фактов, которые подтвердили бы такую версию, обнаружить не удалось.

Изученные материалы позволяют сделать выводы о том, что «военизация» была эффективным средством воспитания в колонии имени Горького, и Макаренко на протяжении всей своей жизни доказывал целесообразность ее применения. Она, по его мнению, вносит в жизнь коллектива элементы игры, поднимает настроение, создает мажорную атмосферу. Приведенные факты свидетельствуют также о том, что Виталий Семенович не был первооткрывателем «военизации» в учебном процессе Крюковского железнодорожного училища и его претензии на эту роль безосновательны. Вместе с тем они опровергают также мнение тех макаренковедов, которые считают, что «военизацию» как метод воспитания открыл Макаренко, работая в колонии им. Горького. Факты говорят о том, что «военизация» в педагогической практике Макаренко появилось не после Октябрьской революции, а значительно раньше.

Следует отметить, что Макаренко не считал «военизацию» универсальным методом воспитания, пригодным во всех детских учебно-воспитательных учреждениях. Он настаивал на том, что именно в конкретных условиях колонии им. Горького и коммуны им. Дзержинского военная

игра оказалась наиболее педагогически целесообразной. Дальнейшее педагогический опыт показал, что в массовой школе она может иметь только временный характер как одна из форм воспитательной работы.

Однако как педагог-теоретик Макаренко считал, что любая игра обязательно должна присутствовать в детском коллективе. «Детский коллектив, который не играет, — говорил он, — не может быть настоящим детским коллективом» (6, с. 200). В современную школу пришли новые игры в соответствии с новыми требованиями времени: детское самоуправление вроде государственной организации, малая академия наук, фестивали, спортивные спартакиады. Но отдельные атрибуты «военизации», которые Макаренко считал обязательными, все-таки вошли в школьную жизнь: флаг, почетный караул, строй, торжественное построение, праздничные дни и т. п. Учитывая то, что военное воспитание молодежи не потеряло своей актуальности, педагогическая мысль, используя опыт Макаренко, должна искать новые формы и методы его осуществления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко А.С. Из опыта работы // Педагогические соч. в 8 т. — Т. 4. — М., 1984. — С. 365—375.
2. Макаренко Виталий: Мой брат Антон Семенович. Воспоминания. Письма. — Opuskula Makarenkiana, № 3. — Марбург, 1985. — 182 с.
3. Макаренко А.С. Максим Горький в моей жизни // Педагогические соч. в 8 т. — Т. 4. — М., 1984. — С. 8—17.
4. Макаренко А.С. Педагогическая поэма // Педагогические соч. в 8 т. — Т. 3. — М., 1984. — С. 8—450.
5. Вестник Южных железных дорог. — 1911, № 19.
6. Макаренко А.С. Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе // Педагогические соч. в 8 т. — Т. 4. — С. 180—203.

*Наукові записки кафедри педагогіки
Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. —
Випуск XVII. — Харків, 2006.*

А.С. МАКАРЕНКО И ТЕАТР

Несмотря на то, что в последние десятилетия, благодаря усилиям макаренковедов многих стран, но прежде всего Германии, России и Украины, Макаренко открылся как человек и как личность в совершенно новом человеческом облике, его внутренний мир как интеллигента, как передового человека своего времени раскрыт далеко не в полной мере. В его художественных произведениях, педагогических сочинениях, выступлениях, письмах впечатляет богатство духовного мира, высокий уровень образованности и культуры. В них встречаются десятки и сотни имен философов, ученых, писателей, художников, музыкантов, множество ссылок на произведения литературы, живописи, драматургии, музыки. Это большая и интересная тема, которая нуждается в специальном исследовании. Мы коснемся только одного ее аспекта — Макаренко и театр, который играл особую роль и в его личной жизни, и в его педагогической деятельности. На эту тему написано немало, однако преимущественно театр рассматривается как средство воспитания в колонии имени Горького и в коммуне имени Дзержинского.

Макаренко очень любил театр и при первой возможности посещал спектакли в Киеве, Харькове, Москве, Ленинграде. По свидетельству брата, он еще до революции в свободное от работы время специально ездил в Киев, чтобы побывать в театре. Общеизвестны его дружба с харьковскими театральными деятелями В. Петровым и А. Крамо-

вым, шефские связи коммуны имени Дзержинского с театром русской драмы. Бывая в Москве, он в первую очередь приобретал билеты в театры, о чем свидетельствуют его записные книжки и письма. Так, в записной книжке № 7 есть такая запись: «Не будет номера (в гостинице — И.Г.), пристроимся где-нибудь у знакомых. Во всяком случае, имею билеты в театры еще до 10 февраля» [1, с. 74]. Посещение театра было для него радостным и торжественным событием, на которое он настраивался, как на праздник. «В театр ходить без билета, — писал он одной корреспондентке, — абсолютно не выношу, люблю «наоборот» иметь в кармане билет 2 или 3 ряда партера» [1, с. 74]. В его письмах встречаются довольно пространственные отзывы о просмотренных пьесах, которые дают представление об эстетических вкусах автора и театре того времени. Так, в письме жене от 17.XI.1927 года он так выразительно описывает спектакль в театре Мейерхольда, что создается полное впечатление не только о содержании пьесы, но и о Мейерхольде как о режиссере-новаторе. «Вчера удрал с заседания к Мейерхольду. «Окно в Европу» Петра Великого подсказало ему идею «Окна в деревню». Пьеса ни пьеса, хроника ни хроника, что-то совершенно особенное, великолепное, насыщенное человеческим гением. Над сценой экран, на сцене чередуются все предметы крестьянского инвентаря, даже трактор. На сцене молотба, ярмарка, свадьба, коллектив, проводы в армию, возвращение из армии, пляска, убийство, комсомол, что хочешь, а на экране в одно и то же время еще больше: машины, машины, колеса, ремни, опять какие-то рычаги, все это в страшном движении, пересыпано лозунгами, призывами, цитатами из Ленина и портретами Ленина, парад Красной армии, работа трактора, Волховстрой, Днепрострой.

Я позавидовал своему собственному настроению. Так, как у Мейерхольда, с таким радостным подъемом, с такой бушующей верой в удачу должна бы проходить наша сегодняшняя жизнь. Правда, крестьяне у него чистенько одеты, добродетельны, доброжелательны и полны энергии.

Черт его дери, разве это плохо? У Мейерхольда хорошо помечтать» [2, с. 26].

Такое конкретное описание спектакля, которое дает наглядное представление о своеобразии режиссуры Мейерхольда, редко встречается в существующей литературе по истории русского театра.

Когда Макаренко решил уйти из органов НКВД и заняться литературной деятельностью, то часто бывал в Москве в Союзе писателей, в журналах, а также в различных учреждениях наркомпроса (решался вопрос о его трудоустройстве и жилье). Несмотря на бытовую неустроенность, хлопоты и ежедневную суету, он посещал театры. Постоянным его спутником был пасынок Лева (сын жены), который в это время учился в Москве. Сведения о посещении театров содержатся во многих письмах жене — Галине Стахивевне. Вот некоторые из них.

«Только что пришел с Левой из столовой в гостиницу. В кармане у нас билеты на «Блоху» [5, с. 7].

«Блоха» — инсценировка Е. Замятина рассказа Лескова.

«Сейчас с Левой идем в Большой театр: «Князь Игорь». Вчера Лева от «Блохи» был в восторге. Завтра днем «Синяя птица», а вечером в Камерном «Сирокко» [5, с. 11].

«Синяя птица» — пьеса бельгийского драматурга Меттерлинка, «Сирокко» — музыкальная комедия по рассказу советского писателя Андрея Соболя.

«Сегодня я целый день гуляю с Левой. Он зашел ко мне с утра, сходили в Третьяковку, потом пообедали у Филиппова... После этого мы идем к Вахтангову на «Турандот» [5, с. 204].

«Сегодня ко мне заходил Левка. Завтра мы идем к Мейерхольду на «Свадьбу Кречинского. Один я в театр не хожу» [5, с. 214].

В последний приезд в Харьков, за месяц до смерти, он посетил театр русской драмы и просмотрел два спектакля. «Вчера был в театре русской драмы, — писал он жене. — «Генконсул» — самая неприкрытая агитка... с Кононенками [на следующий день — М., И. Г.] идем тоже к Крамову

на просмотр новой пьесы «Доля поэта», в которой Крамов играет Шевченко» [5, с. 269].

Крамов А.Г. — главный режиссер театра. «Доля поэта» — пьеса украинского поэта и драматурга Саввы Головановского.

В письмах встречаются краткие отзывы Макаренко о просмотренных пьесах. Один из них — на спектакль Мейерхольда «Окно в деревню» мы приводили. Они позволяют сделать вывод о том, что Макаренко высоко ценил классику, положительно оценивал новации Мейерхольда и не воспринимал примитивные политические агитки. «Я вот видел в Камерном, — писал он жене 22. 09. 1933 года, — «Укрощение мистера Робинзона», ничего бесталаннее, глупее и беззубее нельзя представить» [5, с. 212]. Подобное впечатление вызвала, как отмечено выше, «неприкрытая агитка» харьковского театра «Генконсул».

Особое пристрастие питал Макаренко к опере: «И оперу очень люблю: не камерную, а настоящую, с парчой, с оркестром в 90 человек, с бутафорией и плохой игрой», — писал он той же корреспондентке. В библиотеке Мемориального музея г. Кременчуга хранятся 44 театральные программки оперных спектаклей, которые он посетил. Складывается впечатление, что он прослушал весь оперный репертуар театров 30-х годов. Среди них русские оперы — «Садко», «Снегурочка», «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова, «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин», «Мазепа», балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик» Чайковского, «Борис Годунов» Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина, «Демон» Рубинштейна; западные — «Кармен» Бизе, «Свадьба Фигаро» Моцарта, «Гибель богов» Вагнера, «Трубадуры» Обри, «Фауст» Гуно, «Травиата» Верди, «Севильский цирюльник» Россини и др. Есть в библиотеке биографические очерки, статьи и исследования, посвященные композиторам, которые свидетельствуют о том, что Макаренко проявлял углубленный интерес к их жизни и творчеству. Например: «Борис Годунов». Статьи и исследования», «Избранные

статьи» Р. Вагнера, «Николай Андреевич Римский-Корсаков. Очерк его музыкальной деятельности», «Михаил Иванович Глинка. Очерк его жизни и деятельности» Н. Финдейзена, «Моцарт. Краткий очерк жизни и творчества» Ю. Кремлева и др.

Несомненный интерес представляет деятельность Макаренко в качестве режиссера самодеятельных театров сначала в Драматическом кружке имени Короленко в Крюкове, а затем в колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского. Отбор пьес для постановки, трактовка их дают дополнительные данные для характеристики идейно-эстетических взглядов Макаренко.

О деятельности театра в кружке имени Короленко впервые обстоятельно рассказал Виталий Семенович в воспоминаниях «Мой брат Антон Семенович.» В драматический кружок имени Короленко, существовавший в трудное время 1917—1919 гг., входили, кроме братьев Макаренко, представители местной интеллигенции — педагоги различных школ, врачи, железнодорожные служащие. Административным директором кружка и главным режиссером был Антон Семенович, который отвечал за все (в качестве артиста он выступал только один раз, так как большая близорукость мешала ему ориентироваться на сцене). За два года коллектив поставил около 12 спектаклей, в том числе «Касатка» и «Кукушкины слезы» А. Толстого, «Дядя Ваня» и «Вишневый сад» Чехова, «Женитьба» Гоголя, «Осенние скрипки» Сургучева. Кроме того, были поставлены почти все одноактные пьесы Чехова: «Юбилей», «Медведь», «Предложение», «Трагик поневоле». Следует отметить, что все эти пьесы в то время составляли основное ядро репертуара всех российских театров. «Театр был набит публикой до отказа, — пишет Виталий Семенович, — и мы пожинали заслуженные или незаслуженные лавры. Перед спектаклем все артисты хором исполняли «Интернационал». Во всяком случае успех был полнейший, успех, который окрылял нас для последующих постановок» [3, с. 64].

Опыт режиссера приобретенный в Крюкове, пригодился Макаренко в колонии имени Горького. На основе драмкружка здесь сформировался самостоятельный театр, который стал очагом культуры для целой округи. Деятельности театра в «Педагогической поэме» посвящена глава под названием «Театр». «За зимний сезон, — пишет Макаренко, — мы ставили около сорока пьес, и в то же время мы никогда не гонялись за каким-то клубным облегчением и ставили только самые серьезные большие пьесы в четыре — пять актов, повторяя обычно репертуар столичных театров. Это было ни с чем не сравнимое нахальство, но, честное слово, это не было халтурой» [4, с. 190].

Что же представлял собой репертуар театра? «Пьесы ставили украинские и русские», — пишет Макаренко [4, с. 196]. На первом месте были украинские пьесы, и это вполне понятно, потому что и актеры, и зрители были украинцы. К сожалению, в «Педагогической поэме» не названы украинские авторы, пьесы которых исполнялись. Нет сомнения в том, что это были произведения Квитки-Основьяненко, Котляревского, Кропивницкого, Старицкого, Карпенко-Карого о жизни украинского села.

Из русской классики колонисты ставили «Ревизор» и «Женитьбу» Гоголя, «На дне» Горького. Постановка последней вызвала особый подъем, так как ее содержание волновало сердца вчерашних беспризорников — таких же босяков, как герои пьесы. Большим успехом пользовалась также пьеса «Блоха» по одноименному рассказу Лескова.

В соответствии с духом времени в репертуар театра вошли пьесы революционного содержания советских авторов: «Азеф» А. Толстого и П. Щеглова, «Бунт машин» А. Толстого, «Товарищ Семивзводный» В. Голичникова.

В коммуне имени Дзержинского театр освоил новый жанр — ревью сатирического и героического содержания. В одних высмеивались внешние враги, политические деятели Европы, в других славилась «новая жизнь в «Стране советов». Среди последних были также пьесы о жизни коммунаров, автором которых был Макаренко.

Таким образом, по сравнению с Драматическим кружком имени Короленко в репертуаре театра воспитательных учреждений, какими были колония имени Горького и коммуна имени Дзержинского произошли значительные изменения. Во-первых, первое место заняли украинские пьесы, во-вторых, исключены были пьесы на любовную тему (такие, как «Осенние скрипки» Сургучева), содержание которых не соответствовало моральным запросам исполнителей и зрителей. Одновременно в репертуар вошли пьесы современных советских авторов на актуальные темы политического характера. Эволюция репертуара, несомненно, отразила также эволюцию идейно-эстетических воззрений Макаренко.

Интерес Макаренко к театру был настолько велик, что он сделал попытку выступить в качестве драматурга. В литературном наследии А.С. Макаренко есть две пьесы, киносценарий и несколько драматических фрагментов, которые остались не замеченными критикой. В 1933 г. он написал и подал на всесоюзный конкурс пьесу «Мажор», которая была положительно оценена жюри конкурса и рекомендована к постановке. В 1934 г. пьесу прочитал Горький и посоветовал автору предложить ее Московскому Художественному театру, однако руководство театра ответило отказом, ссылаясь на сложность постановки. Пьеса посвящена жизни коммуны, при которой создается завод электроинструментов. В ней около 70 действующих лиц, большое количество массовых сцен, несколько сюжетных линий. Главная проблема — формирование коллектива в процессе социалистического строительства, рождение нового человека, борьба нового со старым.

В 1935 г. Макаренко написал вторую пьесу — «Ньютоновы кольца», которая сюжетно явилась продолжением первой: там — становление заводского коллектива, здесь — «величие и уверенность движения». В пьесе нет бывших беспризорников, ее герои — инженеры, начальники цехов, секретарь парторганизации, студенты-практиканты. В основе действия — производственный конфликт — борьба

с браком при обработке линз, — имеющий педагогический подтекст. Ньютоновы кольца — метафорический образ: это радужный ореол, появляющийся при наложении контрольной линзы на испытываемую. Идея пьесы может быть выражена словами Макаренко из его записной книжки: «В воспитании нужна такая же точность, как в производстве, до 1/100 мм». Эту пьесу также читал Горький и дал важные советы по ее улучшению. Несмотря на поддержку и творческую помощь великого писателя, и эта пьеса оказалась не востребованной. По нашему мнению, творческая неудача Макаренко объясняется двумя главными причинами. Во-первых, установка автора-педагога проследить длительный процесс эволюции сознания коллектива в рамках пьесы противоречила жанровым законам драматургии. А во-вторых, над писателем довлели догмы теории социалистического реализма, требовавшие показать и рождение нового человека в процессе социалистического строительства, и перевоспитание старой интеллигенции, и руководящую роль партии, и поиски затаившихся классовых врагов, что делало пьесы рыхлыми, многолюдными и чрезмерно заидеологизированными.

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что театр как вид искусства доставлял Макаренко эстетическое наслаждение и вместе с тем оказывал положительное влияние на его творческую практику как писателя и педагога, о чем свидетельствует его лучшее произведение — «Педагогическая поэма».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935—1937 гг.). — Марбург, 2000. — 200 с.
2. Макаренко А.С. «Ты научила меня плакать...» Переписка А.С. Макаренко с женой (1927—1939). В двух томах. — Т. 1 [Составители: Г. Хиллиг, М. Быблук, С. Невская и др.]. — М., 1994. — 216 с.

3. Макаренко В. Мой брат Антон Семенович. Воспоминания, письма. — Марбург 1985. — 201 с.
4. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. Собр. соч. в 8-и тт. — Т. 3. — М.: Педагогика, 1984. — 475 с.
5. Макаренко А.С. «Ты научила меня плакать...» Переписка А.С. Макаренко с женой (1927—1939). В двух томах. — Т. 2 [Составители: Г. Хиллиг, М. Быблюк, С. Невская и др.]. — М., 1995. — 292 с.

*Наукові записки Харківського національного
педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди.
Серія літературознавство. —
Випуск 2 (54), 2008.*

А.С. МАКАРЕНКО И УКРАИНА

Несмотря на то, что проблема «Макаренко и Украина» привлекала внимание макаренковедов, однако она до сих пор остается недостаточно изученной. Эта проблема имеет много аспектов, мы же выделим три, с нашей точки зрения, наиболее важные: национальная идентификация Макаренко, Макаренко и украинская национальная идея, Макаренко в оценке современной педагогической науки в Украине.

Проблему национальной идентификации впервые поставил и обстоятельно исследовал Г. Хиллиг, опубликовавший ряд архивных документов, в которых Макаренко говорит о своей национальности. Так, в анкете при поступлении на службу в НКВД значится: национальность — украинец, родной язык — русский. В анкете, представленной в Союз советских писателей, в соответствующих графах он пишет: русский. Вполне возможно, что эта двойственность обусловлена генеалогией Макаренко: отец его Семен Григорьевич был украинцем, а мать Татьяна Михайловна — русская, из обедневшей дворянской семьи. Однако и она, живя в Украине, в украинской среде, основательно «украинизировалась». Брат Макаренко Виталий Семенович в своих воспоминаниях, подчеркивая ее русское происхождение, вместе с тем пишет: «Мама была шутницей, вся пропитанная украинским юмором» [1, с. 31]. В сознании Антона Семеновича сочетались два начала — украинское и русское. Украинское шло от глубинных корней народа, среди

которого он рос и формировался как личность. Оно выражено в языке, менталитете, юморе, приверженности определенным народным традициям. Читая «Педагогическую поэму», нельзя не почувствовать, что ее автор — украинец, так же точно как в повестях Гоголя ощутимо проявляется украинское происхождение их автора. Как бы ни были образованы авторы, как бы далеко они ни ушли от народной почвы в своем духовном развитии, особый национальный «акцент» в их языке остается. Русское начало формировалось российской культурой — школа, литература, театр, печать, — которая доминировала на Украине, и которую Макаренко впитывал с юных лет. Достаточно прочитать его своеобразную исповедь «Вместо коллоквиума» [3], чтобы убедиться в том, что русская культура не просто оказала влияние на его развитие, но стала фундаментом его духовного мира. Двуязычие — очень распространенное явление в мире, когда люди в силу жизненных обстоятельств синтезируют в своем сознании особенности языка, культуры и менталитета двух народов. В научной литературе сделан вывод о том, что Макаренко был русскоязычным украинским писателем. Это с полным основанием можно сказать и о Макаренко-педагоге: он был русскоязычным украинским педагогом.

Вопрос о том, в какой мере владел Макаренко украинским языком, специально изучал Г. Хиллиг с группой помощников. Результаты исследования опубликованы в издании «Страдания «украинизированного» завкола» [5], в котором воспроизведены 24 документа, написанные Макаренко на украинском языке, и сделан их текстологический анализ. «Основной целью данного издания, — писал Г. Хиллиг, — является полное воспроизведение... писем Макаренко и, таким образом, расширение нашего представления о его творчестве, а также анализ степени владения им украинским языком» [5, с. VI]. Публикации представляют собой деловые письма, адресованные в различные государственные органы и общественные организации, преимущественно хозяйственного содержания.

Заметим сразу: этот материал совершенно недостаточен, чтобы делать вывод о владении педагогом украинским языком. При решении этого вопроса нельзя оставить без внимания его литературные произведения — «Педагогическую поэму» и «Флаги на башнях». Какой же вывод сделал исследователь? «Анализ позволяет сделать вывод, — пишет он, — что Макаренко через год после вынужденной «украинизации» деловой переписки колонии им. М. Горького знал украинский язык соответственно уровню его способностей и образования. Следует, однако, подчеркнуть, что чувство этого языка было у него недостаточно развито» [5, с. 216]. С таким выводом нельзя согласиться, во-первых, потому, что важнейшим фактором познания украинского языка было у Макаренко не образование, не способности, а реальная жизнь среди народа, в украиноязычной среде. «Педагогическая поэма» свидетельствует о его удивительном чувстве языка, которое, очевидно, трудно уловить иноязычному исследователю. Современные украинские исследователи показывают, как широко он использует в произведении ресурсы общенародного языка, отражающие менталитет народа: просторечия, идиомы, пословицы, поговорки, песни, юмор. «Педагогическая поэма», — пишут они, — настолько проникнута национальным духом, что вырывать ее из украинского историко-культурного контекста... совершенно неправомерно» [6, с. 139].

Предметом изучения Г. Хиллига является деловая переписка Макаренко, относящаяся к 1924—1925 годам, ко времени первой волны украинизации, начавшейся в 1923 году. Однако к этому времени деловой украинский язык как разновидность общенародной речи только формировался, так как необходимость в нем возникла только после Октябрьской революции. Деловая переписка велась с ориентацией на русские образцы, оригинальные каноны только вырабатывались, поэтому категорически судить о грамматических и стилистических ошибках вряд ли корректно. Не случайно в языковом анализе документов автор опирается на словари, вышедшие после 1925 года и на словарь Б. Гринченко.

В перечне источников фигурирует только один словарь, близкий по времени, изданный в 1925 году: Уманець М. і А. Спілка (М. Комарь). Словарь російсько-український. Харків, 1925. Даже в названии этого словаря отразились нормы тех лет, которые с точки зрения современной лексикологии могут квалифицироваться как ошибки. В отношении украинского языка вывод может быть только таким: 1) Макаренко считал украинский язык своим родным языком; 2) он хорошо знал народный украинский язык и широко использовал его ресурсы в художественных произведениях; 3) писателю-педагогу было присуще ярко выраженное чувство родного языка, которое проявлялось в воссоздании типических образов украинцев (Калина Иванович, Карабанов, Братченко, Отченаш и др.), а также в использовании народной речи и фольклора.

Об украинском языке и об отношении к нему Антона Семеновича есть любопытные суждения брата Виталия Семеновича в его воспоминаниях. Трудно понять причины, по которым он открыто отрешивается от своих украинских корней, крайне резко осуждает все украинское и подобные взгляды приписывает брату. Вот некоторые из его изречений: «...Несмотря на свое украинское происхождение, Антон был 100% русским» [1, с. 79]; «...этот ужасный искусственный украинский язык, который я ненавижу так же, как Антон» [1, с. 89]; «За всю мою жизнь в России я не держал в руках ни одной украинской книги, да и Антон не держал» [1, с. 155]. О сомнительности последнего утверждения свидетельствует информация, которую сам он дает в этих же воспоминаниях: Антон читал Грушевского, Костомарова, Яворницкого, Шевченко и других украинских авторов. Об абсурдности же подобных суждений в целом можно судить на основании следующего его заявления: «На украинском языке никто не говорил ни в Крюкове, ни во всей Украине, даже при Петлюре» [1, с. 155]. Виталий Семенович представляет дело так, что в Крюкове — типичном украинском провинциальном городке — никто не говорил по-украински: «на украинском языке говорили только крестьяне»,

«...у нас дома, если произносили украинское слово, то случайно, в шутку», «мама и подавно не знала «украинской мовы» и т. д. И в то же время он дает подсознательно такую информацию, которая опровергает сказанное. «Мама, — пишет он, — была шутница, вся пропитанная украинским юмором» [1, с. 31]. Самые близкие друзья их семьи — Чернышевы — оказывается, говорили только по-украински: «Вся семья была на редкость патриархальной и дружной. Из всех наших знакомых это были наши самые близкие друзья. Г-жа Чернышева была моей крестной матерью. Их семья говорила на украинском языке (но не была самостоятельными-сепаратистами)» [1, с. 117].

Все эти факты свидетельствуют о том, что нельзя относиться с доверием к тому, что пишет Виталий Семенович по «национальному вопросу». Это свое ничем не оправданное негативное отношение к Украине он приписывает и своему брату. Однако у самого Антона Семеновича подобные высказывания не встречаются ни в письмах, ни в статьях.

Западные педагоги воспринимали Макаренко как представителя страны, которую называли Россией, Украины они не знали, поэтому называли его российским педагогом. Так, немецкий профессор педагогики Г. Нооль в 1950 году писал: «Можно только позавидовать русскому народу, который владеет таким богатством, как «Педагогическая поэма». Она пробуждает педагогические инстинкты у каждого читателя. Эту книгу у нас будут читать с величайшим интересом, будут полемизировать о ней, потому что в ней заключено много больше, чем одна лишь теория воспитания беспризорных» [2]. Нет сомнения в том, что в XXI веке уважаемый профессор сказал бы: «Можно позавидовать украинскому народу», и это было бы правильно. Так, по нашему мнению, должна решаться проблема национальной идентичности Макаренко.

Второй важный аспект проблемы «Макаренко и Украина», вызывающий дискуссии и противоречивые суждения украинских педагогов, — это Макаренко и национальная идея. В условиях, когда Украина обрела независимость, ста-

ла суверенным государством, некоторые украинские идеологи склонны расценивать наследие украинских деятелей культуры, в том числе и Макаренко, в свете его значения в борьбе за национальную независимость. Их концепция была сформулирована известными учеными Петром Кононенко, Анатолием Погрибным, Юрием Руденко и другими. Вот что они писали (приводим в оригинале): «Для нормальної і здорової людини поняттями першої величини є лише Бог і Батьківщина. І саме залежно від того, як той чи інший педагог своєю творчістю утверджував Добро на Землі, як він відстоював національні права рідного народу та як боровся за незалежність України, як дбав про виховання тих, котрі були б віддані їй душею і тілом, ми його й оцінюємо. Стосується це й Антона Макаренка, і Василя Сухомлинського, і Григорія Вашенка, і всіх-всіх інших» [4].

Суть их концепции выражена в словах: «як той чи інший педагог своєю творчістю утверджував Добро на Землі, як він відстоював національні права рідного народу та як боровся за незалежність України». Главным критерием оценки наследия, безусловно, является то, что оно утверждает — Добро или Зло. Это универсальный, общечеловеческий критерий, который определяет и национальную значимость его. Думается, что в своих размышлениях о значимости духовного наследия деятелей культуры авторы пропустили очень важное звено — человек. Ведь не случайно в Библии сказано: «Аще кто рече, яко любит Бога, а брата своего ненавидит, — ложь есть». Что касается участия тех или иных деятелей в национально-освободительном движении или решения иных национальных проблем, то нельзя не учитывать конкретную социально-политическую обстановку, в которой они жили. За независимость Украины открыто не боролись представители старшего поколения украинской интеллигенции — ученые, писатели, деятели искусства, потому что в условиях советской власти это было самоубийством. Они работали на Украину, на ее будущее, вселяя народу веру в его творческие силы, в его национальную самобытность и идентичность. Вот почему

мы чтим Павла Тычину, Максима Рыльского, Владимира Сосюру и многих других, несмотря на то, что они национальную идею не только не афишировали, но даже отрекались от нее. Если перечитать историю украинской советской литературы, монографии, посвященные творчеству писателей того времени, то нетрудно увидеть, что борьба против национализма была одной из ведущих тем. Украинские националисты в романах, пьесах и стихах представлялись злейшими врагами народа, о сочувственном отношении к ним и речи быть не могло. Позиция Макаренко как писателя и общественного деятеля была аналогичной.

Следует прямо сказать, что национальная идея, проблема национальной независимости Украины не занимала Макаренко. Более того, он, подобно названным писателям, осуждал националистов-самостийников и изображал их в негативном свете. Наиболее острое суждение Макаренко на национальную тему, содержащееся в «Педагогической поэме», заслуживает особого внимания, так как может дать повод современным «украинским патриотам» обвинить писателя в антиукраинских настроениях и неуважительном отношении к Шевченко.

В произведении есть такая характеристика воспитателя Дерюченко: «Дерюченко был ясен, как телеграфный столб: это был петлюровец. Он «не знал» русского языка, украсил все помещение дешевыми портретами Шевченко и немедленно приступил к единственному делу, на которое был способен, — к пению «украинских писэнь» [11, с. 147]».

В первом издании «Поэмы» после этого абзаца следовал фрагмент, исключенный Макаренко в последующих изданиях. Приведем его полностью:

«Для тогдашних петлюровцев Шевченко был наиболее удобной дымовой завесой в деле прикрытия настоящей физиономии. Культ Шевченко никакого отношения не имел к социальному содержанию его творчества. Тексты Шевченко были для петлюровца чем-то наподобие текстов священного писания. Они воспринимались без всякой критики и даже без всякого участия мысли, как священной-

шие крупинки украинской идеи, как символы украинской державности и как память о великих временах гетманов и козарлюг.

Дерюченко целыми днями старался приспособить ребят к «пению украинских писэнь» и к созерцанию портретов Шевченко. И жизнь самого Дерюченко, и жизнь всего человечества представлялись годными только для подготовки к величайшему мировому празднику — 26 февраля, «роковым» рождения и смерти Тараса. К этому дню приобретались новые портреты, разучивались новые песни, и в особенности разучивался национальный гимн, легально заменивший «Ще не вмерла Украина», — так называемый «Заповит», который распевался с страшными выражениями физиономий и с дрожью баритонов, а сильнее всего в словах:

И вражою злою кровью
Волю окропите.

Я прекрасно понимал, что злая кровь — это вовсе не кровь помещиков или буржуев, нет, это кровь москалей и таких ренегатов, как я.

Колонистам некогда было разбираться в сущности петлюровских симфоний. Побаиваясь наших сводных, они работали до вечера, а вечером разбегались по саду, и молебны, посвященные равноапостольному Шевченко, распевались самим Дерюченко, двумя-тремя мельничными и гостями с Гончаровки» [11, с. 460].

Здесь важны два момента: отношение Макаренко к Петлюре и отношение к Шевченко. С Петлюрой все ясно: он воспринимался писателем в духе господствовавшей в стране оценки его как политического деятеля: Петлюра — националист, предатель, враг украинского народа. По-другому, открыто в то время оценивать Петлюру не мог никто.

Теперь о Шевченко. Украинские националисты, подобные Дерюченко, не только сделали имя Шевченко знаменем в своей борьбе за самостоятельность Украины, но использовали его творчество для разжигания русофобии, нагнетания ненависти к «москалям». С особым пафосом

и «дрожью баритонов», по словам Макаренко, распевали они «Заповіт» Шевченко, делая акцент на словах: «І вражою злою кров'ю Волю окропіте». Этим словам они придавали злобный антирусский подтекст, который не мог не возмущать его.

Макаренко не только не отождествляет Шевченко с националистами, но считает, что они извращают творчество великого поэта, поэтому прямо говорит, что культ Шевченко никакого отношения не имел к социальному содержанию его творчества. Имя, образ и творчество Шевченко используются ими в неблагоприятных целях.

Конечно, сейчас, после происшедших социально-политических изменений в Украине однозначно оценивать позицию Макаренко сложно, потому что украинская идея была и остается ключевой в исторической судьбе народа, а творчество Шевченко было духовной опорой в его борьбе за национальную независимость. Очевидно, Макаренко сам чувствовал сомнительность своей позиции и приведенное рассуждение о национализме и Шевченко изъясил из окончательного варианта текста «Поэмы».

Следует подчеркнуть, что главные основания для отрицательной характеристики Дерюченко — педагогические: он — бездарный воспитатель, способный только на пение украинских песен. В изъятom отрывке Макаренко фактически выходит за пределы художественного мира произведения и пытается комментировать сложнейшую политическую проблему, поэтому, почувствовав, надо полагать, неубедительность и спорность своей точки зрения, вычеркнул его. Можно говорить о недостаточной корректности некоторых высказываний Макаренко о Шевченко, однако обвинять его в неуважительном отношении к нему нет оснований.

Есть в биографии Макаренко один парадоксальный факт: гневно осуждая самостийников-петлюровцев, он до конца дней своих искренне дружил с человеком, который был видной фигурой в украинском национальном движении. Речь идет о Константине Семеновиче Кононен-

ко — бывшем члене Украинской Центральной Рады. Впервые факты о его жизни собрали Г. Хиллиг и В. Марочко и опубликовали в книге «Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко» [12]. В книгу вошли воспоминания Кононенко о Макаренко «Забыть его нельзя», написанные в 1940 году, стенограмма его выступления на заседании кафедры педагогики Харьковского педагогического института иностранных языков 25 ноября 1940 года, статья «Благородная жизнь», опубликованная в газете «Радянська освіта» 30.03.1941 г., а также сохранившаяся переписка.

Деятельность Кононенко была настолько заметной в истории Украины, что он вошел в эмигрантскую украинскую энциклопедию «Енциклопедія українознавства» (Париж — Нью-Йорк, 1959) как видный политический деятель и экономист. Его судьбу в советское время проследили Г. Хиллиг и В. Марочко и существенно дополнили биографические сведения, содержащиеся в энциклопедии. Кононенко родился в 1889 году в г. Рыльске и был на год моложе Макаренко. В 1916 году он окончил агрономическое отделение естественного факультета харьковского университета, в советское время занимал видные посты в системе Наркомзема, Наркомфина и Наркомпроса УССР. В 1930 году он был арестован по делу о так называемой «Контрреволюционной вредительской организации в сельском хозяйстве УССР» и приговорен к 8 годам лишения свободы. Однако, учитывая его авторитет как специалиста, заключение в тюрьме заменили принудительной работой в качестве экономиста в системе ГПУ УССР. Вначале он был направлен в трудовую коммуну ГПУ им. Балицкого в с. Ладын вблизи г. Прилуки, а в 1932 году переведен в харьковскую трудовую коммуну им. Дзержинского, где и состоялась его встреча с Макаренко.

С 1938 по 1941 годы Кононенко занимался педагогической деятельностью в разных учебных заведениях г. Харькова, преподавал математику и химию в железнодорожной школе, в фармацевтическом институте, школе медсестер.

В период немецкой оккупации Харькова служил в земельной управе, а в 1943 году эмигрировал в Германию. После войны жил в Мюнхене, занимался научной деятельностью и принимал активное участие в жизни украинской эмиграции. Здесь он опубликовал книгу «Аграрна політика більшовиків» и множество статей по проблемам социально-экономического развития СССР. С 1949 по 1951 годы возглавлял редакцию еженедельника «Український самостійник». В 1951 году переехал в США, где написал книгу «Україна і Росія. Соціально-економічні підстави національної ідеї». Умер в 1964 году в г. Бунтон, недалеко от Нью-Йорка.

Макаренко увидел в Кононенко разносторонне образованного человека, проявляющего большой интерес к художественной литературе, обладающего здоровым эстетическим вкусом, способного реалистически оценивать литературное творчество. Можно сказать, что он вдохновил Макаренко на написание «Педагогической поэмы». Об этом свидетельствует дарственная надпись на подаренном ему первом издании книги: «Константину, без нахальной настойчивости которого эта книга не существовала бы» [12, с. 9]. Его мнением Макаренко очень дорожил, и прежде чем посылать рукопись «Педагогической поэмы» в печать, давал ему на прочтение. В августе 1934 года, завершив вторую часть «Поэмы», он писал ему: «27-го думаю выехать в Москву. Не знаю, заеду ли в Харьков».

Как бы это устроить, чтобы ты приехал обязательно, слышишь, непременно и обязательно. Лучше было бы, чтобы ты приехал дня на два. Пожалуйста, приезжай, слышишь, обязательно приезжай, а то мне страшно будет посылать поэму, неп прочитанную тобой» [12, с. 10].

Их сближали литературные интересы (Кононенко тоже писал стихи, сказки для детей и просил Макаренко высказывать критические замечания), педагогические проблемы и, очевидно, взгляды на жизнь. Тем более, что в их жизненных судьбах было немало общего: оба выходцы из демократической среды (отец Кононенко — служащий в провинци-

альном городке), в Первой мировой войне не участвовали, позиции большевиков не разделяли, у того и другого был брат — белый офицер. Кстати, три брата и сестра Кононенко были репрессированы в 1930 году. В их переписке чувствуется жажда общения, которая бывает у очень близких по духу людей. Вот несколько отрывков из их писем.

«Все-таки я приеду, черт возьми, в Харьков и наговорюсь с вами (имеются в виду Кононенко и его жена — М.Г.) аж до обалдения. Об этом мечтаю, как о празднике. Мечтаю и все», — писал Макаренко из Киева 22.10. 1935 года [12, с. 17].

Из письма Кононенко от 23.01.1939 г.: «Не думай, что я это посчитал за «зазнайство» или обиделся на тебя, а просто я подумал, что после длительных бесед и обстоятельного обмена мыслями всякое письмо будет казаться бледным» [12, с. 53].

В письме от 7.02.1939 г. Кононенко приглашает Макаренко приехать в Харьков и опять подчеркивает желание поговорить с ним: «Доставь мне удовольствие поговорить» [12, с. 55].

Наиболее точно характеризуют их отношения следующие слова Кононенко: «Я любил моего Антона так, как можно любить только самого близкого и родного человека, как друга в самом лучшем и полном понимании слова «дружба» [12, с. 25].

Совершенно очевидно, что говорили они не только о литературе и вряд ли обходили вниманием украинскую тему. Узнать это невозможно, однако факт остается фактом: «ярый враг» самостийников считал своим ближайшим другом убежденного самостийника, бывшего члена Центральной Рады и будущего редактора националистической газеты «Український самостійник».

Это свидетельствует о том, что в жизни Макаренко мог вполне терпимо, с пониманием относиться к истинным патриотам Украины. Напрашивается и второй вывод: в то время малейшие симпатии к национальному вопросу вызывали такую жестокую реакцию со стороны власти, что

Макаренко, как и все украинские писатели, вынужден был демонстративно отрещиваться от национальной идеи, клеймить «буржуазных националистов» как предателей украинского народа. Подобные проклятия адресовали националистам все выжившие в условиях сталинского режима украинские писатели, в том числе П. Тычина, М. Рильский, Н. Бажан, В. Сосюра и др.

Третий аспект рассматриваемой проблемы — оценка наследия педагога педагогической общественностью Украины. Весь мир говорит о Макаренко, во многих странах созданы научные центры макаренковедения, существует Мировая макаренковская ассоциация, а в Украине ученые-педагоги еще спорят о значимости его педагогического наследия. Полтава проводит международную научную конференцию под девизом: «А.С. Макаренко — великий педагог XX-го века», а в Киеве его осуждают за отсутствие украинского патриотизма, за работу в системе НКВД. Показательный факт: Академия педагогических наук заменяет название Украинского педагогического общества «имени Макаренко» на «имени Вашенко» — совершенно неизвестного украинской общественности педагога. Такое отношение к Макаренко вызвало в обществе соответствующий резонанс. В Харькове «переместили», а фактически снесли памятник Макаренко одновременно с памятником в честь провозглашения советской власти в Украине как символы советской эпохи. В двух справочных изданиях «Сто знаменитых людей Украины», вышедших в Киеве и в Харькове и составленных разными авторами, Макаренко нет, но есть Петр Порошенко, Руслана Лыжичко, Святослав Вакарчук и другие современные деятели, не успевшие еще в должной мере проявить себя. К слову говоря, нет и Василия Сухомлинского. Даже в таком локальном издании, как «100 знаменитых харьковчан», Макаренко тоже отсутствует. Это издание подготовлено журналистами видеоканала «Первая столица», который давно специализируется на дискредитации великого педагога. А авторы «Історії України» Ю. Мацюк и А. Бажан обвинили Макаренко

даже в великодержавном шовинизме. «Російська інтелігенція, — пишуть вони, — виявилася настільки просякнутою великодержавно-шовіністичним духом, що за винятком В. Маяковського, який підтримував «українізацію» («білорусізацію» тощо). Зате більше ніж достатньо було тих, хто виступав проти «українізації», наприклад, письменники М. Горький, Ф. Гладков, «великий» педагог А. Макаренко та ін.» [9, с. 61].

Довольно розпространено в Україні протипоставлені Макаренко В.А. Сухомлинському і Г.Г. Вашенко, котрі, вважають деякі, стояли вище Макаренко по кардинальним проблемам педагогіки. Так, уже стало общим местом обвинять Макаренко в том, що він якби предпочитав колективу, а Сухомлинський — особистості, що його колективистська педагогіка служила тоталітарному режиму, а педагогіка Сухомлинського відображала общечеловеческие гуманістическіє цінності. Однак поняття особистості і колектива настільки взаємозв'язані в теорії і практиці обох педагогів, що їх розділити неможливо. І Макаренко, і Сухомлинський розглядали особистість як втілення колективистських початків, а колектив як сукупність особистостей. Опоненти Макаренко не уявляють того, що ці педагоги жили в різне час, що в їх педагогічних теоріях є різниця в конкретних формах і методах виховання, але гуманістическа, людська сутність єдина. Сухомлинський працював з дітьми, жившими в нормальних домашніх умовах, але подібно Макаренко, він не представляв особистість поза колективом. Як відомо, він висловив своє ставлення до Макаренко в статті «Йти вперед», яка була опублікована в 1989 році, після його смерті [7]. «Немає іншого педагога-практика, — писав він, — якого б я так любив і шанував, як А.С. Макаренко...» [7, с. 348]. Історія появи цієї статті така. До неї Сухомлинський почав публікувати в журналі «Советская педагогіка» велику статтю «Про комуністическе виховання», яку деякі педагоги сприйняли як відмова від принципів педагогіки Макаренко, вважався

единственно правильной и соответствующей задачам коммунистического воспитания. С этим Сухомлинский не мог согласиться, и в вопрос о своем отношении к Макаренко решил внести ясность статьёй «Идти вперёд». Высоко ценя Макаренко как педагога, он вместе с тем считал, что отдельные его теоретические положения устарели. Главное своё внимание он сосредоточил на проблеме личности и коллектива. Приведя слова Макаренко о том, что коллектив должен стать «первой целью нашего воспитания», он заявляет: «Я глубоко убеждён, что цель коммунистического воспитания — человек, а коллектив — лишь средство в достижении этой цели». Современные педагоги разобрались в том, что было справедливым и несправедливым в позиции Сухомлинского, о чём свидетельствует коллективный сборник статей «Этюды о Сухомлинском. Педагогические апокрифы», вышедший в 2008 году. «Мне очень больно, — пишет Я.С. Турбовской, — что Василий Александрович не понял в этом Макаренко, не увидел, что коллектив ему нужен был не сам по себе и даже не как средство воспитания, а как единственная педагогически значимая возможность служить личности, способность её сформировать. И ничему другому» [14, с. 366].

Вместе с тем нельзя не согласиться с замечанием Сухомлинского о том, что Макаренко часто придаёт коллективу социологическое значение: «Механическое перенесение функции коллектива из сферы общественно-политической в сферу педагогическую превращает коллектив в некую грозную силу, стоящую над винтиком — личностью» [7, с. 351]. Такой чрезмерно социологизированный коллектив изображен Макаренко в повести «Флаги на башнях» как идеальный. «Вся воспитательная система в колонии, — пишут исследователи повести, — поставлена так, чтобы воплотить в жизнь принципы советского общества, поэтому дети не живут своей естественной жизнью, а играют в надуманную игру, подражая взрослым. Непременные атрибуты жизни коллектива — строй, знамя, сигналы, соревнование, трудовой энтузиазм, комсомол. Даже общаясь между собой,

они называют друг друга не по имени, а официально, как взрослые: товарищ Гальченко, товарищ Бегунок» [6, с. 173]. Однако нельзя не учитывать того, что это произведение создавалось в условиях невиданного политического давления на литературу, а также то, что жесткие требования коллективности объяснялись суровой педагогической практикой воспитания беспризорных и правонарушителей — людей с крайне индивидуалистической моралью, совершенно лишенных здоровых коллективистских задатков.

В Украине статья Сухомлинского была опубликована в журнале «Рідна школа» только через 20 лет и была истолкована некоторыми учеными-педагогами как отказ от педагогической теории Макаренко. В 2006 году она была перепечатана в газете «Освіта» и тенденциозно прокомментирована А. Погрибным и Ю. Руденко. Как справедливо заметила О.В. Сухомлинская, они использовали позицию Василия Александровича «для агрессивной и во многом несправедливой критики Антона Семёновича» [6, с. 428].

В последнее время педагоги-теоретики стараются акцентировать свое внимание не на противопоставлении двух великих педагогов, а искать то, что сближало их. Нам представляется, что наиболее объективно освещена их роль в развитии теории и практики воспитания дочерью Сухомлинского Ольгой Васильевной, академиком Академии педагогических наук Украины: «Я считаю, — пишет она, — что это два великих, но разных педагога. У них есть очень много похожего, общего — и в биографиях, и в воспитательных системах. Но и не меньше в них различий. Да, они по-разному подходили к процессу воспитания, к ребенку, к коллективу, к окружающей среде. Они — разные. И так случилось, что Василий Александрович жил позже и имел возможность (даже временную) не соглашаться с некоторыми положениями А.С. Макаренко» [8, с. 428].

Как антипод Макаренко рассматривается некоторыми педагогами бывший профессор Полтавского педагогического института Г.Г. Ващенко. Следует прямо сказать, что противопоставление их имеет чисто политический харак-

тер. Одни вменяют ему в вину сотрудничество с немецкими оккупантами в годы Великой Отечественной войны и конъюнктурное отношение к Макаренко: в советское время — положительное, а в эмиграции — резко отрицательное [10]. Другие видят в Ващенко поборника украинской национальной идеи, борца за национальную независимость Украины [4]. Если же оценивать его деятельность объективно, то следует признать несомненные заслуги профессора в развитии украинской научно-методической мысли, в борьбе за национальные приоритеты в культуре, однако значимость его деятельности как педагога несоизмерима с деятельностью Макаренко. Совершенно очевидно, что наследие Ващенко — явление более узкого, регионального характера.

Отдельные педагоги не могут простить Макаренко то, что он служил в аппарате НКВД, считая его чуть ли не причастным к деяниям этого репрессивного органа. Странно, когда подобную точку зрения разделяют и некоторые ученые, которые должны глубоко вникать в суть дела, а не руководствоваться сведениями на бытовом уровне. А суть дела в том, что Макаренко, заведя колонией им. М. Горького, работал в системе наркомпроса, однако беспризорных детей было так много, что органы наркомпроса на местах не могли с ними справиться. Поэтому правительство Украины в 1926 году приняло постановление о передаче функции борьбы с беспризорщиной ГПУ, которое со временем было переименовано в НКВД. Все детские колонии Украины, в том числе и колония им. М. Горького в Куряже, были переподчинены Наркомату внутренних дел. Чекисты Украины решили открыть в столице Харькове образцовое воспитательное учреждение — детскую трудовую комму-ну, собрали деньги и начали ее быстрыми темпами строить. На должность заведующего был приглашен Макаренко, который как педагог пользовался большим авторитетом в работе с беспризорными. С октября 1927 года по сентябрь 1928 года он заведовал колонией и коммуной одновременно. После того, как его педагогику высокие педагогические

круги признали несоветской и добились его увольнения с должности заведующего колонией им. М. Горького, он остался работать в коммуне. Здесь он развил кипучую деятельность, и его талант педагога проявился в полной мере. Коммуна имени Ф. Дзержинского прославилась на весь мир, ее стремились посетить культурные и общественные деятели многих стран. Когда в 1934 году столица Украины была перенесена в Киев, а проблема беспризорных детей после голодомора 1933 года стала очень острой, власти решили поручить Макаренко организационно-воспитательную работу в масштабах республики и рекомендовали включить его в аппарат НКВД на должность заместителя начальника отдела трудовых колоний. Так беспартийный, с сомнительной репутацией (родной брат — бывший белый офицер, живет за границей) педагог стал сотрудником ведомства, которое обрело в народе негативную репутацию. Работа в аппарате НКВД пришлось Макаренко не по душе, так как он был оторван от живой педагогической деятельности, и он начал добиваться своего увольнения. Его служба в НКВД, продолжавшаяся с июля 1935 года по октябрь 1936, была связана только с детскими колониями, поэтому в его деятельности ничего компрометирующего не было. Адресуемые ему упреки по этой части совершенно безосновательны.

Педагогическая деятельность Макаренко проходила в сложных социально-политических условиях, когда в стране осуществлялся эксперимент всемирно-исторического значения по построению социализма — извечной мечты человечества. Это было время, когда на словах высшей ценностью провозглашался человек, а в то же время тоталитарная система путем массовых репрессий и голода подавляла личность, низводила ее до положения безликого винтика в чудовищной государственной машине. Педагогическая теория Макаренко питалась общечеловеческими гуманистическими идеалами и в то же время испытывала давление политической системы, поэтому в ней осязались идеологические наслоения времени. Педагоги мира отвергли в ней временное, наносное и по достоинству оценили

ее гуманистическую сущность. «Значение Макаренко в том, пишет американский педагог Джон Боуэн, — что он более энергично и страстно, чем многие из нас, попытался сделать мир более приспособленным местом для жизни. И мы на Западе... не можем не признать величия этого вклада» [13, с. 5]. Педагогическая теория Макаренко выдержала гуманистическую экспертизу времени, подтвердив незыблемый закон истории: что человечно — то вечно.

Макаренко — великий педагог XX века, который на основе обобщения социального опыта новой исторической эпохи обогатил педагогическую мысль новым видением человека и открыл универсальные законы его воспитания. Основой его педагогики является гуманистический принцип, выраженный в словах: как можно больше уважения к человеку и как можно больше требований к нему. Теоретическое наследие Макаренко стало достоянием общечеловеческой культуры, поэтому украинский народ может по праву гордиться своим сыном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко В. Мой брат Антон Семенович. Воспоминания, письма / [Составитель Гетц Хиллиг]. — Марбург, 1985. — 201 с.
2. Фрёзе Л. Достояние советской и мировой науки // Л. Фрёзе // Советская педагогика. — 1989. — № 4. — С. 143—146.
3. Макаренко А.С. Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения // А.С. Макаренко. Педагогические сочинения в восьми томах. — Т. 1. — М., Педагогика, 1983. — С. 8—11.
4. Вишневецький О., Кононенко Петро, Погрібний Анатолій та ін. Щодо вироку «трійки», або як та для чого з лупою слона досліджувати // Освіта України, 3 січня 2001.
5. Хиллиг Гётц. Страдания «украинизированного» завкола. — Марбург, 1996. — 244 с.
6. Гётманец М.Ф., Гётманец И.О. «Я — писатель Макаренко». — Харьков: Майдан, 2011. — 232 с.
7. Сухомлинский В.А. Идти вперед // Народное образование, 1989. — № 8. — С. 348—357.

8. Сухомлинская О.В. [Послесловие] // Этюды о Сухомлинском. Педагогические апокрифы. — Киев: Акта, 2008. — 430 с.
9. Мацюк Ю.А., Бажан О.Г. Історія України: посібник для вступників до вищих навчальних закладів. Ч. III. — К.: КМА, 2003. — 130 с.
10. Хиллиг Г., Н. Окса. Метаморфозы Г.Г. Ващенко. Дополнительные штрихи к портрету украинского ученого, которому не удалось выйти из тени А.С. Макаренко. — Марбург: Opuskula Makarenkiana, № 23, 2000. — 68 с.
11. Макаренко А.С. Педагогическая поэма // Педагогические сочинения в восьми томах. — Т. 3. — М., Педагогика, 1984. — 512 с.
12. Кононенко К.С. Свидетельства искренней дружбы. — Марбург, 1997. — 102 с.
13. Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире. 1939 — 2005 гг. — Н. Новгород, 2006. — 416 с.
14. Турбовской Я.С. Диалог через двадцать лет // Этюды о В.А. Сухомлинском. Педагогические апокрифы. — Киев: Акта, 2006. — С. 362—370.

*Педагогічна спадщина А.С. Макаренка і сучасність. —
Харків, 2013.*

А.С. МАКАРЕНКО И Н.А. СКРИПНИК

Н. А. Скрипник (1872—1933) с 1927-го по 1933 год был народным комиссаром просвещения Украины и по долгу службы занимался детскими воспитательными учреждениями. О Макаренко он, конечно, слышал, так как беспокойная, неординарная личность педагога-новатора не могла быть незамеченной. О нем писали газеты и журналы, а 14 марта 1928 г. состоялось резонансное заседание УНИИПа, на котором ученые мужи осудили его педагогическую систему как несоветскую и фактически наложили запрет на его деятельность в качестве заведующего колонией им. Горького в Куряже. В связи с ожидаемым приездом в Куряж Горького Макаренко оставался несколько месяцев в колонии, а после его отъезда перешел в коммуну им. Дзержинского. Нет сомнения в том, что его увольнение проходило с санкции наркома, так как события, связанные с Куряжской колонией и Макаренко, получили широкую огласку.

Проблема взаимоотношений Макаренко и Скрипника не привлекала должного внимания исследователей, хотя она, как говорится, лежит на поверхности. Макаренко, критикуя соцвос, несомненно, имел в виду и политику наркомата, однако в его статьях и выступлениях фамилия Скрипника не встречается. Это объясняется многими причинами, но прежде всего общественным положением и политической репутацией наркома, который в 1920-е годы был одним из самых авторитетных партийных лидеров

в Украине, слыл легендарной личностью. Скрипник относился к старшей когорте большевиков, соратников Ленина, которые руководили Октябрьским переворотом и были основателями советской власти. Вот только некоторые факты его биографии. Более 15 раз подвергался аресту, 7 раз осуждался на ссылку, один раз приговаривался к расстрелу, 6 раз совершал побег из мест заключения. В октябре 1917 года вместе со Сталиным входил в Военно-революционный комитет, руководивший восстанием. Во время гражданской войны он находился в центре событий на фронте и в тылу: был членом коллегии ВЧК, заведующим отделом по борьбе с контрреволюцией, начальником особых отделов Красной Армии. В 1921 году по рекомендации Ленина прибыл на Украину устанавливать советскую власть, принимал самое активное участие в политической, экономической и культурной жизни республики, занимал важные государственные посты: председатель СНК, нарком внутренних дел, генеральный прокурор, с 1927 по февраль 1933 года — нарком просвещения. Он был одним из организаторов Коммунистической партии Украины, членом ЦК ВКП(б), членом ЦК КП(б)У, членом исполкома Коминтерна, академиком Академий наук Украины и Белоруссии. По тому времени Скрипник был довольно образованным человеком: окончил реальное училище, учился в петербургском политехническом институте, состоял в редакциях ряда большевистских газет и журналов. В 1928—1931 годах было издано 5-томное собрание его сочинений.

Сталин, как известно, ревностно относился к старой гвардии большевиков и избавлялся от них. В начале 1930-х годов по команде из Москвы отношение к Скрипнику изменилось: начались обвинения в «извращении ленинизма», «националистических ошибках», «вредительстве в языковой политике». На пленумах ЦК КП(б)У требовали от него признания своих ошибок и каждый раз констатировали, что его объяснения неудовлетворительные.

В феврале 1933 года Скрипник был освобожден от должности наркома просвещения и назначен заместителем

председателя Совета народных комиссаров и председателем Госплана. Затравленный постоянными придирками и обвинениями, он 7 июля этого года в начале очередного заседания политбюро в своем рабочем кабинете застрелился. После его смерти политическая кампания против «скрипниковщины» стала открытой и еще более острой. На состоявшемся в октябре 1933 года объединенном пленуме ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У Скрипник был объявлен руководителем «нового националистического уклона в рядах партии», фактически врагом народа. Вскоре были изъяты его сочинения, а вместе с ними и его фамилия.

Мы так подробно привели факты биографии Скрипника, чтобы было ясно, почему его фамилия в выступлениях Макаренко не упоминается, хотя они в процессе работы соприкасались не раз. Критикуя соцвос, политику наркомпроса, Макаренко не мог называть имя «вождя» в силу его авторитета, а после его смерти о «врагах народа» вспоминать было не принято. Вместе с тем сохранился документ, в котором Скрипник открыто и в довольно резкой форме выразил свое отношение к деятельности Макаренко и его педагогической теории.

В 1932 году Детская трудовая колония им. Ф.Э. Дзержинского отмечала 5-летие со дня основания. Этому событию был приурочен выпуск книги «Второе рождение», подготовленный выездной бригадой газеты «Комсомольская правда». Книга открывалась обращением наркома НКВД (в то время ГПУ) Украины В.А. Балицкого ко всем сотрудникам ведомства с призывом оказывать постоянную помощь коммуне отчислением двух процентов заработной платы. Затем следовали: статья начальника коммуны А. Броневого «Пятилетие», хроника важнейших событий «Перевернутые страницы», «Конституция страны ФЭД» и другие материалы. Среди них выделялась статья теоретического характера Макаренко «Педагогижимают плечами». В ней отражен опыт многолетней практической деятельности Макаренко и изложены основные принципы его педагогической теории. Эта статья стала объектом критики Скрипника в его

докладе на заседании коллегии НКО 23 января 1933 г. по вопросу «О работе детской трудовой коммуны им. Ф. Дзержинского». На заседании присутствовал Макаренко, и Скрипник часто обращался непосредственно к нему.

Перед тем как приступить к анализу теоретических вопросов, которые рассматривал Скрипник, нельзя пройти мимо того, как он, представитель высшей власти в Украине, объяснял причины массовой беспризорщины. Действие происходит в начале 1933 года, в разгар голодомора, невиданной трагедии народа. Вымирают села, разрушаются семьи, каждому ясно, почему появляются беспризорные дети. А вот как объясняет это явление народный комиссар, большевик-ленинец Скрипник: «Одним из орудий, которые использует враг против нас, есть борьба детьми. Следует сказать, что сейчас чрезвычайно распространено такое явление, когда кулачье, подкулачники, люди, попавшие под власть кулацкой агитации, борясь против хлебазаготовок, против посевной кампании, против всех наших хозяйственно-политических кампаний, проводимых на селе, едут в новые города, на новостройки. Что они делают с детьми? Они бросают детей, бросают десятки, сотни, тысячи. Почему не перевалить, почему не переложить груз содержания детей на государство? Это есть кулацкий лозунг: ничего не дать государству и все взять от него. Все обязательства переложить на пролетарское государство — это лозунг кулака» [3, с. 226]. Более циничное, более лицемерное и лживое объяснение причин появления тысяч бездомных детей в 1933 году даже представить себе трудно: отцы и матери уезжали на новостройки, бросали своих родных детей, чтобы навредить государству! По вине таких бездушных правителей, одержимых порочной идеей классово-борьбы, и произошел настоящий геноцид народа Украины.

Доклад Скрипника посвящен не 5-летию коммуны, а критике педагогической теории Макаренко. С самого начала он прямо заявил: «Я не могу согласиться с той идеологией, которую проповедует тов. Макаренко, я целиком отмечаю его практику, но она идет вопреки его теориям» [3,

с. 218]. Доклад построен так: Скрипник цитирует определенные положения статьи Макаренко и подвергает их критике. Первый удар он наносит по теории о «биологической предрасположенности моральной сферы», приписываемой Макаренко. Он разрывает цитату и совершенно искажает ее смысл. Макаренко говорит о том, что в педагогической теории существуют две крайности: одни отрицают всякую биологическую предрасположенность моральной сферы, а другие воспитание человека пытаются объяснить только рефлексологией, на основании изучения условных рефлексов. Говоря о первой теории, Макаренко имел в виду педологов, последователей Ломброзо, однако Скрипник приписывает её Макаренко и буквально обрушивается на него: «Вы говорите — «у нас в теории дошло до того, что отрицали всякую биологическую предрасположенность моральной сферы», а я отрицаю всякую биологическую «предрасположенность моральной сферы» [3, с. 219]. Современная наука внесла ясность в эту проблему и подтвердила правильность позиции Макаренко: в воспитании человека нельзя не учитывать фактор наследственности, однако нельзя и преувеличивать его.

Следующее теоретическое суждение Макаренко, подвергнутое критике, таково: «...педагог в коммуне постольку может влиять на отдельную личность, поскольку он сам член коллектива, и не больше, чем всякий другой член коллектива». Не вникнув в суть теории коллектива, будучи совершенно некомпетентным в педагогике как науке, Скрипник заявляет, что теория Макаренко о роли педагога неверная, что она противоречит постановлению ЦК партии, «общей линии коммунистического воспитания и политической жизни». Вместо научного анализа важной педагогической проблемы мы видим партийную демагогию, характерную для советских руководителей [3, с. 220—221].

Так же примитивно рассматривает Скрипник очень важную проблему о смысле и цели жизни. Он цитирует высказывание Макаренко, считая его абсолютно неверным: «И мы видим прежде всего, что наш детский коллек-

тив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноценным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив. Отдельные члены коллектива не рассматривают себя, как «зародыши будущих личностей» [3, с. 221]. С точки зрения сегодняшнего дня каждому ясен гуманистический смысл слов Макаренко: человек живет на земле один раз, и он должен жить полноценной жизнью, а не страдать ради обещанного счастливого будущего. Такая философия явно противоречила политике партии, обрекавшей народ на голодную жизнь и обещавшей коммунистический рай. «Нет, товарищ Макаренко, — восклицает Скрипник, — мы не можем допустить, чтобы у нас строились такие теории, когда мы теперь в нашем обществе, на пороге второй социалистической пятилетки, строим жизнь и призываем каждого коммуниста, каждого комсомольца и каждого молодого человека, всю молодежь готовиться к участию в будущей жизни, мы не можем допустить, чтобы вы говорили, что мы не хотим жить «подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни». Какое неуважение! Не какая-то там будущая жизнь, а коммунизм» [3, с. 222]. И, как обычно, Скрипник ссылается на постановление ЦК ВКП(б), в котором говорится о воспитании активных, инициативных, организованных тружеников будущего, которые «будут строить и построят окончательно коммунизм».

Поставил Макаренко в своей статье очень важную проблему хозрасчета, которую совершенно не понял Скрипник и обвинил его в «мелкобуржуазной болтовне». В своем выступлении он привел следующую цитату из статьи: «Они (коммунары — М.Г., И.Г.) участвуют, и участвуют не в педагогическом порядке, а в рабочем, т. е. не портят материал, а производят нужные вещи не из идеалистических представлений альтруизма и нестяжения, а из стремления к заработку и своего, и своего коллектива».

«Ну, это вранье, тов. Макаренко, — комментирует цитату Скрипник, — это уже вранье и на ваш коллектив и на

коммунаров коммуны им. Дзержинского. Нет, товарищи коммунары им. Дзержинского, вы даете пример коммунистического труда, а коммунистический труд отличается от труда капиталистического. Иные установки здесь» [3, с. 223]. А что же такое коммунистический труд? Оказывается, что это работа не ради заработка, а ради победы социализма: «Зарботок — это то, что было, что полностью владело нами раньше..., у нас прежде всего борьба за социализм, а не зарботок». Окончательный вывод его таков: (дается в оригинале — М.Г., И.Г.): «Наклепали ви на коллектив, тов. Макаренку, і, певно, говорите не те, шо думаете. Теорія ваша ні к чорту не годиться» [3, с. 223—224]. Нет никакой надобности оспаривать то, что сказал нарком прощения. Этот спор разрешила сама жизнь.

Не принял Скрипник и четко изложенный Макаренко моральный кодекс коммунара, в котором названы следующие характерные черты: квалификация, дисциплина, политическое развитие, преданность рабочему классу, чувство долга, понятие чести, умение подчиняться товарищу и умение приказывать товарищу, вежливость, суровость, доброта, а в зависимости от условий жизни и беспощадность; коммунары «должны быть веселым, добрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастлив. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день» [3, с. 223]. И все же Скрипник нашел повод упрекнуть Макаренко: оказывается, он не назвал такое качество, как солидарность, которая является, по его словам, основой морали пролетарской революции. Затем следует общий вывод: «Солидарность противоположна идеализму, а этого у вас нет» [3, с. 225].

Скрипник затронул еще один вопрос, который выглядит на первый взгляд схоластическим: какова цель коммуны — воспитание или перевоспитание. Для Макаренко этот вопрос имел принципиальное значение: он считает, что в коммуне создан здоровый коллектив, который нуждается не в перевоспитании, а в дальнейшем развитии, т. е.

воспитании. «Это выдумки, — считает Скрипник, — когда кто-то говорит, что мы имеем перед собой задачу только воспитания, мы имеем перед собой задачу и перевоспитания, и воспитания одновременно» [3, с. 215]. Когда несколько лет спустя, после публикации повести «Флаги на башнях» эту мысль повторили некоторые критики, Макаренко отвергал ее и горячо отстаивал свою позицию. В частности, критик Ф. Левин упрекнул автора в том, что он уклонился от темы «перековки правонарушителей», и Макаренко в открытом письме ему горячо возражал: «Товарищ Левин! Ваша тема уже прошла 10 лет тому назад — это тема «Педагогической поэмы». Тема нашего времени, вполне назревшая, оправданная жизнью, а для меня — и моим опытом, — счастливый детский коллектив, свободный от антагонистов и настолько могучий, что любой ребенок, в том числе и правонарушитель, легко и быстро занимает правильную позицию в коллективе» [4, с. 207]. Современные исследователи считают, что Макаренко был не прав, потому что в своей повести он «задался целью создать художественную иллюстрацию к собственной теории коллектива, раскрыть свое представление об идеальном, социалистическом коллективе. Однако его идеал очень далек от общечеловеческих представлений» [5, с. 182]. В этом споре прав был Скрипник, потому что в тех конкретных условиях жизни коммуны осуществлялся процесс воспитания и перевоспитания одновременно. Это подтверждает сама повесть «Флаги на башнях», основанная, по признанию Макаренко, на действительных фактах, среди действующих лиц которой, было немало таких, которые нуждались в перевоспитании.

Хотя в этом частном случае правда была на стороне Скрипника, в целом же его выступление некомпетентное, грубое, политически ангажированное — типичный образец «партийной критики», которая особенно наглядно проявилась позже в оценке научных проблем философии, биологии, языкознания и других наук, а также литературы и искусства.

Мог ли Макаренко, отличавшиеся горячим темпераментом бойца и полемиста, вступить в спор с наркомом? Конечно, нет. Однако есть основания говорить о том, что он не прямо, а косвенно отвечал на критику Скрипника, отстаивая основополагающие принципы своей теории, которые нарком безоговорочно отвергал. Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: изображая в «Педагогической поэме» действительные события, связанные с полемикой вокруг колонии им. Горького, с решением сложных проблем в области просвещения, Макаренко даже не упоминает должность наркома просвещения, хотя он явно должен был присутствовать в тех или иных конкретных сценах. Например, решается в самых высоких инстанциях вопрос о переводе колонии им. Горького из с. Ковалевки Полтавской области в Куряж. «Наконец, — читаем в «Педагогической поэме», — меня вызвали в кабинет высокой организации. Бритый человек поднял голову от бумаг и сказал:

— Садитесь, товарищ Макаренко.

В кабинете были Джуринская и Клямер» [6, с. 290]. Кто такой «бритый», совершенно ясно: первый секретарь ЦК КП(б)У С.В. Косиор (портрет его широко известен). А остальные? Джуринская — председатель комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей, Клямер — представитель профсоюза (фигура явно вымышленная), наркома просвещения, в ведении которого были воспитательные учреждения, почему-то нет. Даже если в это время Скрипник еще не был наркомом просвещения, отсутствие представителя наркомпроса, является нелогичным. А вот второй эпизод, где нарком Скрипник присутствовал, но не назван. Куряжская колония 5-го июля 1927 года (дата указана в тексте) торжественно отмечает праздник Первого снопа. «Двор в помещении колонии наполняется гостями. Приходят представители харьковских заводов, сотрудники окрисполкома и наробраза, сельсоветов соседних сел, корреспонденты газет, на машинах подъезжают к воротам Джуринская, Юрьев, Клямер, Брегель и товарищ Зоя, члены партийных организаций, приезжает и бритый товарищ» [6, с. 409]. Совершенно ясно,

если на празднике присутствует первое лицо государства, то нарком просвещения должен быть непременно. Эту часть «Педагогической поэмы» Макаренко писал в 1935 году, когда об упоминании фамилии Скрипника и речи быть не могло. Анализируя текст «Педагогической поэмы», мы пришли к выводу о том, что характерные черты Скрипника — грубость, высокомерие, политический догматизм Макаренко присвоил некоторым персонажам. Вот как, например, характеризуется Клямер, «замаскированный» под профсоюзного деятеля. Дискутируется вопрос о переезде колонии им. Горького в Куряж. «Особенно бесчинствовал Клямер, — пишет Макаренко, — страстный брюнет и друг народа. Я и теперь не понимаю, почему раздражала его колония Горького, но говорил о ней он исключительно с искаженным от злобы лицом, сердито плевался, стучал кулаками:

— На каждом шагу реформаторы! Кто такой Макаренко? Почему из-за какого-то Макаренко мы должны нарушать законы и интересы трудящихся? А кто знает колонию Горького? Кто видел? Джуриная видела, так что? Джуриная все понимает? [6, с. 288]. По воспоминаниям людей, общавшихся со Скрипником, он вел себя именно так: «с искаженным от злобы лицом, сердито плевался, стучал кулаком». Даже во время выступления он громко харкал и был очень резким в выражениях. Но главное — не эти индивидуальные черты, а некомпетентность, партийный догматизм, нетерпимость к инакомыслию. Подобные черты он изображает и в облике некоторых других коммунистов (Брегель, товарищ Зоя и др.).

Не называя фамилии Скрипника, Макаренко настойчиво опровергал его позиции в своих статьях, устных выступлениях и письмах. Мы упомянули «Открытое письмо товарищу Ф. Левину», но не менее очевидна его «активная оборона» и в по сути предсмертном выступлении 9 марта 1939 года в Харьковском педагогическом институте. В нём он коснулся всех тех проблем, которые подверг критике Скрипник, которые составляли основу его теории, выстраданной многолетней педагогической практикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко А.С. Педагоги пожимают плечами // Педагогические сочинения в восьми томах. — Т. 1. — М.: Педагогика, 1983. — С. 136—144.
2. Скрипник М.О. Держинська путівка // Makarenko — Materialien IV. Ucrainica. — Marburg, 1982. — С. 215—227.
3. Hillig Götz. Makarenko — Makarenko — Materialien IV. Ucrainica. A.S. Macarenkos pädagogische Tätigkeit im Spiegel der ukrainisch sprachigen Presse (1924—1937). — Marburg, 1982. — 290 s.
4. Макаренко А.С. Открытое письмо товарищу Ф. Левину // Педагогические сочинения в восьми томах. — Т. 7. — М.: Педагогика, 1986. — С. 204—208.
5. Гетманец М.Ф., Гетманец И.О. «Я — писатель Макаренко». — Харьков: Майдан, 2011. — 232 с.
6. Макаренко А.С. Педагогическая поэма // Педагогические сочинения в восьми томах. — Т. 3. — М.: Педагогика, 1984. — 511 с.

*Педагогічна спадщина А.С. Макаренка і сучасність. —
Харків, 2013.*

А. С. МАКАРЕНКО О ПОВЕСТИ Г. БЕЛЫХ И Л. ПАНТЕЛЕЕВА «РЕСПУБЛИКА ШКИД»

В самом начале 1927 года вышла из печати большая повесть двух неизвестных в ту пору авторов Г. Белых и Л. Пантелеева о жизни бывших беспризорных ребят в ленинградской школе социально-индивидуального воспитания им. Достоевского (сокращённое название — ШКИД). Несмотря на то, что о беспризорных и правонарушителях в те годы писалось немало, эта книга стала значительным событием в советской литературе и сразу же привлекла внимание литературной общественности. Популярности книги способствовали два обстоятельства: во-первых, она была написана самими воспитанниками школы, бывшими правонарушителями; во-вторых, молодые авторы обнаружили незаурядные литературные способности, создав реалистически правдивые картины жизни школы, а также яркие типы воспитанников и воспитателей. Очень тепло отозвался о книге юных авторов А.М. Горький в письме из Италии воспитанникам Куряжской колонии: «Вот недавно двое из таких, написали и напечатали удивительно интересную книгу, вероятно, А.С. Макаренко познакомил вас с нею. Авторы — молодые ребята, одному 17 лет, другому, кажется, 19 лет, а книгу они сделали талантливо, гораздо лучше, чем пишут многие из писателей зрелого возраста.

Для меня эта книга — праздник, она подтверждает мою веру в человека, самое удивительное, самое великое, что, есть на земле нашей» [1, с. 17].

«Республика ШКИД» получила в то время положительную оценку многих известных писателей, критиков и педагогов. Совершенно естественно, она не могла пройти мимо внимания и А.С. Макаренко, проявившего большой интерес к научной и художественной литературе о воспитании, тем более, что сам Горький рекомендовал ему ознакомить ребят с этим произведением. К сожалению, вопрос о том, как отнесся писатель-педагог к книге Белых и Пантелеева, не получил до сих пор должного освещения по той причине, что до последнего времени был известен только один отзыв Макаренко о «Республике ШКИД», содержащийся в его статье «Детство и литература», опубликованной в свое время в газете «Правда» и перепечатанной в 7-томном собрании сочинений в 1959 году. Этот отзыв невелик, поэтому приведем его полностью:

«В таком же жалком состоянии представлена воспитательная работа и в «Республике ШКИД» Белых и Пантелеева. Собственно говоря, эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи. Книга наполнена от начала до конца описаниями весьма несимпатичных приключений «шкиды», от мелкого воровства до избиения педагогов, которые в книге иначе и не называются, как «халдеи». Воспитательный метод руководителя «шкиды» Викниксора и его помощников совершенно ясен. Это — карцер, запертые двери, подозрительные дневники, очень похожие на кондуит. Здесь сказывается полное бессилие педагогического «мастерства» перед небольшой группой сравнительно «легких» и способных ребят. До самой последней страницы проходят перед читателем якобы занятые трюки одичавших воспитанников» [2, с. 58].

Между тем очень обстоятельный анализ книги Белых и Пантелеева был сделан Макаренко в публичной лекции «Художественная литература о воспитании детей», прочитанной 21 апреля 1937 года в Политехническом музее, стенограмма которой публиковалась дважды с большими сокращениями. По понятным для того времени причинам составители выбросили более 10 страниц машинописного

текста, относящегося к анализу педагогической проблематики «Республики ШКИД» Белых и Пантелеева, «Утра» Микитенко и других произведений, заменив их полустраничным монтажом изолированно взятых цитат, в которых не упоминаются ни названные произведения, ни и их авторы. Мы обнаружили стенограмму лекции в РГАЛИ в 1974 году и использовали её в настоящей статье. В 1986 году материал в полном объёме опубликован в 7 томе 8-томного собрания сочинений Макаренко, поэтому ссылки переведены на это издание.

Резко отрицательный отзыв Макаренко о «Республике ШКИД» — произведении, выдержавшем испытание временем, оставался непонятным широкому кругу читателей, поэтому архивные материалы, проливающие свет на позицию автора «Педагогической поэмы», представляют несомненный интерес. Текстологическое исследование этих материалов показывает, что статья, опубликованная в «Правде», была написана на основе стенограммы, что принципиальной разницы в общей оценке произведения Белых и Пантелеева, данной в лекции и в статье, нет.

В самом начале следует сразу же оговориться: ни в лекции, ни в статье Макаренко не ставил своей задачей дать всесторонний литературно-критический анализ произведений советских писателей о воспитании детей, он оценивает их только под углом зрения того, как в них отражен «педагогический момент», т. е. как в книгах о воспитании представлена педагогическая наука. Общие критерии, в свете которых оценивается литература о правонарушителях, изложены им следующим образом: «Во-первых, посмотрим, как писатель расценивает самый материал, беспризорника или правонарушителя, как он его себе представляет, что это за материал? Во-вторых, мы рассмотрим вопрос такой: что писатель думает относительно метода, как писатель изображает метод организации детства и творческое лицо педагога? Наконец, третий вопрос: как автор мыслит, как рисует результаты воспитания, что получается или должно получиться в результате воспитания нарушителя?» [3, с. 31].

Несмотря на ясность и сознательную заданность исходных установок, Макаренко постоянно выходит за пределы профессионально-педагогических проблем, выступая в роли не только педагога-теоретика, но и литературного критика. Это объясняется не столько непоследовательностью автора, сколько самой природой литературы, предметом которой, как известно, является человек, а главная цель — формирование, воспитание характера человека. Говорить о педагогическом значении того или иного произведения — это значит говорить о самой сути его, о его социально-педагогической значимости. Так называемый «педагогический момент» составляет душу литературы, поэтому искусственный отрыв его от идейно-художественной ткани произведения может привести к противоречивым и ошибочным выводам. Именно это и случилось с Макаренко: книги «Правонарушители» Сейфуллиной, «Республика ШКИД» Белых и Пантелеева, «Утро» Микитенко он сурово критикует с позиций «педагогических» и в то же время, выходя за эти узкие рамки, дает им положительную оценку с позиций писателя и литературного критика.

Приступая к оценке книги Белых и Пантелеева, он говорит: «Следующая книга, которая составила эпоху художественной литературы о правонарушителях, это — «Республика ШКИД».

Тогда книга представилась откровением. Когда я ее читал, то думал: «Вот здорово работают люди, куда мне до этой работы». А когда читаешь ее, и в особенности, когда готовишься перед таким серьезным собранием докладывать, то удивляешься, как можно было 10 лет назад считать книгу педагогически ценной. Она имеет огромную ценность как художественная литература, и то, что в ней изображено, конечно, верно, но как педагогический труд эта книга неудачна» [3, с. 33—34].

Итак, с одной стороны, «Республика ШКИД» имеет огромную ценность как художественное произведение, представляет эпоху в литературе о правонарушителях,

а с другой, — она не представляет никакой педагогической ценности. Небезынтересно заметить, что 10 лет тому назад у Макаренко была противоположная точка зрения: тогда книга ему казалась и художественно интересной, и педагогически ценной.

Что же не понравилось писателю-педагогу в книге юных авторов?

Первое и очень серьезное обвинение Макаренко заключается в том, что воспитанники школы им. Достоевского, не являясь «трудным материалом», на протяжении повествования не только не исправляются, но еще больше разлагаются. «Здесь материал показан довольно легкий вначале, — говорит он, — а потом на протяжении 300 страниц ничего, собственно, не изображается, кроме различных проказ ребят. Причем, проказы по своей моральной сущности становятся все хуже и хуже» [3, с. 34].

Далее Макаренко перечисляет основные события, происходящие в «ШКИДе»: развлечение убийством крыс, полное бессилие ребят перед кулаком Слаеновым, избиение педагогов, кража картошки, игра «Улигания». Совершенно нелогичным представляется ему вывод авторов, сформулированный в конце книги, о том, что «такая Шкида» хоть кого изменит. «Такая всеильная Шкида, что всех изменит, — с иронией замечает Макаренко, — но в книге никакого изменения нет и даже авторы книги выходят из школы не потому, что они закончили воспитание и приобрели какие-то черты характера, приобрели знание, квалификацию, а потому, что они ставили спектакль, пропало два одеяла и им надо было эти одеяла возвращать. Они уходят в жизнь, совершая воровское преступление» [3, с. 35].

Суждения Макаренко настолько противоречат содержанию книги, что у нас возникло предположение: не существовало ли в 30-е годы какой-то иной редакции «Республики ШКИД», позже основательно переработанной авторами? Однако ознакомление с рядом изданий тех лет, которыми мог пользоваться Макаренко, не подтвердило это предположение.

Основной тезис лекции о том, что воспитание в Шкиде не дает положительных результатов и даже ухудшается, не соответствует тому, что изображено в книге. Наиболее необузданные выходки воспитанников, в том числе избивание педагогов, относятся к начальному периоду жизни школы. События, происходящие позже, свидетельствуют о том, что разумная, осмысленная деятельность занимает все большее и большее место в делах детского коллектива, а морально здоровое начало все чаще и чаще берет верх в его поведении. Вот, например, случай с кражей табака. Макаренко почему-то оставил без внимания очень важные моменты, характеризующие внутреннее состояние воспитанников после разоблачения кражи. Во-первых, хотя и под нажимом Викниксора, но ребята сознались в совершенном поступке, во-вторых, многие из них не только искренне раскаивались, но и напустились на зачинщика Янкеля, который «сманил» всех идти за табаком. И, наконец, настоящая внутренняя встряска происходит у ребят после того, как Викниксор объявил решение педсовета об отмене сурового наказания. Если внимательно проанализировать диалектику переживаний воспитанников — кража — признание — раскаяние — осуждение зачинщика — благодарность педагогам за оказанное доверие, — то, нельзя не признать роста положительных тенденций в поведении ребят и постепенного утверждения здоровых педагогических принципов.

Это же подтверждает и эпизод с «великим ростовщиком» Слаеновым, который длительное время, опираясь на великовозрастных ребят, держал в экономической кабале полуголодных шкидовцев. «Полное бессилие этих мальчиков против одного. Это говорит об отсутствии воспитательной работы, о полном отсутствии влияния педагога», — так сурово оценил сложившуюся ситуацию Макаренко. И он, безусловно, прав, обвиняя педагогов, просмотревших такое уродливое явление в детском коллективе, и трижды прав, говоря о незрелости коллектива воспитанников, в котором длительное время жило такое чудовище. Однако заслужи-

вает внимания и тот факт, что ребята в конце концов нашли в себе силы выступить против Слаенова, открыто вышли из повиновения, избили его и стали хозяевами своих пайков. «Почти полтора месяца голодавшая «Шкида» вновь вздохнула свободно и радостно... Сразу спал гнет, мучивший каждого из них. Они сознавали, что во многом были виноваты сами, и тем радостней было сознание, что они же помогли уничтожить сделанное ими зло» [4, с. 116].

Культ насилия, культ грубой физической силы, характеризующий уголовный мир, который был законом их прежней жизни, оказался неприемлемым для вчерашних правонарушителей, приобщенным к нормальным условиям жизни, и они единодушно восстают против него. Это является показателем роста их сознания и укрепления здоровых моральных начал в поведении. Игры и развлечения, которые устраивают воспитанники «Шкиды», Макаренко называет сомнительными и видит в них проявление незрелости и педагогической запущенности. Между тем, наряду с пустыми затеями ребят, нельзя не видеть в играх здорового подражания серьезным делам, искреннего стремления включиться в события, происходящие в стране. Даже действительно сомнительная игра «улигания», вызывавшая особые нарекания Макаренко, была, очевидно, навеяна событиями истории, свидетелями которой были петроградские мальчишки.

Были в этой игре и диктатор, и колониальные страны, и нарком бузы, и война против «халдеев»; но заканчивалось все «государственным переворотом» и учреждением свободной советской республики. С каждым днем общественная жизнь страны воспринималась шкидовцами все глубже и осознаннее, а вместе с ростом сознания появлялось стремление от игры перейти к делу, заняться серьезной деятельностью. Так появились мысли об изучении поллитграммы и о комсомоле, так возникла в школе первая ячейка юных коммунаров — тонком.

Следует отметить, что и многие другие увлечения ребят — выпуск газет, журналов, литературное творчество,

спектакли — занимали значительное место в жизни школы и имели большое воспитательное значение. Несмотря на проявление стихийности, в них чувствуется направляющая рука заведующего школой — человека образованного, влюбленного в литературу, прививавшего эту любовь и своим воспитанникам.

И, наконец, об уходе из школы авторов книги. Макаренко, говоря об этом эпизоде, подчеркивает свою основную мысль о том, что Шкида не исправляла ребят, что даже лучшие из ее воспитанников уходили в жизнь, «совершая воровское преступление». Материал книги не дает оснований для подобного вывода. В повести рассказывается о том, что для устройства занавеса Пантелеев взял под свою ответственность 10 новых одеял. После спектакля кто-то украл два одеяла. Викниксор справедливо предъявил требования Пантелееву, поручившемуся за их сохранность, но допустившему оплошность. Уход из школы Янкеля и Пантелеева никак не связан с пропавшими одеялами. Вот так об этом рассказано в книге. Явившись к заведующему, ребята сказали:

«— Виктор Николаевич... мы хотим уйти из школы!.. Да, мы хотим уйти из школы, потому что мы уже выросли...

— Вы правы. Сейчас я услышал то, что хотел через полгода сказать вам. Теперь вижу, что немножко ошибся во времени. Вы выправились на полгода раньше. Вы правы. Школа приняла вас воришками, маленькими бродягами, теперь вы выросли, и я чувствую, что время, проведенное в школе, для вас не пропало даром. Уже давно я заключил, что вы достаточно сильны и достаточно переделаны, чтобы вступить в жизнь» [4, с. 380—381].

Так же сурово и не вполне справедливо отозвался Макаренко и о воспитателях. «Метод — закрытые двери, карцер и школьная работа, — читаем мы в стенограмме... — Никакого трудового воспитания нет, только школа. Лично у самого Викниксора никакого мастерства нет. Вообще эта фигура почти комическая... Авторитетом, даже уважением, Викниксор не пользуется» [3, с. 35].

Чтобы правильно оценить педагогическую деятельность Викниксора и его методы воспитания, надо учитывать, во-первых, что в книге изображается жизнь одного из первых в стране воспитательных учреждений для бездомных детей, когда не было ни педагогических кадров, ни разработанных принципов новой педагогики. По зову Советской власти на это нелегкое поприще приходили педагоги-энтузиасты типа Макаренко и Сорокина (Викниксор — Виктор Николаевич Сорокин), которые ценой напряженного труда, преодолевая инерцию старой педагогики, нередко ошибаясь и заблуждаясь, искали новые пути и средства воспитания нового человека. Во-вторых, следует иметь в виду то обстоятельство, что жизнь школы и деятельность педагогического коллектива изображена глазами воспитанников, недостаточно зрелых для того, чтобы раскрыть систему воспитания и по достоинству оценить педагогические поиски Викниксора. И все-таки повесть содержит совершенно достаточно данных, позволяющих ясно представить картину воспитания. Хотя, повторяем, продуманная, четкая педагогическая система, которую требует Макаренко, здесь не излагается.

Итак, что же представляет собой заведующий школой Викниксор? Виктор Николаевич Сорокин — широко образованный, волевой, самоотверженный в труде педагог, пользующийся у воспитанников непререкаемым авторитетом. По отношению к нему воспитанники редко позволяют себе вольности, а распоряжения его выполняются беспрекословно. В школе заведен строгий порядок, который, несмотря на отдельные анархические взрывы, выполняется всеми без исключения: подъем, учеба, уборка помещений, отпуск в город — все проходит по графику. Редко кто позволяет себе смелость нарушить установленный порядок: отказать от дежурства, самовольно уйти в город, несвоевременно вернуться. Суровый, требовательный и вездесущий Викниксор все видит и все знает. Но заведующий действует на воспитанников не только строгостью и силой власти, а старается заглянуть в душу каждого бывшего беспри-

зорника, пробудить в нем здоровые стремления и чувство собственного достоинства. В этом строгом и суровом человеке чувствуется доброе сердце, исполненное любви к полуголодным, одичавшим на улице детям, но обстоятельства требовали, как говорил в свое время и сам Макаренко, не сентиментальной чувствительности, а суровой, порой даже жесткой требовательности во имя их спасения, во имя их счастливого будущего. Гуманистический принцип советской педагогики, сформулированный автором «Педагогической поэмы», — «как можно больше уважения к человеку и как можно больше требования к нему» — был руководящим принципом и в деятельности Викниксора.

Педагогические поиски заведующего школой им. Достоевского в основных своих направлениях совпадали с поисками руководителя колонии им. Горького. Подобно Макаренко, Викниксор на первых порах настойчиво стремился преодолеть романтику беспризорщины, обуздать анархизм, пробудить уважение к товарищам, приучить считаться с волей коллектива. Правда, по сравнению с «Педагогической поэмой» становление коллектива здесь происходит медленнее, а педагогические удачи часто чередуются с серьезными срывами. И все же медленно, но верно Викниксор добился того, что основная масса воспитанников выступила против зачинщиков и дезорганизаторов. Когда в школе возникла шайка воров, Викниксор не захотел самолично расправляться с нею, доверил это сделать коллективу. Он изобрел оригинальный прием — остракизм — изгнание преступников на основе тайного голосования всех «граждан республики». Это была большая педагогическая победа, свидетельствовавшая о серьезных сдвигах, происшедших в сознании воспитанников, о том, что в школе им. Достоевского сформировался здоровый коллектив. Хотя некоторые ребята вернули карточки без фамилий «зачинщиков» с надписью «Боюсь, побьют», но такие настроения уже не определяли настроение коллектива. В этом состоял главный результат воспитательной работы Викниксора и его педагогической системы.

Викниксор самостоятельно, на основе своего опыта пришел к мысли о необходимости самоуправления и трудового воспитания. Идея самоуправления возникла у него вскоре после организации школы. Именно тогда школа была объявлена республикой и был создан школьный гимн. Однако эта очень важная педагогическая идея не получила практического осуществления, что, несомненно, затормозило развитие коллектива. На протяжении всей книги заведующий школой выступает по сути единоличным руководителем и только в эпизоде с остракизмом сделана первая серьезная попытка опереться на волю коллектива.

Что касается трудового воспитания, то оно также не заняло подходящего места в жизни школы. Несмотря на то, что воспитанники выполняли некоторые трудовые обязанности, в деятельности «Шкиды» ощущается какая-то незаполненность дня, отсутствие большого и серьезного дела, способного увлечь всех ребят, сплотить их, внести в их жизнь какое-то новое содержание. Именно хронически незаполненный досуг приводил ребят к пустым затеям и «бузе», поддерживал в них привычки и связи, приобретенные на улице, сдерживал процесс перестройки сознания. Викниксор чувствовал это, старался внести какую-нибудь идею, вовлечь шкидовцев в игру, но все это не имело системного характера. Он недооценивал то обстоятельство, что воспитанники рано повзрослели, что в условиях революционного пафоса борьбы и творчества, которым жила вся страна, их серьезно тянуло к настоящей жизни и деятельности. Не случайно многие педагоги, руководившие в ту пору подобными детскими учреждениями, сразу включали бывших беспризорных в трудовую деятельность, ставя жизнь воспитанников в прямую связь с трудовой деятельностью народа, и это приводило к положительным результатам.

На третьем году жизни «Шкиды» Викниксор тоже пришел к идее трудового воспитания, но осуществление ее он мыслил не в стенах школы, а за ее пределами. Когда ребята высказались за изгнание из школы Долгоруцкого, Громо-

носцева и Бессовестина, Викниксор сказал: «Единственное, что я мог для них придумать, это трудовое воспитание. Они переводятся в Сельскохозяйственный техникум, в Петергофский уезд. Я надеюсь, что там в мирной обстановке сельского хозяйства, в постоянном физическом труде, они исправятся...» [4, с. 338].

Макаренко прав, считая, что идея трудового воспитания не получила практического воплощения в деятельности педагогического коллектива школы им. Достоевского.

Окончательный вывод о повести Белых и Пантелеева Макаренко формулирует следующим образом: «Несмотря на то, что книга написана очень художественно, очень ярко рисуются все события в «Республике ШКИД», — само воспитание, которое было там организовано, находилось еще на низкой стадии развития, настолько низкой, что может явиться только отрицательным примером для наших педагогов и отрицательным толчком для наших школьников» [3, с. 36].

В этих словах отчетливо выражена противоречивая позиция писателя-педагога и содержится указание на то, чем она была вызвана: Макаренко опасался, что книга может иметь отрицательное воздействие на педагогов и школьников. Опасения эти были небезосновательны, так как во второй половине тридцатых годов новые принципы воспитания, ещё только складывались в стройную систему, а педагоги, подобные Макаренко и Сорокину, были одинокими фигурами на этом поприще.. Популярными художественными произведениями, в которых изображалась советская педагогика в ее начальном состоянии, когда делались первые шаги и велись первые, не всегда удачные поиски эффективных средств воспитания, могли давать педагогам-практикам явно устаревшие образцы и рекомендации. Ведь даже Макаренко 10 лет тому назад опыт работы школы им. Достоевского показался образцовым: «Вот здорово люди работают, куда мне до этой работы», — говорил он. Передовой советский педагог в публичной лекции и статье, опубликованной в «Правде», хотел как бы предупредить всех тех, кто работает

на ниве воспитания, о том, что книги Сейфуллиной, Белых и Пантелеева, Микитенко и других писателей — хорошие, но методы воспитания, изображенные в них, являются несовершенными и во многом устаревшими.

С другой стороны, изображение без достаточного педагогического такта жизни беспризорных и отрицательных явлений в деятельности воспитательных учреждений могло, по мнению Макаренко, отрицательно влиять на юных читателей, привносить в их среду привычки, чуждые нашей морали. К литературе о беспризорных и правонарушителях писатель-педагог всегда относился с особым пристрастием, подчеркивая большую ответственность писателя перед обществом, протестуя против малейшей попытки романтизации беспризорщины. В личности беспризорного он не видел ничего эстетического, а беспризорщину справедливо считал бедствием, которое надо поскорее преодолеть.

Общая позиция Макаренко, педагога и критика, была, безусловно, правильна, однако узкий профессионально-педагогический подход не позволил ему по достоинству оценить идейно-художественное и педагогическое значение книги Белых и Пантелеева. Макаренко прав, когда говорит, что в «Республике ШКИД» не раскрыты такие-то и такие-то педагогические принципы, такие-то и такие-то методы воспитания, но когда он с позиций педагогической науки 30-х годов осуждает образы педагогов и картины жизни школы начала 20-х годов, то он, во-первых, незаметно для себя переходит в роль критика, так как высказывает суждения об эстетическом значении образов и книги в целом, а, во-вторых, и как ученый-педагог, и как критик отступает от принципа историзма, потому что отрывает проблематику произведения от конкретно-исторических условий, от жизни эпохи. Авторы не могли раскрыть систему методов воспитания, потому что в начале 20-х годов ее еще не было, а кроме того, это не обуславливалось идейно-эстетической задачей произведения.

Несмотря на отсутствие четкости и ясности в педагогической концепции Викниксора, несмотря на несовершенство

ство методов воспитания, несмотря на досадные ошибки и неудачи педагогического коллектива, повесть Белых и Пантелеева имеет положительное педагогическое значение: она проникнута идеей гуманизма, горячей верой в человека, в революцию, поднимающую искалеченных обстоятельствами людей к полноценной жизни, уважением к педагогу и его подвижническому труду. «Республика ШКИД» — сама жизнь, яркий и волнующий документ периода становления новой советской действительности, новой школы, новой педагогики. Она стоит в одном ряду с «Педагогической поэмой» Макаренко, являясь прекрасным к ней дополнением: показывая жизнь правонарушителей снизу, изнутри, глазами своих воспитанников, воссоздавая стихию беспризорщины, она ярче оттеняет самоотверженный труд педагогов-энтузиастов, каким был и сам Макаренко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горький М. Воспитанникам колонии им. Горького в Кураже // Собр. соч. в 30 томах. — Т. 30. — С. 16—17.
2. Макаренко А.С. Детство и литература // Педагогические сочинения в 8 томах. — Т. 7. — С. 57—61.
3. Макаренко А.С. Художественная литература о воспитании детей // Педагогические сочинения в 8 томах. — Т. 7. — 26—50.
4. Белых Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. — Л.: «Детская литература», 1965. — 398 с.

*А.С. Макаренко. —
Кн. 9. — Львов, 1974.*

О РОМАНЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ПЁТР ПЕРВЫЙ»

В 1937 г. для журнала «Литературный критик» А.С. Макаренко написал статью о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» [1], которая при жизни писателя напечатана не была и появилась в свет только в 1952 г. в собрании его сочинений. Нами обнаружена в архиве журнала «Литературный критик» внутренняя рецензия, которая проливает свет на то, почему статья Макаренко не была опубликована. Рецензент обвинял автора статьи в отступлении от «исторической методологии», в том, что он недалеко ушел от Покровского, допускает хвалебный тон, когда касается художественного мастерства А. Н. Толстого и т. д. Очевидно, не согласившись с замечаниями рецензента, Макаренко отказался от публикации статьи.

Хотя со времени написания статьи наше литературоведение достигло значительных успехов как в изучении творчества А.Н. Толстого, так и в изучении жанра исторического романа, тем не менее наблюдения и выводы Макаренко поражают и сейчас глубиной, пронизательностью и свежестью мысли. Эта статья заняла почетное место в литературе о Толстом, многие литературоведы признают ее высокие достоинства, считают серьезным и оригинальным исследованием.

В 1960 г. появилась большая работа Г.М. Ленобля, специально посвященная анализу статьи Макаренко о «Петре Первом» [2]. Автор справедливо писал, что «по своей об-

стоятельности, по богатству аргументации статья Макаренко в критической литературе о Толстом занимает одно из первых мест», однако, противореча самому себе, он фактически взял под сомнение основные выводы Макаренко, хотя они утвердились в нашем литературоведении.

Ленобль правильно указал на противоречивость суждений Макаренко, подверг убедительной критике отдельные его ошибочные высказывания, но в пылу полемики прошёл мимо того, что было в статье положительного, что составляет её достоинство. В литературе уже было отмечено, что общая оценка Леноблем статьи Макаренко дана без учета конкретного содержания споров о «Петре Первом» в 30-е годы, что работа Ленобля — это попытка «опровергнуть» Макаренко [3]. Вот почему, оценивая статью Макаренко, мы вынуждены останавливаться на критических высказываниях его оппонента.

Статья Макаренко была написана в то время, когда в советской критике произошел резкий поворот в оценке романа «Петр Первый» и всего творчества А. Толстого в целом. Творческие успехи писателя, всенародное признание его таланта показали несостоятельность субъективистских суждений некоторых критиков об отступлении А. Толстого от завоеваний художественно-исторической литературы XIX века, об утверждении буржуазно-дворянской концепции Петра и т. п. Авторитетное слово А. М. Горького, назвавшего в докладе на Первом съезде писателей роман «Пётр Первый» в числе лучших произведений, явилось началом объективного и глубокого изучения его нашей критикой. Работы А. Алпатова (1934), Р. Мессер (1934), И. Эвентова (1934), А. Шурыгина (1935), Б. Брайниной (1937) и других знаменовали собой новый этап в изучении «Петра Первого». Критика середины 30-х годов высоко оценивала реализм А. Толстого в воспроизведении исторического прошлого и вплотную подошла к выяснению особенностей художественной манеры писателя, его новаторства в жанре исторического романа. Надо сказать, что это были только первые шаги на пути углубленного изучения первого совет-

ского исторического романа. Статью Макаренко следует рассматривать в ряду этих работ и в связи с задачами, которые встали перед литературоведами, изучавшими творчество А. Толстого.

Главная проблема, решаемая Макаренко в статье о «Петре Первом», являющаяся исходным пунктом всей его концепции, — соотношение вымысла и достоверности или, как он говорит, «романа» и «истории». Он считает важнейшей особенностью произведения то, что в нем «история» потеснила «роман» и стала полновластной хозяйкой сюжетно-композиционного движения. Эта мысль раскрывается путем сопоставления романа о Петре с произведениями старой исторической романистики, в которых «роман присутствует везде, отодвигая историю на второй фабульный план». Макаренко считает, что, в отличие от классического исторического романа XIX века, в котором преобладал вымысел, а история была только фоном, роман «Петр Первый» — достоверное, документально-историческое повествование о реально существовавших событиях и людях. В этом резко подчеркивании историзма и противопоставлении «истории» «роману» была, как мы увидим ниже, и сила, и слабость позиции Макаренко. Анализируя художественную структуру произведения, особенности жанра, сюжета, образов, он старается установить, как реализуется в них принцип историзма, как проявляется в повествовании торжество «истории» над «романом».

Г. Ленобль, к сожалению, не заметил положительного значения вывода Макаренко о первенствующей роли исторической правды в романе, а обрушил свой критический удар на те уязвимые места статьи, которые не являются определяющими в системе взглядов автора «Педагогической поэмы». «Свой критический обзор «Петра Первого», — пишет он, — А.С. Макаренко начинает с утверждения, которое, возможно, многим читателям покажется весьма неожиданным. Именно: он утверждает, что это произведение романом в сущности вовсе не является, что перед нами превосходно выполненная, рассказанная превосходным рас-

сказчиком историческая хроника, которую, надо полагать, только портят неудачные поуги на сюжет» [2, с. 96—97].

Между тем Макаренко совершенно правильно определяет жанр произведения А. Толстого, последовательно называя его романом, а не хроникой. Термин «историческая хроника» употреблен им в одном случае, но не в смысле, определения жанрового своеобразия, как это показалось Леноблю. Макаренко пишет: «Очень часто страницы романа почти ничего не прибавляют к научно-исторической хронике, повторяя повествования того или другого историка» [1, с. 124]. Здесь речь идет о том, что роман (именно роман) Толстого по характеру повествования очень близок к исторической хронике, что многие события излагаются близко к историческим источникам. Это утверждение не нуждается в аргументации, так как последующие исследования литературоведов подтвердили точку зрения Макаренко. «В основе композиции «Петра Первого», — пишет, например, Д. Благой, — не фабульный узел, то затягиваемый, то раскручивающийся в ходе повествования, а историческая нить, хроникальное течение исторических событий» [4, с. 505].

Путаница в статье Ленобля произошла оттого, что он не разграничил два значения, в которых употребляется слово «роман». Этим термином Макаренко определяет, во-первых, жанр произведения, употребляя его в общепринятом смысле, последовательно применяя его на протяжении всей работы. Но этот термин употребляется им и в необычном значении:

«При такой громадной широте захвата исторического романа становится весьма важным вопрос о сюжете, о том каркасе личных движений и судеб, который только и может сделать повествование именно романом» [1, с. 123].

«Во всех этих случаях перед нами проходит история России, рассказанная прекрасным рассказчиком, но история, лишенная того специфически авторского вмешательства, которое историю должно обратить в роман» [1, с. 125].

«У А.Н. Толстого в книге «Петр Первый» роман отодвинут на второй план, а на первом плане проходит исто-

рия, проходит в ярких картинах, восстановленных могучим воображением писателя, в живых движениях участников, в красках, словах, шумах, но все же это история, а не роман» [1, с. 125]. Здесь понятие «роман» выступает как антитеза понятию «история»: «история» — это историческая достоверность, историческая правда, а «роман» — это вымысел, «вмешательство» автора в историю, которое выражается в конструировании каркаса «вымышленных личных движений и судеб», определяющих сюжетное движение произведения. Важно подчеркнуть, что Макаренко вовсе не отрицает значения «романа» (вымысла) в произведении на историческую тему, он только указывает на его подчиненную роль в освещении исторических событий. Он ставит в заслугу А. Толстому то, что в его книге, «история» потеснила «роман» и стала полновластной хозяйкой сюжетно-композиционного движения. Эта мысль раскрывается путем сопоставления «Петра Первого» А. Толстого и «Войны и мира» Л.Н. Толстого, которое почему-то оставлено Леноблем без внимания. Макаренко ставит роман А. Толстого выше «Войны и мира» потому, что в последнем «...роман присутствует везде, отодвигая историю на второй фабульный план».

Можно спорить о правомерности употребления термина «роман» в таком значении, но критик обязан с самого начала точно установить, какой смысл вкладывает в него автор в данном контексте. В научной литературе слово «роман» и сейчас употребляется в значении, близком тому, которое придавал ему Макаренко. Так, в цитируемой выше статье Д. Благой пишет: «В советской художественно-исторической литературе мы действительно присутствуем при смене «романа», как «вымышленного повествования», «историей» — повествованием о реально существовавших событиях и лицах» [4, с. 505].

Такое употребление терминов «история» и «роман» в необычных значениях идет, очевидно, от В.Г. Белинского, который в 40-х годах XIX века высказал интересную мысль о судьбах развития прозы: «И, кто знает, — писал великий

критик, — может быть, некогда история делается художественным произведением и сменит роман так, как роман сменил эпопею» [5, с. 267].

Как бы ни называл Макаренко то, что в сюжете исторического романа идет от вымысла, но он в 1937 году одним из первых указал на изменившееся соотношение между «вымыслом» и «историей», тонко уловил новаторство А. Толстого и важнейшее своеобразие нового исторического романа. Характерно, что наши ведущие исследователи творчества А. Толстого не оспаривают точку зрения Макаренко и проблему соотношения «истории» и «вымысла» решают аналогично.

Как это ни парадоксально, но критический пафос статьи Ленобля часто направлен против того, что составляет несомненную заслугу Макаренко. Макаренко доказывает, что роман Толстого отличается правдивостью, достоверностью и точностью в изображении истории, что писатель добросовестно следует за историческими источниками, что в основе содержания книги — «движение самой истории», а Ленобль берет все это под сомнение и представляет Макаренко наивным человеком, принявшим на веру роман «Петр Первый» как произведение, лишённое вымысла. «Но какой исключительной силой убедительности, — пишет он, — обладает роман Толстого, какая мощь и какая правда в его вымысле, если он сумел «обмануть» и «привести» такого опытного, квалифицированного и знающего читателя, как Антон Семенович Макаренко!» [2, с. 105]. Недоверие оппонента Макаренко к историческому жанру особенно отчетливо звучит в следующем его заявлении: «В полной силе остается саркастическое замечание, сделанное еще Белинским: «Кто хочет знать историю, тот учись ей не по романам и драмам» [Там же].

Хотя Ленобль в своем споре с Макаренко ссылается на авторитет великого критика, несостоятельность его позиции совершенно очевидна. Кстати, Белинский с большим уважением относился к историческому роману, неоднократно говорил о том, что в нем история как наука

сливается с искусством, поэтому нельзя его высказывание по конкретному случаю трактовать так расширительно. Думается, что наиболее объективным судьей в споре о научно-исторической достоверности современного исторического романа может быть ученый-историк. Известный советский ученый академик Тарле в докладе на совещании в Союзе писателей, посвященном проблемам исторического романа, 12 октября 1943 г. говорил: «Советская литература отличается своим научно-историческим подходом к явлениям. Такие талантливые произведения, как «Петр Первый» А. Толстого, «Кюхля» Ю. Тынянова... несравненно выше всего того, что дала историческая литература на Западе» [6].

Небезынтересно напомнить и мнение по этому вопросу автора романа «Петр Первый»: «Я хочу, помимо всего, быть точным и использовать возможно полнее мемуарный материал» [7].

Таким образом, истина была на стороне Макаренко, увидевшего в историческом романе А. Толстого подлинный историзм, глубокое уважение к фактам, стремление запечатлеть большую правду истории.

Отмечая заслугу Макаренко-критика в определении новаторских черт исторического романа, нельзя умолчать, что при решении вопроса о соотношении исторической правды и вымысла он впадает в противоречие, допускает недооценку вымысла, противопоставление одного другому. Это видно, например, в трактовке сюжета, который определяется следующим образом: «При такой громадной широте захвата исторического романа становится весьма важным вопрос о сюжете, о том каркасе личных движений и судеб, который только и может сделать повествование именно романом (т. е. вымыслом — М., И. Г.). Но как раз в смысле фабулы, в картине личных человеческих судеб, книга А. Н. Толстого не выражает особенных претензий... Очень часто страницы романа почти ничего не прибавляют к научно-исторической хронике, повторяя повествования того или другого историка» [1, с. 123—124].

Приведенное высказывание свидетельствует о том, что сюжет Макаренко понимает как каркас личных движений и судеб, вымышленных автором, как искусное переплетение личных судеб героев, созданных с помощью вымысла. Иными словами, сюжет для Макаренко однозначен вымыслу. В связи с этим он считает, что роман А. Толстого беден в сюжетном отношении.

Совершенно ясно, что такая трактовка сюжета вообще и сюжета романа «Петр Первый», в частности, является ошибочной. Сюжет исторического романа охватывает и действительные исторические события и вымышленные, он представляет собой сложную систему невымышленных и вымышленных событий, которые способствуют раскрытию характеров действующих лиц и исторической жизни народа.

В дальнейшем Макаренко, отступая от своего первоначального определения сюжета как вымысла, говорит, что в качестве сюжета в романе работает личная история самого Петра и его ближайших помощников — лиц исторических. В ходе рассуждений он приходит к выводу, что даже личная судьба самого Петра не сделалась в романе главной сюжетной линией, что основу сюжета составляет движение самой истории. «Да, в книге А.Н. Толстого,— пишет он,— проходит, прежде всего, история, читатель не успевает обратиться в спутника какой-либо отдельной личности, соучастника ее в личной ее судьбе, он не покидает широкого исторического фронта, он ни на одну минуту не забывает о целой России.» [1, с. 131]. Правильно уловив эту очень важную особенность сюжета исторического романа, Макаренко недооценивает сюжетную функцию вымышленных персонажей, которые, по его мнению, существенной роли не играют и используются писателем в качестве исторических статистов. На самом же деле сюжетные линии, связанные с такими персонажами, как Бровкин, Буйносов, Волков, Голиков и др., отражают характерные черты петровской эпохи, поэтому органически вливаются в общий сюжетный поток.

Недооценка вымысла сказывается и в трактовке образа Петра. Стремясь к исторической правде и объективности, А. Толстой, по мнению Макаренко, сознательно не углубляется в психологические «тайны» царя, так как это привело бы к ненужному вымыслу. В результате он приходит к сомнительному выводу о том, что в памяти читателя «...остается все тот же исторический Петр, как стоял в памяти и до романа А.Н. Толстого...» Все это происходит от стремления показать как величайшее достоинство книги ее историческую достоверность, но чрезмерно подчеркивая это, Макаренко помимо своей воли, не замечая противоречия, обедняет и содержание, и значение романа.

Ленобль справедливо критикует Макаренко за недооценку роли вымысла в историческом романе, на конкретном анализе ряда вымышленных образов (Бровкина, Буйносова, Тыртова и др.) убедительно показывает, что «...служба, которую они «честно» несут в романе, имеет, несомненно, сюжетный характер», однако он неправ в объяснении причин, истоков ошибочных суждений Макаренко. Отметив, что Макаренко упрекает А. Толстого за то, что у него в качестве сюжета выступает личная история самого Петра и его ближайших помощников, Ленобль пишет: «Не так уж сложно определить, из каких представлений об историческом романе исходит А. С. Макаренко, отрицая за «Петром Первым» право именоваться романом. Отправной пункт для него — те каноны, которые господствовали в историческом романе XIX века и которых придерживались столь различные писатели, как Вальтер Скотт, Виктор Гюго, Проспер Мериме, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой и многие другие» [1, с. 111].

Такое утверждение Ленобля основано опять-таки на недоразумении, так как весь анализ романа А. Толстого построен у Макаренко на противопоставлении его старому роману (от Вальтера Скотта до Л.Н. Толстого). Не случайно он постоянно сопоставляет роман «Петр Первый» с одним из самых лучших образцов старой исторической прозы — романом «Война и мир», открыто подчеркивая превосход-

ство первого в изображении истории. Макаренко не признает решающей роли в сюжете романа «Петр Первый» личной истории самого царя не потому, что ему хочется вернуться к старым канонам вальтер-скоттовской традиции, когда в центре изображения были судьбы вымышленных персонажей, а история служила только фоном. Он считает, что основу сюжета составляет движение самой истории, движение народа. Вот как об этом пишется в статье:

«История оживлена А.Н. Толстым настолько совершенно, что читатель не хочет выделять никого, в том числе и Петра, из общего исторического движения.

Петр в представлении читателя остается только главной фигурой в исторических событиях, именно потому интересной, что в этой фигуре отражается история» [1, с. 131].

«Самое главное и самое прекрасное, что есть в книге, что в особенности увлекает читателя, — это живое движение живых людей, это живое и всегда жизнерадостное движение русского народа, окружающего Петра» [1, с. 139].

Так что дело не в старых канонах, как думает Ленобль, а в том, что Макаренко подходит к рассмотрению сюжета с совершенно новых позиций, указывая на решающее значение в построении сюжета нового исторического романа принципа историзма и изображения народа как движущей силы исторического процесса. Совершенно ясно, что самое важное и принципиально новое в сюжете исторического романа он определил правильно, несмотря на ошибки, выразившиеся в недооценке вымышленных персонажей и в стремлении нивелировать личную судьбу исторического героя, растворить ее в «движении истории». Макаренко не учитывает того, что история, движение народа в романе «Петр Первый» нашли выражение в тесном сплетении «личных движений» исторических и вымышленных героев, в том числе и в личной истории царя, отразившей важнейшие черты эпохи. В его рассуждениях иногда история и народ предстают чем-то самодовлеющим, имманентным, стоящим над героями, над их личными судьбами, между тем движение истории, представляющее основу сюжета

романа, составляется из суммы личных движений героев, олицетворяющих народ. К сожалению, Макаренко не удалось преодолеть эти противоречия и в общем правильную и оригинальную концепцию провести последовательно и четко через все разделы своей работы. В архиве писателя сохранилась машинописная рукопись статьи с многочисленными правками автора и редакторов, свидетельствующими о том, что в процессе работы основное внимание было направлено на то, чтобы преодолеть, устранить эти противоречия [8]. Статья выглядит недоработанной, поэтому при оценке ее следует учитывать и это обстоятельство.

Макаренко одним из первых в нашей критике проанализировал действительные недостатки романа Толстого, среди которых на первом месте стоит вопрос о классовой сущности реформ Петра I. Писатель, как известно, на первую линию выдвинул интересы торгового капитала и явно принизил роль дворянства, хотя именно оно было опорой царя и больше других выиграло от реформ. В этом принижении дворянства и возвышении торгового капитала Макаренко справедливо усмотрел влияние исторической концепции М.Н. Покровского. Все современные исследователи творчества Толстого разделяют по этому вопросу точку зрения Макаренко. Исключение составляет, пожалуй, только Ленобль, который, с одной стороны, недостаток, отмеченный Макаренко, считает в современной критике общепризнанным, а с другой, полемизирует с Макаренко, доказывая, что по духу своему, по основной своей тенденции «роман «Петр Первый» представляет собой самую беспощадную, самую непримиримую полемику против, вульгаризаторской концепции Покровского». Эту противоречивость, несовместимость мыслей отмечает и Рождественская в «Семинарии», посвященном творчеству А.Н. Толстого [3, с. 48].

Вопрос о влиянии трудов Покровского на роман «Петр Первый» заслуживает сейчас специального изучения, так как в 30-е годы они были официально осуждены, и исследователи говорили только об ошибочных положениях кон-

цепции историка. В силу объективных условий Макаренко тоже видел отражение в произведении ошибочных исторических воззрений Покровского.

Главный недостаток романа, идущий от влияния Покровского, по его мнению, — это преувеличение роли торгового капитала и недооценка роли дворянства, которое больше других было заинтересовано в реформах. Преувеличенная роль торгового капитала художественное воплощение получила в образе купца Бровкина — наименее убедительной фигуре в романе. В черновом варианте статьи об этом первоначально говорилось очень резко: «Находясь, очевидно, под влиянием концепций Покровского, он выдвинул Петра, как представителя интересов торгового капитала, а самый торговый капитал, по Покровскому же, расширил до понятия «торговый капитализм». С этой псевдонаучной схемой он и подошел к Петру и его времени. Его художественный взгляд сразу показал ему, что для картины «торгового капитализма» и его стремлений в самой эпохе нет художественных доказательств. Но А.Н. Толстой не поверил своему взгляду, а поверил Покровскому. Отсюда и родился Иван Артемьевич Бровкин, — самая неубедительная и даже смешная фигура в романе, хотя и самая близкая к Петру по «классовому» выражению...» [9].

Эти слова были вычеркнуты рукой автора и заменены более мягкими и объективными формулировками. Признавая определенное влияние Покровского, Макаренко считает, что Толстой в художественном воссоздании исторического прошлого отталкивался не от социологических схем, а от исторических фактов, опирался на многочисленные источники и свою неиссякаемую творческую фантазию. Подытоживая свои рассуждения на эту тему, он говорит: «...Настоящая увлекательность, действительная прелесть и богатство книги у А.Н. Толстого на протяжении всего романа остается не функцией его социологической схемы, а следствием его острого взгляда, могучего воображения и замечательного языка... Бровкин не вышел показателем купеческого первенства, но он остался одним из русских

людей своего времени, и в составе петровского окружения и он сказал свое нужное слово» [1, с. 138—139].

Современный критик должен не «защищать» Толстого от Покровского, как это делает Ленобль, а объективно исследовать характер влияния трудов историка на роман о Петре. Есть очень серьезные основания утверждать, что это влияние не было только отрицательным.

Не подлежит никакому сомнению то, что А.Н. Толстой, работая над романом о Петре Первом, серьезно изучал «Русскую историю с древнейших времен» и другие труды М.Н. Покровского. Первая и вторая книги романа создавались в промежутке между 1929 и 1934 гг., в пору, когда «школа Покровского» ещё не была официально осуждена. Во всяком случае в период написания первой книги Покровский считался непререкаемым авторитетом в исторической науке, а его «Сжатый очерк» единственным марксистским курсом отечественной истории. Исследователями творчества писателя установлено, что написанию романа «Петр Первый» предшествовала большая и напряженная работа по переосмыслению Петровской эпохи, по пересмотру исторических концепций, сформировавшихся под влиянием старой историографии. В сохранившихся в архиве писателя списках литературы по эпохе Петра Первого значится и пятитомная «Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровского [10].

В трудах историка решающее значение придается анализу экономической жизни общества, выявлению классовой сущности внутренней и внешней политики государства, освещению жизни угнетенных классов и их борьбы против поработителей. Оценка основных фактов истории дается им с точки зрения народных интересов, с ярко выраженным пониманием народа как решающей силы истории. В связи с этим он не только не допускает восхищения преобразовательной деятельностью Петра, но явно снижает ее значение, усиленно подчеркивая жестокость, «варварство» царя. Положение дел в стране характеризуется им как «пир во время чумы». В записных книжках А.Н. Толстого, храня-

щихся в архиве, есть интересные заметки, в которых сжато характеризуется сущность Петровской эпохи и преобразовательной деятельности царя. Эти заметки являлись первоначальными набросками исторической концепции романа, выработанной на основе изучения многочисленных источников. В них весьма ощутимо влияние концепции Покровского, о чем свидетельствуют следующие тезисы: «Петр хотел перескочить через торговый капитал. Он привлекал его к государственным надобностям. Помещики в этом не помогали, а тормозили... Петр не мог опереться ни на один из классов, кроме военщины. Торговый капитал, привыкший к легким формам оборота, упирался, когда государство толкало его в промышленность.

Изобразить купца, который в отчаянии от того, что его заставляют стать промышленником» [10].

Работая над романом, Толстой стремился художественно воплотить эту концепцию, и хотя она претерпевала существенные изменения, от влияния исторических воззрений Покровского не освободилась. Но считать подобно Макаренку и другим литературоведам, что Толстой усвоил только ошибки Покровского и прошел мимо того положительного, что было в его трудах, просто нелогично. Судьбы героев романа, начиная от Петра и заканчивая Федькой по прозвищу Умойся Грязью, определяются в конечном счете экономическими устремлениями классов, социальных групп, выразителями интересов которых они являются. Такого повышенного интереса к социально-экономической жизни общества мы не найдем в прежней исторической беллетристике.

Как это ни парадоксально, но положительное влияние на выработку исторической концепции романа могло иметь и резко отрицательное отношение Покровского к Петру. Как мы уже отмечали, в его «Русской истории» Петр явно принижен, значение реформ недооценено, а в «Сжатом очерке» Петровской эпохи как таковой вообще нет: ей посвящено буквально несколько страниц. С точки зрения Покровского, реформы Петра выражали интересы

господствующих классов и никакого значения для народа не имели. А. Толстой не пошел за Покровским в оценке личности и деятельности Петра Первого, но историк помог ему избежать апологетики, сдерживал писателя, восхищенного величием и незаурядностью Петра как исторического деятеля.

Толстой уделяет большое внимание изображению торговых людей, но в отличие от Покровского подчеркивает важную роль класса помещиков (образ Волкова), хотя делает это недостаточно выразительно. Прав Ю.А. Андреев, который в исследовании об историческом романе утверждает, что соответствующего Бровкину по значению образа помещика-дворянина в романе все же нет [12].

А. Н. Толстой создал свою историческую концепцию Петра и Петровской эпохи, которая не только обеспечила успех роману, но и стала достоянием советской исторической науки, оказав решающее влияние на более глубокое, научное осмысление одного из важнейших периодов истории Российского государства. «Недостатки сюжета, психологической неполноты, исторической неточности, — пишет Макаренко, — все это теряется в замечательно бодром и глубоко правдивом, действительно прекрасном пафосе художественного видения и синтеза» [1, с. 142]. Особенно отмечает Макаренко оптимизм исторического мышления Толстого, искреннюю любовь и горячую веру его в русский народ.

Автор «Педагогической поэмы» оказался достойным критиком романа «Петр Первый» — поистине выдающегося создания А.Н. Толстого. Статья отличается не только глубиной содержания, богатством эрудиции, оригинальностью мысли, но и красотой, эмоциональностью и звучностью слова, афористичностью формулировок — качествами, которые нечасто встречаются в нашей критике. Многие положения Макаренко прочно вошли в научный обиход, стали достоянием нашего литературоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко А.С. «Пётр Первый» А.Н. Толстого // Педагогические соч. в 8 т. — Т. 7. — С. 122—142.
2. Ленобль Г. «Петр Первый» А.Н. Толстого в освещении А.С. Макаренко // Ленобль Г — История и литература. — М.: СП, 1960.
3. Рождественская И.С., Ходюк А.Г. — А.Н. Толстой. Семинарий. — Л.: Учпедгиз, 1962; М. Кораллов. — Музы, герои, время // «Вопросы литературы», 1965, № 9.
4. Благой Д. Литература и действительность. — М.: Наука, 1961.
5. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. — Изд-во АН СССР. — Т. 1. — М., 1953.
6. «Литературная газета», 13 октября 1943 г.
7. Письмо к Полонскому. — Архив А. Н. Толстого в Институте мировой литературы им. А.М. Горького. — Инв. № 6230/28.
8. РГАЛИ. — Архив А.С. Макаренко. — Фонд 332, оп. 1, ед. хр. 20.
9. РГАЛИ. — Архив А.С. Макаренко. — Ф. 332, оп. 1, ед. хр. 20, л. 29.
10. Архив А.Н. Толстого, хранящийся в Институте мировой литературы им. Горького. — Инв. № 378/а.
11. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. — Т. 3. — М.: Изд. т-во «Мир», 1914.
12. Андреев. Ю.А. Русский советский исторический роман. — М.: Изд. АН СССР, 1962.

*Вопросы русской литературы. —
Выпуск 2. — Львов, 1966.*

ОБ ОДНОЙ ДИСКУССИИ И ЕЁ ОТГОЛОСКАХ

В 1937 г. в журнале «Литературный критик» (№ 10—11) была опубликована статья А.С. Макаренко «Чапаев» Д. Фурманова», подвергавшая острой критике широко распространенную трактовку образа Чапаева как типичного партизана и некоторые другие распространенные среди критиков той поры положения. Многие исследователи творчества Фурманова указывают на глубину и проницательность суждений Макаренко, отмечают некоторые его ошибки и увлечения, но до сих пор этот эпизод в истории нашей критики остается недостаточно освещенным.

В самом деле, почему Макаренко, умнейший педагог, хорошо понимавший воспитательную роль политических комиссаров в годы революции и гражданской войны, начисто отрицает какое-либо воздействие Клычкова на Чапаева? Почему он ополчился на критиков, которые, анализируя проблематику произведения, казалось бы, верно на первый план ставили проблему партийного перевоспитания народного самородка, партизанского вожака? Кто эти критики? С кем полемизировал Макаренко?

На все эти вопросы мы не найдем ответов ни в общих работах о творчестве Фурманова, ни в статьях, посвященных изучению литературно-критического наследия А.С. Макаренко.

Дискуссия, о которой пойдет речь, заслуживает того, чтоб к ней вернуться сегодня еще и потому, что в новей-

шей литературе о «Чапаеве» встречаются положения, убедительно опровергнутые много лет назад.

В марте 1936 г. исполнилось 10 лет со дня смерти Д.А. Фурманова. В связи с этой годовщиной в советском литературоведении усилился интерес к изучению творчества выдающегося писателя-большевика: выходит собрание его сочинений в трех томах, появляются публикации архивных материалов и многочисленные статьи о жизни и творческой деятельности Д.И. Фурманова. Самой большой по объему и самой значительной по содержанию была работа М. Серебрянского «Дмитрий Фурманов», опубликованная в журнале «Литературная учеба» и в том же году вышедшая отдельной книжкой. Это было первое серьезное монографическое исследование творчества Фурманова, которое, без преувеличения можно сказать, знаменовало собой успехи всего советского литературоведения 30-х годов. Политически четкая, хотя излишне социологизированная, концепция Серебрянского на долгие годы утвердилась в фурмановедении, прочно вошла и в популярные пособия и в ученые труды. Несмотря на бесспорные достоинства работы Серебрянского, именно она, как показывает анализ, вызвала несогласие Макаренко и послужила поводом для его печатного выступления.

Важнейшие положения концепции Серебрянского, относящиеся к трактовке романа «Чапаев» и образа главного героя, сводятся к следующему.

1. «Пробуждение масс к активной, сознательной жизни, процесс формирования личности — Фурманов рисует как главное в образе Чапаева. На этом построен сюжет «Чапаева», в этом его идея и художественная правда, рассказанная Фурмановым под определенным углом зрения».

2. В противовес писателям, идеализировавшим стихийность масс, Фурманов показал «большевистское обуздание партизанщины, перевоспитание ее вождей и рядовых бойцов в сознательных союзников и соратников рабочего класса».

3. «В «Чапаеве» наибольшее значение имеют два художественных образа — партизанского командира Чапаева и комиссара дивизии Клычкова. Но на первом месте — Чапаев, и это естественно, так как Фурманов сознательно ставил себе задачей изобразить именно чапаевщину, т. е. обобщить в образе партизанского вождя ту многомиллионную стихию, которую большевикам надлежало воспитать, обучить, поднять к сознательной жизни и двинуть вместе с рабочим классом на борьбу за новое общество».

Итак, главная тема книги Фурманова, по мысли Серебрянского, — тема перевоспитания партизанского вождя Чапаева, олицетворяющего многомиллионную крестьянскую стихию. Критик последовательно и настойчиво называет Чапаева партизаном, партизанским вожаком, употребляет вряд ли удачное слово «чапаевщина», хотя действие книги происходит год спустя после создания Красной Армии и реорганизации крестьянских полков в регулярную армию. Подчеркивание «партизанщины» выглядит очень предвзятым: Клычкова Серебрянский называет комиссаром дивизии, а Чапаева — партизанским командиром, хотя они вместе возглавляют одно и то же воинское соединение, один в качестве командира (начдива), а другой в качестве комиссара.

Весь свой критический пыл Макаренко направил на опровержение основных положений концепции Серебрянского: главная тема книги — перевоспитание Чапаева, Чапаев — типичный партизан, олицетворение крестьянской стихии. «Фурманов приводит очень много бесед Клычкова с Чапаевым, — пишет Макаренко. — Последний почти всегда уступает его логике, его знанию и ясной воле. Некоторые критики именно в этих беседах увидели главное содержание книги и объявили, что в «Чапаеве» Фурманова нужно видеть картину благотворного влияния партии на вышедшего из крестьянской среды самородка. По мнению этих критиков, тема «Чапаева» есть тема, так сказать, педагогическая» (VII, 81).

Макаренко считает, что Клычков действительно предстает в романе чуть ли не единственным воспитателем Чапаева, но это не означает, что главной темой книги является воспитательная работа комиссара. Главная тема книги, по его мнению, — не перевоспитание Чапаева, а сам Чапаев, олицетворяющий героизм, боевую отвагу масс, сражавшихся под руководством партии за победу революции. В работе Серебрянского делается акцент на пробуждении Чапаева к сознательной жизни, на формировании его как личности, а Макаренко считает, что этот процесс в Чапаеве в основном завершен, что он вполне сознательно борется за дело революции. Несмотря на ограниченность политического сознания, малограмотность, предрассудки, Чапаев является единомышленником Клычкова, его соратником по борьбе. Цель жизни и Чапаева, и Клычкова одна и та же: победа над Колчаком, торжество революции. Политическое сознание Чапаева как борца за Советскую власть, справедливо утверждал Макаренко, созрело в условиях жестокой классовой борьбы, в ходе революции и гражданской войны *еще до прибытия* комиссара Клычкова.

Отвергая утверждение Серебрянского о том, что Чапаев — типичный партизан, Макаренко пишет: Чапаев — «командир Красной Армии, боевой комдив, за которым идут с равным успехом и рабочие, и крестьянские полки. Он один из тех талантливых полководцев, которых выдвинула революция и которые вели за собой полки революции по директивам партии, но не по стихийному слепому размаху» (VII, 90).

Надо признать, что в этой части, безусловно, прав был Макаренко. Выдвинув на первое место проблему перевоспитания партизанского вожака, Серебрянский — хотел он того или не хотел — принизил Чапаева, сделал выдающегося, талантливого полководца Красной Армии заурядным партизаном. Это принижение Чапаева до уровня несознательного, рядового партизана с «серой биографией» было отмечено еще в 1936 г. А. Волковым в рецензии на

книжку Серебрянского. Критикуя утверждение Серебрянского о том, что политическое сознание Чапаева поднималось до понимания интересов трудового крестьянства, он писал: «Нужно сказать больше: Чапаев через политические заблуждения шел и пришел к пониманию пролетарской революции, он на практике осуществлял ее задачи».

Если согласиться, что главное содержание книги Фурманова сводится к воспитанию и перевоспитанию Чапаева, к укрощению его анархической, партизанской природы, то трудно понять, почему этот образ имеет такую огромную силу положительного примера, почему миллионы и миллионы советских людей в детстве мечтали быть такими, как Чапаев. Вот в этом кроется секрет того, почему выдающийся писатель-педагог взялся за перо и так горячо полемизировал с самой авторитетной в ту пору концепцией. Он хотел, чтоб и в критике, имеющей на читателя огромное воспитательное воздействие, образ Чапаева засверкал в том героическом ореоле, который дала ему история, который запечатлела правдивая книга Фурманова. «Чапаева можно анализировать, — справедливо писал Макаренко, — можно разделить на части: поступки, идеи, слова, странности, — можно показать на то или иное и сказать: «Вот видите: и это плохо, и это нехорошо, и это опасно, и это партизанщина». Но никогда этот анализ не уничтожит цельного, неделимого Чапаева, который ни в коей мере не является простой суммой качеств, сводимых в арифметическом порядке в какой-то итог не то со знаком плюс, не то со знаком минус. Чапаевский неделимый синтез — это воля борца, это неудержимая, всепополняющая, всеобъясняющая человеческая страсть к победе» (VII, 87).

Правильно подчеркивая и выдвигая на первый план героическое начало в характере Чапаева, характеризуя его как выдающегося борца за дело революции, Макаренко, к сожалению, преувеличил степень сознательности комдива и впал в другую крайность — совершенно снял проблему воспитания Чапаева. Несмотря на эту серьезную ошибку,

основной пафос статьи Макаренко был глубоко положительным. Трактовка образа Чапаева как исключительной идейно-художественной силы *положительного* героя, созданного советской литературой, воплотившего лучшие черты революционного народа, была очень важным, принципиально верным уточнением литературно-критической концепции романа Фурманова, сложившейся в нашем литературоведении в середине 30-х годов.

Филологические науки. —

№ 1. — Москва, 1967.

Статья опубликована с сокращением.

А.С. МАКАРЕНКО О КОЛЛЕКТИВЕ КАК ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

В советском литературоведении довольно широкое распространение получило понятие «коллективный герой», которым принято было обозначать собирательный образ совокупности людей — народа, массы, определенной социальной общности. Этим понятием оперировали критики, исследовавшие литературный процесс, а также литературоведы, изучавшие историю литературы с древнейших времен до наших дней. Особенно часто встречается оно в трудах, посвященных истории советской литературы, которая, как известно, на первом этапе своего развития отдавала предпочтение изображению революционной массы. Несмотря на то, что это понятие несет в себе совершенно реальный социально-эстетический смысл, оно до сих пор не получило не только научного осмысления, но и общего признания в нашей теории литературы. Оно отсутствует в авторитетном справочном издании — «Словаре литературоведческих терминов» Л. Тимофеева и С. Тураева, его обходят молчанием современные учебные пособия по теории литературы и введению в литературоведение. В тех отдельных изданиях, в которых оно упоминается, коллективный герой трактуется либо как массовая сцена [9, с. 89], либо как «выражение, которое иногда употребляется для определения массовой сцены» [5, I с. 280], либо как собирательный образ [13, с. 259—260].

Известно, что идее коллективизма большое внимание уделяли теоретики Пролеткульта, однако их интерпретация этой проблемы была настолько вульгаризаторской, что ее не могла принять наука. Во второй половине 20-х годов рапповская критика выдвинула лозунг «За живого человека в литературе», в ходе обсуждения которого коллективный герой отошел на второй план. В 30-е годы интерес к этой проблеме фактически исчез, несмотря на то, что в литературе появились произведения, по-новому раскрывавшие массового героя.

Очень интересные суждения о коллективном герое высказал в конце 30-х годов А.С. Макаренко. В открытом письме критику Ф. Левину писатель-педагог указывал, что к существующим в критике понятиям «синтетический образ», «характер», «типизация», по его мнению, следовало бы добавить и такое понятие, как «образ коллектива». «Я как автор, — писал он, — в особенности заинтересован в этом, ибо мой герой всегда коллектив... Но и во многих произведениях советских писателей я вижу эту линию потребности. «Разгром», «Чапаев», «Поднятая целина» заключают очень большие коллективные образы и коллективные явления» [7, с. 208]. Макаренко считал, что образ коллектива — принципиально новое явление в советской литературе, обусловленное качественными изменениями, происшедшими в социальной жизни страны.

В то время высказывания автора «Педагогической поэмы» не обратили на себя внимания литературоведов. И только в начале 60-х годов о них напомнил Л. Тимофеев во втором издании своего труда «Основы теории литературы». Правда, ученый не поддержал их, а, наоборот, категорически отверг образ коллектива как эстетическую категорию и обвинил Макаренко в распространении этого понятия. Прочитав приведенное нами высказывание писателя, он совершенно недвусмысленно заявил: «Однако нет оснований поддерживать эти взгляды А.С. Макаренко. Названные им произведения безусловно богаты обобщениями, говорящими об исторической роли народа,

о значении партии как организующей силы революции. Но здесь перед нами именно обобщения, вытекающие из идеологического содержания этих произведений, но они отнюдь не индивидуализированы в конкретных картинах, составляющих собой непосредственное содержание «Разгрома» или «Поднятой целины». Надо сказать, что и значение «Педагогической поэмы» А.С. Макаренко определяется именно богатством изображенных в этом произведении разнообразных характеров, и в частности центрального характера — характера повествователя, а представление об огромной силе коллектива — это чрезвычайно ценное обобщение, которое вырастает из всего произведения в целом, но отнюдь не дано в сколько-нибудь индивидуализированном образе» [10, с. 67].

Считается аксиомой, что ценность произведений литературы определяется прежде всего глубиной проникновения в человеческие характеры, силой обобщения и яркостью индивидуального облика, созданных ими героев. История советской литературы знает примеры, когда писатели нарушали этот непреложный для искусства закон, заменяя образы-характеры образами-схемами «мирового коллектива», «легионов труда», «множеств» и т. п. Однако сама практика развития литературы опровергла их эстетические принципы и показала, что магистральный путь творческих поисков художника связан с изображением типических характеров. Вместе с тем с категорическим отрицанием так называемых собирательных образов согласиться нельзя. Опыт мировой литературы показывает, что собирательный образ массы очень часто содержит не только определенное идеологическое обобщение, но и имеет те конкретные, индивидуальные признаки, которые делают его художественным образом. Подобные собирательные образы проходят через всю русскую литературу, начиная от «Слова о полку Игореве» и заканчивая многими произведениями современной литературы. Так, в «Слове о полку Игореве» наряду с образами князей в персонифицированном виде предстают дружина, «кмети», «русичи», Русская земля. «Русская

земля, — указывает Д. Лихачев, — в описании которой объединились лирика и публицистика, — основной художественный образ «Слова» [6, с. 91]. Народ является одним из главных действующих героев драмы Пушкина «Борис Годунов». Автор выделяет отдельных представителей массы, но в целом она воспринимается как единый образ, содержащий определенную обобщенную идею и вместе с тем имеющий конкретный индивидуализированный облик. Массовому герою отводится также важная роль в творчестве Гоголя. «Носителем творчества духовных ценностей, — писал Г. Гуковский о «Вечерах на хуторе близ Диканьки», — оказывается не личность, а иное — совокупность людей, нация, тоже понятая не как индивидуальность, а как множество, как народ» [2, с. 39].

Автор книги «Художественная проза народничества» М. Горячкина утверждает, что Засодимскому, Наумову и, особенно, Каронину удалось нарисовать очень выразительный коллективный образ русского крестьянства 70—80-х годов [1, с. 34]. Л. Шишкина, исследуя опыт создания образа массы писателями-знаньевцами, пришла к выводу, что он явился новым словом в литературе начала XX в. и был воспринят впоследствии советской прозой 20-х годов [12, с. 192].

В упоминавшемся нами труде «Основы теории литературы» Л. Тимофеев упрекает Б. Бурсова в том, что тот в «Войне и мире» Л. Толстого усмотрел образ персонифицированной массы, имеющий самостоятельное идейно-художественное значение [10, с. 66]. Между тем этому образу отводят важную роль в идейно-эстетической концепции произведения очень многие исследователи творчества великого русского писателя. В работе М. Храпченко «Лев Толстой как художник» приводится следующее любопытное высказывание Толстого: «Дело искусства отыскивать фокусы и выставлять их в очевидность. Фокусы эти по старому разделению — характеры людей; но фокусы эти могут быть характеры сцен, народов, природы». Это высказывание, считает ученый, для Толстого не было случайным,

так как в его произведениях встречается большое количество картин, рисующих коллективного героя, а также сцен, изображающих примечательные события, поток явлений действительности [11, с. 416].

Основной аргумент Л. Тимофеева в его отрицании собирательных образов состоит в том, что эти образы, по его мнению, являясь обобщениями идеологического характера, не имеют конкретно-индивидуализированного воплощения [10, с.67]. А вот как характеризуется массовый герой «Войны и мира» в книге М. Храпченко: «Как, вероятно, никакой другой художник слова, Толстой умел необыкновенно сильно и впечатляюще нарисовать облик, психологию народного коллектива, участвующего в исторических событиях. Массовый герой, показанный на полях сражений, на подступах к Бородину, в оставленной войсками Москве, предстает перед читателем в своей внутренней дифференцированности, в своем непрерывном движении. Мы видим *почти физически осязаемо* множество людей, наблюдаем течение жизни массового героя, изменение его настроений, оценок событий, проявляющееся то подспудно, то выражаемое ясно и определенно, мы наблюдаем сложное развитие действий целого коллектива» (курсив наш. — М.Г.) [11, с. 122]. Ученый полагает, что коллективный герой в «Войне и мире» не только является воплощением идеи народа, но и живым полнокровным образом, функционирующим наряду с индивидуализированными персонажами.

Этот вывод подтверждается и на примерах из советской литературы. Неорганизованная масса, превращающаяся под руководством большевика Кожуха в «железный поток» — это не абстрактное обобщение, а живая картина человеческой жизни. Мы отчетливо видим и слышим движущийся человеческий поток, который, подобно живому существу, имеет свою индивидуализированную внешность, свой голос, свою психологию. В процессе движения меняется внешний вид массы, ее характер, ее политическое сознание.

Не менее выразительно изображен коллектив и в «Педагогической поэме» Макаренко. Наряду с образами-персонажами писатель рисует собирательный образ горьковцев, уделяя большое внимание не только внешним чертам коллектива, но и изображению его «диалектики души», текучести его внутреннего сознания. Уподобляя коллектив личности, Макаренко использует многие приемы психологического анализа, с помощью которых он раскрывает внутренний мир персонажей: портретные зарисовки, авторские характеристики, изображение «физических сигналов» внутреннего состояния, прямую речь в форме диалога и полилога. Очень примечательны групповые портреты колонистов, в которых запечатлен не только внешний вид коллектива на различных этапах его становления, но и определенная ступень его внутреннего роста.

Авторы «Истории русского советского романа» с полным основанием пишут: «Преобладающий тип советского романа — рассказ о человеке и коллективе, о коллективном труде (и поэтому в центре часто показывается производственный коллектив на заводе, в колхозе, учреждении, экспедиции и т. д.), о коллективном воинском братстве. Даже в тех случаях, когда в романе есть центральный персонаж (Скутаревский, Григорий Мелехов, Балувев, Воропаев, Корчагин и др.), автор интересуется не только его «я», его личными взглядами, но и тем, как входит он в жизнь коллектива, как согласуется или не согласуется строй его души с «коллективной душой» [4, с. 450—451]. Это в полной мере относится и к драматургии, произведениям Г. Бокарева, И. Дворецкого, А. Гельмана и других, вызвавших в своё время большой общественный интерес. Главный режиссер МХАТа О. Ефремов, рассказывая о постановке пьесы Бокарева «Сталевавары», подчеркивал, что главное в спектакле — «это бригада, сообщество людей, сталевавары», способные мыслить по-государственному широко и мудро [3, с. 17—18].

Рамки небольшой статьи не позволяют полнее представить литературный материал, но и приведенные примеры,

на наш взгляд, убедительно показывают, что так называемый коллективный герой — полноценный художественный образ, имеющий все особенности, которые, по мнению Л. Тимофеева, присущи образу как эстетической категории.

Как было отмечено, некоторые литературоведы отождествляют понятия «коллективный герой» и «массовая сцена», полагая, что коллективный герой — не что иное, как изображенная писателем массовая сцена. Думается, что эти понятия нуждаются в строгой дифференциации. Коллективный герой — это образ, который проходит, как правило, через все произведение, в то время как массовая сцена — только отдельная картина, изображающая действия и настроения массы. Возьмем для примера «Железный поток» Серафимовича, в котором особенно отчетливо проступает это различие. Главный герой произведения — собирательный образ революционной массы, который раскрывается с помощью массовых сцен, авторских характеристик, прямой речи и других средств. Массовые сцены представляют собой картины поведения и внутреннего состояния массы в тот или иной момент. Роман открывается сценой митинга у ветряков, затем перед читателем проходит целый ряд других подобных сцен, завершающихся митингом в степи после выхода армии из окружения. Образ коллективного героя возникает на основе всех изображенных сцен, поэтому массовая сцена и коллективный герой неравнозначны и по своему значению, и по своей функции.

Все сказанное позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, «коллективный герой» или «образ коллектива» — это важное теоретико-литературное понятие, прочно вошедшее в научный обиход и требующее серьезного теоретического осмысления. Во-вторых, коллективный герой представляет собой не обобщение идеологического характера, которое конструирует исследователь на основе анализа художественного произведения, а в большинстве случаев реально существующий образ со всеми присущими ему признаками, то есть обобщение в конкретно-чув-

ственной форме. В нем воплощаются общие и конкретные черты различного рода социальных общностей, отличающихся единством устремлений и психических состояний. Коллективный герой является одной из разновидностей образа-персонажа и должен занять соответствующее место в существующей классификации: герой (тип), лирический герой, персонаж, автор, повествователь, коллективный герой, читатель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горячкина М. Художественная проза народничества. — М., Наука, 1970. — 274 с.
2. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. — М.—Л.: Гослитиздат, 1959. — 532 с.
3. Ефремов О. Современный герой, каков он? // Вопросы литературы, 1973, № 6. — С. 3—56.
4. История русского советского романа. В 2-х кн. — Кн. 2. — М.—Л.: Наука, 1965. — 484 с.
5. Лесин В. М., Пулинець О. С. Словник літературознавчих термінів. — К.: Радянська школа, 1971. — 290 с.
6. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. — М.: Просвещение, 1976. — 175 с.
7. Макаренко А.С. Открытое письмо Ф. Левину. — Соч. В 8-ми т. — Т. 7. — М., 1986. — С. 204—208.
8. Метченко А.И. Кровное, завоеванное. — М.: Советский писатель, 1971. — 495 с.
9. Сорокин В.И. Теория литературы. — М.: Учпедгиз, 1960. — 280 с.
10. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. 4-е изд. — М.: Просвещение, 1971. — 464 с.
11. Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник. — М.: Советский писатель, 1963. — 664 с.
12. Шишкина Л.И. Образ коллективного героя в творчестве писателей-знальцев // Русская литература, 1976, № 1. — С. 181—192.
13. Чернец Л.В. Введение в литературоведение. — М., 2000. — 556 с.

*Вопросы русской литературы. —
Вып. 2 (34). — Львов, 1979.*

НОВОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А.С. МАКАРЕНКО

К 100-летию со дня рождения А.С. Макаренко Академия педагогических наук СССР подготовила издание собрания сочинений педагога и писателя в 8-ми томах. Даже безотносительно к юбилейной дате новое издание — давно назревшее дело. За последние 30 лет советская педагогическая наука значительно продвинулась в изучении научно-педагогического наследия А.С. Макаренко: собрано и частично опубликовано большое количество неизвестных ранее материалов, уточнен ряд фактов биографии, появились новые исследования, позволяющие глубже осмыслить его педагогическую систему. Усовершенствована сама методика издания педагогической классики.

Вышли из печати первые тома этого издания, которые позволяют судить о том, что оно представляет собой, каково его качество и научная значимость. Ценность любого подобного издания определяется, на наш взгляд, тремя факторами: полнотой публикуемого материала, текстологической его выверенностью и научным уровнем справочного аппарата.

В основу издания положен хронологический принцип с дифференциацией публикуемого материала по трем основным частям макаренковского наследия: научно-педагогические труды, художественно-педагогические произведения и документально-методический материал. Проблема классификации сочинений Макаренко и разбивки их по

томам сложна, многие его труды нельзя отнести к какому-либо одному из указанных видов. Здесь трудно порой установить грань между рабочим документом и методической разработкой, научным сочинением и художественным произведением. Избранный составителями принцип организации материала следует признать оправданным и целесообразным, хотя в отдельных случаях он осуществлен не вполне последовательно.

В первый том (составители и авторы комментариев — Л.Ю. Гордин и А.А. Фролов) вошли педагогические произведения Макаренко 1922—1936 гг. Документ 1922 г. — «Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения» и приложение к нему «Вместо коллоквиума» — своего рода визитная карточка руководителя колонии им. М. Горького. Этот документ вызывает не только восхищение личностью автора, бывшего одним из образованнейших людей своего времени, но и позволяет понять, как он стал новатором в педагогике. Публикуемые в первом томе сочинения дают представление о деятельности Макаренко в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, раскрывают динамику его творческих поисков и открытий, сложный процесс формирования его педагогической системы. Здесь представлено большое количество вновь выявленных документов и педагогических сочинений, примечания «публикуется впервые» и «полностью публикуется впервые» встречаются более 20 раз. В рамках 8-томника опубликовать все, выявленное на сегодняшний день, оказалось невозможным, полное собрание сочинений — дело будущего.

Ряд новых документов характеризуют хозяйственную деятельность колонии им. М. Горького, а также важнейшие особенности воспитательного процесса. Большой интерес представляют тезисы содоклада на Всеукраинском совещании комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей, состоявшемся в Харькове в 1924 г. Здесь отразились некоторые ранние теоретические обобщения опыта воспитательной работы, составившие основу его педаго-

гической системы. Макаренко считал, что колония должна превратиться в солидное хозяйство, что учебно-воспитательный процесс в ней должен органически сочетаться с трудовой деятельностью воспитанников. Он акцентировал внимание также на том, что в жизни колонии надо использовать элементы игры и создать условия, исключая отношение к ребятам как к правонарушителям.

Для понимания теоретических позиций Макаренко в конце 20-х гг. очень важной является его рецензия на рукопись «Руководство для комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей». В ней освещаются такие проблемы, как соотношение социального и биологического в развитии личности, личность и коллектив, взаимодействие организованных и «самовозникающих» коллективов, воспитание детей в семье и др. Этот материал, вне всякого сомнения, заинтересует и педагогов-практиков, и теоретиков.

Много новых публикаций относится и к деятельности коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Здесь представлены заметки для стенгазеты, учебно-методические материалы, а также теоретические статьи. Среди них — статья «Коммуна им. Ф.Э. Дзержинского», обнаруженная в периодике начала 30-х гг. Автор рассматривает в ней вопрос о преемственной связи между колонией и коммуной, о том новом, что появилось в организации коллектива. Большой интерес представляют проблемы связи обучения с производительным трудом, общекультурного и эстетического развития молодежи.

В первый том включена переписка А.С. Макаренко с А.М. Горьким, тематически и хронологически примыкающая к публикуемому материалу.

Во втором томе (составители — М.Д. Виноградова, А.А. Фролов; авторы комментариев — М.Д. Виноградова, В.Е. Гмурман, А.А. Фролов) представлены художественные произведения 1932—1938 гг.: очерки «Марш 30 года», «ФД-1», пьеса «Мажор» и повесть «Честь».

Внимательное изучение публикаций в двух томах позволяет сделать вывод о том, что составителями проведе-

на большая текстологическая работа. Вместе с тем в этой части издания есть и отдельные погрешности. Выше было отмечено, что первый том открывается заявлением Макаренко в Центральный институт организаторов народного просвещения. В прежнем издании в некоторых местах этого документа были допущены искажения и неоправданные сокращения. Составители сверили текст с первоисточником, очистили его от искажений, восстановили пропущенное, однако по неизвестной причине опустили абзац: «По политическим убеждениям — беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что, пока под социологию не подведен крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм».

Эти слова свидетельствуют о том, что в 1922 г. Макаренко горячо верил в идеалы социализма, но вместе с тем его теоретические воззрения в ту пору не только не отличались достаточной ясностью, но в них ощущался и определённый скептицизм. Составители увидели в этом нечто порочащее Макаренко, поэтому вопреки своим намерениям быть объективными исключили этот фрагмент. Как педагог и как мыслитель А.С. Макаренко прошел сложный путь становления, отмеченный напряженными исканиями, ошибками и заблуждениями, и нет никакой необходимости отступать от исторической правды.

Научный аппарат в рецензируемых томах выглядит добротным, комментарии отличаются точностью и достаточной полнотой, в них учтены результаты исследований за три десятилетия, прошедшие после предшествующего издания. Следует отметить стремление составителей отрешиться от устоявшихся догм и объективно отразить процесс эволюции его педагогических воззрений, а также напряженную борьбу педагога за утверждение своих педагогических принципов. Так, «Доклад на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского ин-

ститута педагогики», который был сделан 14 марта 1928 г., в прежнем, 7-томном издании фактически не был прокомментирован: указывалось только на то, что это заседание саркастически описано в «Педагогической поэме» в главе «Награды». Между тем этот документ заслуживал обстоятельного анализа, так как в нем шла речь о принципах организации коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, о важнейших проблемах теории и практики воспитания. Вот почему составители правильно поступили, дав в комментариях, кроме фактических сведений, краткую характеристику позиций Макаренко и его оппонентов. Научно-выверенный комментарий с элементами анализа дан также к работе «Методика организации воспитательного процесса» и ко многим другим. Все это поможет читателю правильно осмыслить труды Макаренко в контексте его деятельности как педагога-практика и теоретика.

Каждый том, кроме нумерации, имеет подзаголовок — «Педагогические сочинения». Между тем во втором томе опубликованы художественные произведения. Конечно, названные произведения имеют важное значение и для понимания педагогических взглядов Макаренко, тем более что большинство из них повествует о жизни коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Однако пьесе «Мажор», а особенно повесть «Честь», в которой изображается жизнь рабочих в дореволюционное время, никак нельзя подвести под рубрику «Педагогические сочинения». Не являются педагогическими сочинениями и разные биографические материалы, письма, деловые бумаги, характеризующие хозяйственную деятельность воспитательных учреждений. Совершенно ясно, что подзаголовок «Педагогические сочинения» ненужный, достаточно было бы дать общепринятое: «Собрание сочинений в 8 томах».

В 2-ой том вошли произведения, раскрывающие жизнь коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (кроме повести «Честь»). На наш взгляд, логичнее было бы опубликовать в нем «Педагогическую поэму», которая отражает и обобщает более ранний этап деятельности Макаренко. Это больше соот-

ветствовало бы хронологическому принципу, положенному в основу издания. «Педагогическая поэма» создавалась с 1925 по 1935 г. Первая часть была опубликована в 1933 г., вторая — в 1935. До «Педагогической поэмы» был напечатан только очерк «Марш 30 года» (в 1932 г.).

Здесь встречаются неточности в комментариях. Так, необоснованно отождествлены позиции критиков К. Малахова и К. Зелинского в оценке повести «Честь». Первый выдвинул против автора повести идеологические обвинения, второй видел главный недостаток произведения в том, что Макаренко допустил противоречие «между задачей объективного художественного повествования и публицистической темой».

Встречаются недостатки и в лингвистических комментариях. В сочинениях Макаренко, как известно, есть немало количество украинизмов, и расшифровку их следовало бы искать не в словаре В. Даля, а в словаре Б. Гринченко или современного украинского языка.

Все это дает основание сделать вывод о том, что новое собрание сочинений Макаренко в целом отражает уровень советского макаренковедения на современном этапе и может быть прочной базой для последующего плодотворного изучения его научно-педагогического и художественного наследия.

*Советская педагогика. —
Москва, 1984, № 7.*

КТО ТАКОЙ МАКАРЕНКО?

Редактору газеты «Время» (г. Харьков)

*Я*просил бы Вас опубликовать эту статью в защиту А.С. Макаренко — великого педагога, значение которого в истории мировой культуры нами явно недооценивается. Было время, когда мы защищали Макаренко от западных «буржуазных идеологов», а теперь они защищают его от нас «бывших большевиков», которые не в состоянии освободиться от идеологем советского времени и объективно оценить его наследие. Приходится снова ставить вопрос перед общественностью, — кто такой Макаренко? — потому что на родине педагога, в Украине, до сих пор не могут по достоинству оценить его место и значение в истории культуры.

В своё время в условиях критики тоталитаризма, когда преобладало эмоциональное восприятие советской действительности, высказывались обвинения в адрес многих писателей и других деятелей культуры в конформизме, в сотрудничестве с властью. Макаренко вспомнили то, что он служил в НКВД Украины, и назвали чуть ли не идеологом существовавшей политической системы. Педагогическое общество имени А.С. Макаренко было спешно переименовано в «имени Г.Г. Ващенко» — педагога, заслуги которого перед педагогической наукой совершенно неизвестны. Поводом послужило то, что бывший полтавский профессор Ващенко, в своё время высоко ценивший деятельность Макаренко как педагога-новатора, в годы Великой Отече-

ственной войны перебрался на Запад, где развернул злобную критику его педагогических идей.

25 октября 2011 года городские власти Харькова снесли памятник Макаренко, с 1968 года стоявший на центральной улице города, по которой часто маршировали его воспитанники, вызывая восхищение горожан. Чем провинился выдающийся педагог-писатель перед Харьковом, спустя 70 лет после своей смерти? А ведь именно здесь был совершён, по словам Горького, «педагогический эксперимент мирового значения», который принёс мировую славу и Макаренко, и городу. Макаренко создал два уникальных воспитательных учреждения — Колонию имени Горького и Коммуну имени Дзержинского и на основе многолетней напряжённой педагогической деятельности открыл ряд новых законов воспитания человека. «Педагогическая поэма», в которой описан его педагогический опыт, вызвала огромный интерес во всём мире среди педагогов, писателей и простых читателей. Французский писатель Луи Арагон в то время писал: «Я не знаю ни одной книги на свете, которая была бы написана с такой свободой, книги, так смело выдерживающей любой анализ... Я думаю, ни одна история всеобщей литературы, даже самая пристрастная, даже отмеченная антисоветскими предубеждениями, не может ныне обойти молчанием «Педагогическую поэму», не нарушая приличий... Ничто не в силах остановить её заражающего влияния, и ничто не может лишить её будущего». А вот что писал немецкий учёный-педагог Герман Нооль много лет спустя, уже после Второй мировой войны; «Можно только позавидовать русскому народу, который владеет таким богатством, как «Педагогическая поэма». Она пробуждает педагогические инстинкты у каждого читателя. Эту книгу у нас будут читать с величайшим интересом, будут полемизировать о ней, потому что в ней заключено много больше, чем одна лишь теория воспитания беспризорных». Это было сказано в 1950 году, а в 1968 году в Марбургском университете (Германия) была открыта специальная лаборатория по изучению наследия Макаренко — Макаренко-ре-

ферат, которая стала мировым центром макаренковедения. Основал её профессор Леонхард Фрёзе, а возглавил его ученик доктор Гётц Хиллиг, который развернул беспрецедентную деятельность по собиранию, изучению и пропаганде наследия Макаренко. Достаточно привести только такие факты: он нашёл во Франции в пансионате для престарелых родного брата Антона Семёновича — Виталия Семёновича, бывшего белого офицера, эмигранта, который по его просьбе написал интересные воспоминания; когда в начале 90-х годов были открыты все советские архивы, в том числе и МВД, он снял копии документов, относящихся к жизни и деятельности Макаренко, и ввёл их в научный оборот. Особую ценность представляет публикация семейного архива, который согласно завещанию вдовы разрешилось открыть только через 30 лет после её смерти, а умерла она в 1963 году. В этом архиве были письма, дневниковые записи, черновые варианты произведений. Всё это позволило говорить о неизвестном Макаренко. Лаборатория издаёт 20-томное собрание сочинений писателя-педагога (у нас 8-томное), периодически проводит международные научные конференции, стала инициатором создания Международной макаренковской ассоциации. Центры по изучению научно-педагогического наследия Макаренко существуют во многих странах мира. В России несколько таких центров — в Москве, Нижнем Новгороде, Волгограде, Челябинске и других городах. Особенно большую работу ведёт исследовательская лаборатория «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» в Нижегородском государственном педагогическом университете, которую возглавляет профессор А.А. Фролов. В Украине авторитетными центрами макаренковедения являются Полтава и Харьков, хотя финансирование их давно прекращено.

В период распада Советского союза некоторые педагоги пытались представить Макаренко идеологом тоталитаризма, а его педагогику антигуманной. Особенно изощрялся Юрий Азаров, автор публицистического романа «Не подниматься тебе, старик» и печально знаменитой статьи в газете

«Труд» «Великий педагог ГУЛАГа». Возможно, эти выступления, давно опровергнутые и забытые, как-то отразились на отношении к Макаренко наших учёных педагогов и городских властей Харькова. Трезво мыслящие представители педагогической науки Украины, стран СНГ и Запада сумели отделить политические наслоения в педагогической теории Макаренко, обусловленные социально-политическими условиями времени, от её истинной сути и по достоинству оценили его как великого педагога XX века. Справедливо сказал по этому поводу доктор Хиллиг: «В конечном счёте имеют значение достижения Макаренко, а не то, что некоторые из его современников думали о нём. Любой человек, после смерти которого можно с полным основанием утверждать, что он играл ведущую роль в теории и практике педагогики в течение более 30 лет и что он по-прежнему оказывает на неё большое влияние, достоин своего места в пантеоне, и обнаружение некоторых недостатков не даёт оснований для свержения его с пьедестала почёта. Кроме того, именно святые с некоторыми недостатками говорили миру наиболее ясно о положении человечества».

Очень точно, с подлинно научных позиций определил значение Макаренко американский учёный Джон Боуэн: «Значение Макаренко в том, что он более энергично и страстно, чем многие из нас, пытался сделать мир более приемлемым местом для жизни. И мы на Западе... не можем не признать величия этого вклада».

В 20-е годы вследствие гражданской войны и голода 1922 года тысячи детей лишились родителей и хлынули в города спасаться от голода. Столица Украины Харьков кишела беспризорными, которые не только кланчили, но сбивались в воровские ватаги и терроризировали жителей. Власти ничего не могли сделать с ними. Куряжская колония, призванная очищать город от беспризорных и приобщать их к нормальной жизни, напоминала бандитское гнездо. Колонисты разокрали в ней всё имущество и, переночевав на голых досках, с утра устремлялись промышлять в город. Это была острейшая социальная проблема, реше-

нием которой занимались самые высокие власти республики. В это время добрая слава разнеслась о Колонии имени Горького в селе Ковалёвка под Полтавой и её руководителе Макаренко. О ней писали в газетах и журналах, её ставили в пример. В 1925 году секретарь ЦК Украины пригласил Макаренко и спросил: «Можете навести порядок в столице?» Макаренко ответил: «Могу». Но выдвинул ряд условий, среди которых было и такое: уволить весь персонал Куряжской колонии, разрешить набрать по своему усмотрению 50% штатных воспитателей, но платить им двойную зарплату. Вскоре состоялось «завоевание Куряжа», красочно описанное в «Педагогической поэме», и ситуация в городе коренным образом изменилась. Однако после голодомора 1932—1933 годов нахлынула новая волна беспризорщины. Детские дома, приюты, распределители уже не в состоянии были разместить бездомных детей. Проблема была настолько серьёзной, что правительство Украины решает передать её из наркомата народного просвещения в наркомат внутренних дел — НКВД. Ещё в 1927 году по инициативе начальника Харьковского округа ГПУ Соломона Мазо было начато строительство показательного детского дома для беспризорных, который вошёл в историю под названием Коммуна имени Ф.Э. Дзержинского и с которым связана яркая страница биографии Макаренко. У нас в последние годы сложилась настолько негативное отношение к ГПУ, НКВД и КГБ, что оно распространяется на всех людей, причастных к ним. Несколько слов о Мазо, с которым общался Макаренко, работая в Коммуне. Мазо, как видно из переписки Макаренко с женой, опекал коммуны, щедро выделял деньги не только на внутренние потребности, но и на летние путешествия коммунаров. Но открылся ещё один поразительный факт: в знак протеста против массовых репрессий Мазо в 1937 году застрелился в своём служебном кабинете, оставив записку: «Зачем вы губите честных людей?» Я учился с его сыном — Маратом, таким же фронтовиком, как я, бывал у него дома, видел на стене портрет военного с ромбом в петлице, На мой вопрос

«Кто это?» Марат отвечал: «Отец. Он умер». Правду он не мог сказать даже мне.

Коммуна имени Дзержинского стала образцовым воспитательным учреждением, слава о котором вышла далеко за пределы Советского союза. Когда по улицам Харькова маршировала колонна вчерашних попрошайек, карманников, бандитов в белоснежных костюмах, с оркестром и красным знаменем, а во главе шёл ставший знаменитым скромного вида, педагог, жители радостно приветствовали её и гордились тем, что в их городе есть такая коммуна. Вот как описано торжественное шествие коммунаров в повести Макаренко «Марш 30 года»: «Гремит радостный марш: начинается наш праздник. Через час колонна подходит к городу. Между высокими домами улицы Либкнехта (так называлась в то время Сумская улица) наш большой оркестр разрывает воздух. Колонна занимает улицу. На тротуарах собираются толпы. Нам машут руками. С радостной улыбкой слушают наш марш девушки, приветливо-серьёзно поглядывают на нас мужчины, улыбаются мамыши и корреспонденты газет. То с той, то с другой стороны подлетает новый человек:

— Что за организация?

Коммунару в строю нельзя разговаривать. Он из вежливости бросает поскорее:

— Дзержинцы».

Каждое лето коммунары выезжали в экскурсии в разные города — Москву, Ленинград, Одессу, Сочи, по Волге и везде маршировали под оркестр, демонстрируя поразительные успехи перевоспитания беспризорных детей. Коммуна стала одним из самых знаменитых достопримечательностей города, в ней стремились побывать педагоги, писатели, зарубежные гости, в том числе известные государственные деятели Европы. В Кременчугском музее хранится книга с восторженными отзывами посетителей коммуны.

Некоторые авторы склонны обвинять Макаренко в том, что он служил в структуре НКВД Украины. Как известно, в 1934 году столица Украины была переведена из Харькова

в Киев. Проблема беспризорных детей в Киеве и в Украине очень беспокоила правительство, поэтому было решено как признанному специалисту поручить Макаренко эту работу в республиканском масштабе: 1 июля 1935 года он был назначен помощником начальника Отдела трудовых колоний Наркомата внутренних дел Украины. К этому времени была уже опубликована «Педагогическая поэма» и он стал известным писателем. В архиве НКВД хранится документ «Послужной список», составленный 27 мая 1935 года, который, несомненно, представляет интерес для читателя.

Макаренко Антон Семёнович.

Рожд. 1888 г. 14/3. Уроженец — Белополье, Харьковской обл. Национальность — украинец. Родной язык — русский. Владение другими языками — немецкий, украинский. Социальное происхождение — отец рабочий на железной дороге. Умер в 1916 г. в Крюкове, Харьковской обл. Мать — домохозяйка, умерла.

Социальное положение: профессия — учитель. До поступления в органы ОГПУ — учитель. Основная профессия — педагог. Беспартийный. Ранее в ВКП/б не состоял. Партийную и политическую работу с Февральской до Октябрьской революции не выполнял. Участия в Октябрьском перевороте не принимал. Партийных взысканий нет. Партгистки не проходил. Советскую чистку проходил в колонии им. Горького в 1922 году. Работа в аппарате НКВД с первых дней не понравилась Макаренко, так как он был оторван от живого дела воспитания. В августе он писал в Харьков своему другу Кононенко: «Я сделался бюрократом, и с каждым часом проникаюсь всё большей и большей ненавистью к этой специальности. Физически ничего не делаю, но бумаги извожу очень много. Ненавижу бумагу, машинисток, почту. Машинисток я бы объявил вне закона. Просто отдал бы приказ: уничтожать на месте после удостоверения личности». Кратковременной отдушиной была работа в колонии в городе Бровары под Киевом, которую развалили до основания, и руководство Отдела поручило ему навести в ней порядок. Прошло немного времени и эта

колония стала нормальным воспитательным учреждением. На празднике 7 ноября чисто одетые, подтянутые, жизнерадостные ребята стройными рядами шагали по Крещатику перед правительственной трибуной. Однако служить чиновником он больше не мог и подал рапорт об отставке, в котором было, в частности, сказано: «Я уже неоднократно просил Вас об увольнении меня от работы в ОТК (Отдел трудовых колоний) и неоднократно сообщал мотивы этой просьбы. 31 год я всегда работал непосредственно с детьми, я не имею никакого опыта работы в административном аппарате; польза, приносимая мною здесь, совершенно ничтожна». В январе 1937 года он добился увольнения и вскоре переехал в Москву, где с присущим ему темпераментом включился в общественную и литературную деятельность. Надорванного в тяжёлом труде здоровья хватило ему ещё на два года: умер он в вагоне московской электрички от разрыва сердца в 51 год.

Наследие Макаренко выдержало гуманитарную экспертизу времени, он признан классиком мировой педагогики в одном ряду с Коменским, Песталоцци, Руссо и другими выдающимися педагогами мира. Его высоко ценят деятели православной церкви России, католической церкви Италии, Канады, Германии и других стран. Настоящим апологетом педагогики Макаренко является немецкий пастор Д. Лаутер, который пишет: «Я нахожу у Макаренко позицию, точку зрения, которую можно охарактеризовать во многом как христианскую. Это его убеждение в том, что в любом человеке, даже преступнике, можно увидеть положительное, хорошее, достойное любви. Это его принцип, безусловно признающий за каждым право забыть плохое прошлое и начать жизнь снова. Наконец, его основной педагогический принцип «требование-уважение», который соответствует заповеди Иисуса принимать и уважать каждого человека, требовать от него многого».

Мировое значение педагогического наследия Макаренко обстоятельно освещено в большом труде российского учёного А.А. Фролова «А.С. Макаренко в СССР, России

и мире». В заключение приведём высказывание немецкого профессора Л. Фрёзе: «Если бы Антон Семёнович был сегодня среди нас и если бы его попросили работать в нищенских кварталах современного мира, среди голодающих, занимающихся воровством, проституцией, подверженных наркомании и алкоголизму молодых людей, то, учитывая его богатый опыт и теоретическую концепцию, вполне можно было бы ожидать, что он сумел бы найти выход даже из этого, кажущегося безвыходным положения».

Макаренко — великий педагог XX-го века, гордость Украины, памятник ему заслуживает самого почётного места в городе Харькове.

*«Время», 27.11, 2011;
О Харькове и не только. —
Харьков: Майдан, 2012.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из семейного архива

Дорогой коллега Хиллиг!

Мы так давно общались, что я не знаю, как Ваше здоровье, над чем Вы работаете, каковы Ваши творческие планы. Сердечно поздравляю Вас с наступившим Новым годом и шлю самые добрые пожелания: здоровья, успехов, счастья Вам и Вашим близким.

Пересылаю Вам автореферат диссертации моей внучки «Человек и мир в художественном творчестве А.С. Макаренко». Я рад, что она продолжает то дело, которому я отдал значительную часть своей жизни и которое доставляло мне творческую радость. Само собой разумеется, фундаментом её исследования явились Ваши труды, сделавшие фактически переворот в макаренковедении. Они нашли, как мне кажется, достойную оценку в обзоре литературы вопроса и в анализе конкретных фактов жизни и творчества педагога-писателя.

Что нового содержит диссертация?

На основе опубликованных Вами материалов уточнено мировоззрение Макаренко досоветского периода, его социально-политические и эстетические взгляды.

Целенаправленно и системно изучены национальные корни творчества Макаренко, сделан вывод о том, что он — русскоязычный украинский писатель.

По-новому освещены вопросы поэтики «Педагогической поэмы» — сюжет, композиция, хронотоп, средства создания характеров, украинский дискурс и др.

Основные выводы диссертационного исследования таковы:

1. Макаренко — автор одного талантливого произведения — «Педагогической поэмы».

2. «Педагогическая поэма» выдержала испытание временем, потому что воплощённый в ней идеал человека и мира соответствует общечеловеческим гуманистическим представлениям.

3. Новаторство Макаренко-писателя состоит в том, что он впервые раскрыл взаимодействие человека и общества на уровне коллектива, придав абстрактному понятию «среда» конкретный социально-педагогический смысл.

4. Повесть «Флаги на башнях» написана по канонам соцреализма и не может рассматриваться как творческая удача писателя.

5. Критика 30-х годов, отрицательно оценившая повесть «Флаги на башнях», была объективной и справедливой.

Это — самое важное. В работе есть много интересных наблюдений и свежих мыслей. После защиты (дай Бог, чтобы была успешной) мы планируем издать книгу.

Всего Вам доброго!

Ваш М. Гетманец.

Актуальные проблемы макаренковедения

Макаренко-центр в Харьковском национальном педагогическом университете имени Г.С. Сковороды разрабатывает проблему «Харьковский период жизни и деятельности А.С. Макаренко». Вместе с тем им разработана актуальная тематика, представляющая всеобщий интерес, необходимая для координации научных исследований макаренковедов.

А.С. Макаренко — великий педагог XX-го века.

Гётц Хиллиг — исследователь научно-педагогического наследия А.С. Макаренко.

Лаборатория Макаренко-реферат в Марбургском университете (ФРГ).

А.С. Макаренко и Дж. Дьюи.

А.С. Макаренко и Георг Кершенштайнер.

А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинский.

А.С. Макаренко и Г.Г. Ващенко.

Система организации воспитания бездомных детей в Украине (20—30-е годы).

Система организации воспитания бездомных детей в Украине в постсоветское время.

Педагогическая теория воспитания А.С. Макаренко в свете христианских ценностей.

А.С. Макаренко и Украина.

Коммуна имени Ф.Э. Дзержинского как воспитательное учреждение.

Колония им. Горького. История, традиции в свете педагоги XXI-го века.

Научные центры макаренковедения в Украине.

Научные центры макаренковедения в мире.

А.С. Макаренко и Н.А. Скрипник.

А.С. Макаренко и К.Н. Кононенко.

А.С. Макаренко и Г.Г. Ващенко.

А.С. Макаренко и украинская идея.

А.С. Макаренко и НКВД.

Н.П. Нежинский — исследователь жизни и деятельности А.С. Макаренко.

Ф.И. Науменко — исследователь научно-педагогического наследия А.С. Макаренко.

А.А. Фролов — исследователь научно-педагогического наследия А.С. Макаренко.

С.С. Невская — исследователь научно-педагогического наследия А.С. Макаренко.

Харьковская школа макаренковедения.

Полтавская школа макаренковедения.

Львовская школа макаренковедения.

Лаборатория «Социальная педагогика А.С. Макаренко» в Нижнем Новгороде.

Семейные дома как воспитательные учреждения нового типа.

Детская школа-интернат в г. Люботине Харьковской области.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
А.С. Макаренко — писатель. Взгляд с исторической дистанции	5
Гётц Хиллиг — исследователь Макаренко	17
Педагогика А.С. Макаренко: общечеловеческое и национальное	26
Духовный мир А.С. Макаренко	34
С установкой на историзм	45
Предисловие к книге Г. Хиллига «Макаренко в год «большого террора»	56
К вопросу о «военизации» в педагогической практике А.С. Макаренко	59
А.С. Макаренко и театр	65
А.С. Макаренко и Украина	74
А.С. Макаренко и Н.А. Скрипник	94
А. С. Макаренко о повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД»	105
О романе А.Н. Толстого «Пётр Первый»	119
Об одной дискуссии и её отголосках	135
А.С. Макаренко о коллективе как эстетической категории	141
Новое издание сочинений А.С. Макаренко	149
Кто такой Макаренко?	155
Приложение Из семейного архива	164
Актуальные проблемы макаренковедения	166

